

ПОЧЕМУ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ ЖУКОВА?

**Олег
Козинкин**

ВОЙНА И МЫ

Олег Козинкин

ПОЧЕМУ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ ЖУКОВА?

В ЗАЩИТУ МАРШАЛА ПОБЕДЫ

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Олег Козинкин

**ПОЧЕМУ
НЕ РАССТРЕЛЯЛИ
ЖУКОВА?**

**В ЗАЩИТУ
МАРШАЛА ПОБЕДЫ**

МОСКВА
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2013

УДК 355/359
ББК 68
К 59

Оформление серии *Ю. Щербакова*

В коллаже на переплете использована фотография:
РИА Новости

Козинкин О. Ю.

К 59 Почему не расстреляли Жукова? В защиту Маршала Победы / Олег Козинкин. — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-699-63430-9

С нелегкой руки «Виктора Суворова», возглавившего «наезд» на Г.К. Жукова, у «либералов» вошло в моду поливать Маршала Победы помоями: он-де и «грубиян», и «мясник», и солдатских жизней не шадил, «заваливая врага трупам» и посылая бойцов «разминировать ногами». Мало того — теперь Жукова пытаются назначить еще и главным виновником катастрофы 1941 года! Есть ли в этих обвинениях хотя бы доля правды? Почему вражеское нападение застало Красную Армию врасплох и можно ли было остановить Вермахт «малой кровью, могучим ударом»? Если Жуков несет ответственность за разгром РККА в начале войны — почему его не расстреляли, как генерала Павлова? О чем Георгий Константинович умолчал в своих мемуарах? Запрещал ли Сталин приводить войска в боевую готовность? И кто на самом деле повинен в трагедии 1941 года?

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-63430-9

© Козинкин О.Ю., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последние годы стало «модным» «развенчивать» Героя Советского Союза маршала СССР Г.К. Жукова. Его и «мясником» называют, который «не жалел» солдат, «разминая» их телами передний край, и «бездарным» полководцем, приписывавшим себе после войны все победы в ней, и мародером. Наиболее активно в «разоблачении» Жукова и особенно в раскрытии «правды» в его вине за трагедию «22 июня» преуспели тот же В. Резун или М. Солонин. Не скрою, лично мне сам маршал Жуков не особо симпатичен как человек и как военачальник, действительно допустивший большие ошибки, граничащие с преступлением в начале войны и особенно в предвоенном планировании. Однако то, что вытворяет в адрес Жукова тот же Резун и ему подобные, требует разбирательства, чтобы выяснить, в чем действительная вина Г.К. Жукова как начальника Генерального штаба перед войной и в самые первые дни ее и в чем «резуны» необоснованно и безграмотно «наезжают» на маршала. А заодно попробуем выяснить, что же произошло в те дни — перед 22 июня и что привело к трагедии 22 июня, и почему Сталин не собирался и не мог напасть на Гитлера первым.

Версий о начале войны, причин «трагедии 22 июня» множество. Среди них наиболее ключевой является такая — армия не была приведена в боевую готовность до нападения Гитлера. «Доказывается» она (утвержденная еще на «XX съезде КПСС») так, как записано в «секретном докладе» Н.С. Хрущева и в бессмертных мемуарах от Г.К. Жукова, и выглядит примерно так: Красная армия оказалась небоготовой к 22 июня, так как И.В. Сталин не разрешал нашим генералам приводить армию и войска в западных округах в боевую готовность! И это стало основной «причиной» по-

ражений первых дней июня 41-го и повлекло в дальнейшем остальные поражения армии в 41-м году вплоть до битвы под Москвой. Другой важной и тоже ключевой «версией» от маршалов-генералов является такая «версия» — «тиран заставил наших военных считать, что Гитлер нападет главными силами через Украину» и поэтому в Киевский Особый военный округ и нагнали столько войск... Эти версии в итоге превратились уже в устоявшиеся мифологемы, которые повторяют и тиражируют все кому не лень — от «резунов» до «официоза» с «независимыми» исследователями. И эти «версии» на самом деле наиболее важные и базовые в «объяснениях» причин трагедии 22 июня.

Байки генералов о том, что «тиран не давал» им привести и даже запрещал приводить войска в западных округах и особенно на границе в боевую готовность перед 22 июня, достаточно подробно разобраны в предыдущих книгах автора — «Кто проспал начало войны?» (М., 2011), «Адвокаты Гитлера» (М., 2011) и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?» (М., 2012). А вот очень важная байка генералов о том, что «тиран заставил» их считать Украину главной в возможном нападении Гитлера и против Украины будут собраны наиболее мощные силы немцев и их союзников, требует отдельного разбирательства. В процессе разбирательств и попробуем выяснить, в чем действительная вина маршала Жукова в трагедии 22 июня, за которую его могли на самом деле и расстрелять летом 1941 года, а в чем его обвиняют зря.

Сразу хочу предупредить читателя — эта книга не разоблачение идей или «творчества» В.Б. Резуна и ему подобных. В. Резуна или того же М. Солонина уже так часто и много разбирали и критиковали все кому не лень, даже его сторонники и поклонники в этом поучаствовали, что писать еще что-то уже просто неудобно. Однако начать придется именно с них. Точнее, придется использовать писанины этих авторов, чтобы на примере их безграмотных фантазий о «22 июня» и о Г.К. Жукове показать на фактическом (и новом) материале, что же на самом деле произошло в те дни. И особенно в военном планировании, и особенно о том, как собирались начинать войну наши

маршалы и генералы и к чему это привело. В чем имеется вина Г. К. Жукова, а в чем его обвиняют напрасно, а также попробуем выяснить, мог ли (собирался ли) СССР-Сталин нападать первым и какая в этом роль Жукова.

В. Резун «утверждает», что Сталин собирался первым напасть на Гитлера и Европу летом 1941 года, но из-за того, что к 22 июня войска еще не приводили в боевую готовность, а Гитлер всего лишь опередил Сталина, то и произошли поражения первого периода лета-осени 1941 года. В этом плане Резун и его сторонники-«резуны» на самом деле всего лишь пошло повторяют слова из «меморандума Гитлера» от 22 июня, в котором тот заявил, что нападает на СССР только потому, что это Сталин собирается напасть на Европу, а Гитлер взял на себя священную миссию защиты Запада и его «ценностей» от «азиатских орд» и поэтому первым наносит превентивный удар по «большевистской России». Поэтому «резуны» не более чем адвокаты Гитлера.

Все остальные версии и гипотезы о «причинах поражения 22 июня» в разных вариациях либо повторяют «официальную» версию от наших маршалов и ЦК КПСС, либо полностью или частично повторяют «версию» от Резуна (и его кураторов в Англии). Есть еще «гипотезы» на уровне легкого сумасшествия — «Гитлер и Сталин сговорились вместе напасть на Англию, но в последний момент Гитлер передумал и напал на ничего не подозревающего друга и союзника Сталина!» Но данную «версию-гипотезу» уже рассматривали в книге «Адвокаты Гитлера».

Наиболее важная версия (официальная) «причин трагедии 22 июня» плавно вытекла из той, что была доказана и существовала еще с лета 41-го — Красная Армия действительно оказалась не приведенной в боевую готовность к 22 июня, отставала в развертывании и не успела *«отмобилизоваться и придвинуться к границам»*. Тогда виновные в срыве приведения в боевую готовность не были названы, но были расстреляны — это отдельные генералы в западных округах, официально расстрелянные «за халатность». При жизни Сталина эта причина — срыв приведения в боевую готовность к 21 июня — особо не афишировалась и не про-

пагандировалась. Но после его смерти, когда все генералы оптом были реабилитированы Жуковым и Хрущевым, пришлось искать нового виновника. И им был назван Сталин, который своими «запретами приводить армию в боевую готовность» до 22 июня и «виновен» в том, что войска спали в казармах в момент нападения.

Байка же о том что «тиран заставил военных» нагнать войска в КОВО, потому что Сталин «заставил» считать военных главным ударом Гитлера удар по Украине, появилась в момент сочинения маршалом Жуковым его «Воспоминаний и размышлений».

Какая из основных версий причин поражений «22 июня» будет навязана обывателю, имеет очень большое значение. Будет ли это версия от В. Резуна, или от «официоза» времен Хрущева, или нечто отличное как от одних, так и от других — крайне важно. Если, к примеру, будет доказано, что это Сталин (СССР-Россия), а не Англия и США «несет ответственность за развязывание Второй мировой» (в том или ином варианте), то можно начинать пересматривать ИТОГИ Второй мировой войны! Хотел ли Сталин под воздействием «революционных песен» напасть на всех или о чем-то «договаривался» с Гитлером и хотел вместе с ним напасть на ту же Англию — не так важно, это «детали». Важно, что он (и СССР соответственно) все равно «агрессор»! СССР-Россия по итогам войны получили Курилы, Сахалин, Калининград. А «докажешь», что СССР (Россия) не жертва, а агрессор, и можно поднимать вопрос о пересмотре итогов войны и о правах нынешней России на советское наследство. И те же «версии» В. Резуна или Солониных-Мельтюховых-Бешановых и прочих Мелеховых (что одно и то же по сути) о «22 июня» именно эти цели и преследуют в итоге. При этом основу отношения подобных «историков» к «Тирану и злодею» замечательно передает фраза из кинофильма «Мимино», сказанная персонажем Фрунзика Мкртчяна: *«Такую личную неприязнь я испытываю к потерпевшему, что даже кушать не могу»*. А под эту «личную неприязнь» пойдут любые «доказательства».

И дело ведь совсем не в том, что хотят обидеть «раси-янский» народ обвинениями в желании напасть то ли на

Германию, то ли на бедную Англию (завтра еще что-нибудь придумают). Дело как раз и прежде всего в подготовке западного (прежде всего) «общественного мнения» на «ПЕРЕСМОТР» итогов Второй мировой войны, после которых можно и глобальное перекраивание границ организовывать. Один раз у них это уже получилось с «Горби», когда на мутной волне разоблачения «Пакта Молотова—Риббентропа» и «секретных приложений-протоколов» к нему отделили Прибалтику и организовали развал Союза Советских Социалистических Республик, названный одним политиком величайшей геополитической катастрофой XX века, затронувшей весь мир. Такая же ситуация и с «причинами трагедии 22 июня». Официальным историкам удобнее не ворошить проблему «22 июня», чтобы «не обидеть» наших маршалов и генералов Победы. Зато на «выяснении» причин трагедии 22 июня при стыдливом молчании «профессиональных историков», прекрасно знающих, из-за чего и, главное, из-за кого и произошла «трагедия 22 июня 1941 г.», «резуны» и им подобные «гипотезеры» и резвятся от души. Почитайте последние перлы В. Резуна типа его книги «Разгром» — пока «официоз» отмалчивается, Резун резвится в поливании помоями СССР-России и того же Г.К. Жукова от души. А тот же некто А. Мелехов в своей книге «22 июня: Никакой «внезапности» не было! Как Сталин пропустил удар» (М., 2012, с предисловием-благословением самого гуру) договорился до того, что в СССР все знали о готовящемся нападении (сам В. Резун это отрицает еще), но чуть ли не специально ничего не делали и никаких мер не принимали к нападению Германии. И поэтому пора судить Советскую власть целиком за погибших в той войне. А заодно и всех в НКО и ГШ и в Кремле, конечно же.

Навсегда вошедший в «историю» В.Б. Резун-«Суворов» замечательно сказал о том, как он пишет свои «сенсационные» книги: *«Это мой метод, уже фирменный знак. Я пользуюсь общедоступными открытыми материалами специально для того, чтобы каждый мой критик, каждый, кто согласен со мной или не согласен, сказал бы — ах да, можно проверить. Ведь я же не свое мнение высказываю. Начиная, я в первой главе говорю: маршал Советского Союза Рокоссовский сказал*

вот это, а маршал Советского Союза Василевский вот это сказал, вот Конев, и перечисляю их всех, Голиков что сказал, Кузнецов. Я цитирую «Красную звезду», «Военно-исторический журнал». То есть меня нельзя обвинить в клевете, ибо я говорю: товарищи дорогие, дамы и господа, читайте, это все — открытым текстом».

Резун-«Суворов» (и его поклонники) не просто «цитирует» мемуаристов и прочие «открытые источники», игнорируя напрочь архивы и уже опубликованные документы. «Мемуары» он пошло подгоняет под свои «версии», вырывая фразы из текста, прекрасно зная, что приведенные им источники, с одной стороны, не могут использоваться в исторической науке как достоверные «на все сто», в принципе, а с другой — никто особо не будет перечитывать авторов, на которых «ссылается» Резун. Но самое важное — немногие вообще в принципе могут знать, как оно там было на самом деле в те предвоенные дни... При этом «резуны» под видом «высказывания не своего мнения» просто жульничают, прикрываясь якобы высказываниями тех же маршалов. Берется отдельная фраза из контекста или одно из высказываний какого-то «василевского», но с чем связана эта фраза, что сказано до или после этой фразы — не показывается. Часто слова просто перевираются или меняется смысл сказанного мемуаристом. И уж тем более будут тупо игнорироваться другие слова или высказывания этого же «маршала», если они не подходят «Резуну». Вот такой вот у В. Резуна и его сторонников «фирменный знак». А толпы историков упорно борются с его «ледоколами». Впрочем, Резун и ему подобные ведь «правду» открывают. А, используя «открытые материалы», потом всегда можно сказать — мол, я же не знал, что этот «мемуарист» привирает.

В этой же книге и цитаты из мемуаров генеральских будут приведены достаточно полно, и подтверждающие (или опровергающие) их документы последних предвоенных дней будут показаны тоже достаточно подробно. Чтoб не было обвинений в передергивании и в искажении приводимых источников.

По сути, «творчество» В. Резуна не более чем идеологическая война против России — правопреемницы СССР, ко-

торая началась не вчера, не завтра и закончится. Была она всегда. При этом глупо всерьез говорить про некие мифические «ЗАГОВОРЫ Запада против России». Глупости все это. Просто идет обычная будничная открытая и скрытая борьба (конкуренция на грани геноцида) за мировое лидерство, мировое господство, за взятие под контроль ресурсов на планете. А уж сами ли «расеяне» добровольно отдадут свою территорию и ресурсы под контроль западных банков и бизнес-структур или их для этого надо слегка уничтожить-ополовинить тем или иным способом, не очень-то и важно. А так как чаще всего Россия не очень торопится «сотрудничать» с Западом на правах «полуколонии», то ее всегда будут дерьмом поливать, если не получается заполучить силой или обманом. В конце концов, Россия и то, что было в составе СССР, это все та же 1/6 территории всей Земли. А если, как при Сталине, она будет Независимой и окружит себя дружественными странами, то никакого мирового господства над планетой Западу не видать.

Запад и его восторженные поклонники в России, что «шакалят» у буржуйских посольств за «банку варенья и пачку печенья», постоянно навязывают нам «Пересмотр Итогов Второй Мировой Войны». Пересмотр, не пересмотр, а вот переосмысление сути Великой войны нашему народу иногда необходимо и точно не повредит. Это вообще необходимо делать в России регулярно для напоминания самому же народу, чтоб не расслаблялись в объятиях «данайцев, дары приносящих». В свое время, в конце 1980-х годов, нежелание населения СССР задумываться, но прежде всего отсутствие благодаря славной КПСС правдивой информации о предвоенных годах и событиях вокруг того же «Пакта Молотова—Риббентропа» привело к распаду Большой России (СССР) на части. Именно идеологическая пропагандистская обработка населения СССР (в том числе и используя «историю») позволила, создав «чувство стыда за проклятое прошлое», начать разрушение страны. И огульное и безграмотное поливание помоями того же маршала Г.К. Жукова также должно в этой идеологической войне против СССР-России помочь в перспективе в развале России.

Наш сегодняшний день целиком зависит от той оценки, что дают нынешние историки тому времени. Особенно времени Сталина. Это не значит, что надо для создания красивого «имиджа» своей страны пуститься в сплошное обеление нашей истории. Это уже было на издохе КПСС. Кончилось это как раз «разгулом разоблачительства» «выбеленной» истории СССР.

Как говорится, не можете бороться с явлением — возглавьте его. Пишите, если сможете, обо всей правде, а не только о той, что подходит для зашибания денег или тешит самолюбие пигмея, pinaющего мертвого великана. А самое главное — уважайте хотя бы ту страну, историю которой описываете. А то развелось ревизионистов, как «Донов Педров, и не сосчитаешь». Дело не в том, что на эти «версии» обидятся сталинисты или еще кто. Вопрос в том, кем является СССР (Россия) — Жертвой или Агрессором в этих «версиях и гипотезах». И имеет ли право современная Россия на послевоенные «трофеи» до сих пор и на собственные границы. Вопросы, затрагиваемые в этих фантазиях, превращаются так или иначе в мировые политигры. Так что будьте осторожны, дорогие «историки». И подумайте сто раз, прежде чем обрадовать нас, читателей, сенсацией.

Всем нужна правда. Но именно Правда о войне, а не «сенсация». А версия типа Сталин хотел напасть на кого-нибудь (в разных вариациях) — не просто глупость, ничем не подтверждаемая, но еще и очень выгодная кому-то глупость. Читаешь перлы от того же Резуна, и складывается мнение, что за ним откровенно стоят «соавторы». Но мне проще. Я не историк, новых гипотез не сочиняю и ничего доказывать не собираюсь.

Данная книга является неким продолжением книги «Адвокаты Гитлера», в которой уже делался разбор некоторых «версий» и «гипотез» о начале Великой Отечественной войны в писаниях различных авторов. Авторы эти в основном оказались последователями В.Б. Резуна или его идей, так или иначе. А так как В. Резун и его поклонники заявляют, что Гитлер напал на СССР, защищаясь от готовящейся Сталиным агрессии, и сам Гитлер именно об этом заявлял, на-

падая на СССР, то данные сочинители (хотят они этого или не очень) автоматически и становятся «адвокатами Гитлера».

В первой книге не было проведено разбора сочинений самого «лондонского сидельца». В. Резуна и без меня пинают все кому не лень (кроме, конечно, официальных историков, делающих вид, что такой проблемы, как В. Резун, не существует в принципе). Но чаще всего берутся его некие отдельные высказывания (куски текстов с некими утверждениями) и высмеиваются. Однако «творчество» Резуна требует именно отдельного и подробного разбора. И хотя его одной главой в одной книге так просто не «разоблачишь», разбирать надо именно целые тексты-главы. Но коли «официальные» историки не торопятся разбирать по буквам «творчество» Резуна, то «разоблачать Резуна» будут «любители».

Данная книга построена по принципу «форумных баталий» на исторических форумах в Интернете, когда на «высказывания» одного «историка» следует ответ или комментарий его оппонента. И начать ее стоит с разбора «творчества» самого «В. Суворова», В. Резуна в «девичестве». С его описания событий вокруг 22 июня и с его «наездов» на маршала Г.К. Жукова.

Когда речь идет о роли маршала Г.К. Жукова в трагедии 22 июня, приходится признать и его личную вину за эту трагедию, за погром РККА в первые недели войны, за подготовку армии к нападению Гитлера и за безграмотное и авантюрное предвоенное планирование, которое также привело к огромным проблемам. А выяснив, что вина Жукова как начальника Генштаба (вместе с наркомом обороны С.К. Тимошенко) во всем этом также есть, приходится отвечать и на «простой» вопрос — почему же тогда «кровавый тиран» Сталин вместе с павловыми не расстрелял начальника Генштаба Жукова с наркомом обороны Тимошенко.

Сразу оговорюсь — все «выжирнения» и подчеркивания что в приводимых документах и мемуарах, что в «авторском» тексте сделаны мною. Сделаны по простой причине — нельзя писать о проблеме 22 июня, просто переска-

зывая содержание документов и тех же мемуаров очевидцев или давая выжимки из «источников». И без меня хватает «исследователей», которые так и делают, но слишком часто они и дают именно свою личную трактовку и документов, и слов очевидцев. Я же на себя такой «смелости» брать не хочу. Большая часть читателей подобных исследований читают подобные работы с карандашом в руках, но чтобы читатель не выискивал важные пункты в документах или словах очевидцев, которые и важны для данной работы, я и взял на себя некую смелость выделить или подчеркнуть эти самые важные места. Уж больно много придется цитировать важных документов и мемуаров. Также хотелось бы сразу «извиниться» перед читателем за цитирование больших кусков приводимых мною текстов тех же мемуаров очевидцев или документов. Исследуемые вопросы очень сложны и важны, и доказывать что-то отличное от устоявшихся стереотипов надо именно большим количеством фактов, документов и подтверждений. При этом каждый читатель, видя перед собой эти документы или мемуары, сможет уже сам делать свои выводы, если не согласен с моими. Но сможет сделать их на основе показанного оригинала, а не моих «пересказов» этих первоисточников в виде моего «мнения».

Итак, начнем с защиты маршала Жукова от «резунов»...

В.Б. РЕЗУН О ПРИВЕДЕНИИ ВОЙСК В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ПЕРЕД 22 ИЮНЯ И О «ДИРЕКТИВЕ № 1»

**(В защиту маршала Жукова, «немного» о предвоенных
«планах войны» в СССР, или В чем на самом деле вина
Г.К. Жукова в трагедии 22 июня. А также о том, как Резуну
подкузьмил М. Солонин)**

Часть 1

В. Резун о «планах войны» и боевой готовности

У сторонников В. Резуна есть замечательное свойство — что бы вы им ни приводили (факты, доказательства, документы), они все равно напишут (причем все пишут) примерно одну и ту же фразу обязательно в предисловиях своих книг: «Версии Владимира Богдановича Резуна никто за все эти годы так ни разу не опроверг, ибо Резун выдал правильные факты и правильно их интерпретировал...» (примерно так). В любом случае — никто еще ни разу В. Резуна не смог опровергнуть! А если кто и пишет нечто отличное от Резуна, то это исключительно одно — «бла-бла-бла...» и «бездоказательно». При этом читать «резунов» одно удовольствие, никакого «бла-бла-бла» ни у Резуна, ни у его странных поклонников-сторонников нет вовсе. И «доводы» при этом «убойные». Например, если советские войска перемещаются к западной границе, с которой может быть нападение Германии, а не на Чукотку, то однозначно недоброе замышляют...

Все эти годы все кому не лень уже разбирали писанину Резуна. Книги его выходят многотысячными тиражами

регулярно, особенно одна, поливающая Г.К. Жукова помоями. Ее-то и стоит разобрать подробнее. Точнее, не всю книгу, а буквально несколько страниц, одну главу. Дело в том, что достаточно просто ткнуть пальцем в любую страницу в любом месте книги Резуна, и вы тут же найдете пример безграмотности «Суворова», а точнее, намеренного вранья — ведь не многие являются специалистами в военной кухне и не понимают, что В. Резун примитивно врет, сознательно искажает факты и действительность, обвиняя Жукова или Сталина в неких «грехах»...

На самом деле «разоблачать» Резуна занятие как неблагодарное, так и долгое. Ведь на каждое его высказывание-предложение надо написать целые исследования-опровержения. С таким же успехом научно-медицинские институты могли бы «разоблачать» всевозможных чумаков и прочих кашпировских.

Однако его книга о Жукове стоит того, чтобы разобрать ее немного.

Не скрою, к личности Г.К. Жукова как военачальника, несущего ответственность за провальное начало войны, отношение у меня неоднозначное и далеко не положительное. Однако мне не нравится то, как поливают помоями этого маршала такие, как «резуны»... Вина Жукова в трагедии 41-го несомненна, но она совсем не в том, в чем «обвиняет» Г.К. Жукова В. Резун. Так что придется защищать маршала от грязных наездов и обвинений «фарцовщика» от истории. А самое главное — на фоне бредней тех же В. Резуна или М. Солонина покажем, в чем действительно вина Жукова как полководца в «трагедии 22 июня».

Итак. Берем такую писанину «приговоренного к расстрелу разведчика» — В. Суворов, «Тень Победы», изд. Эксмо-Пресс. М., 2010, мягкая обложка, 415 стр. Размер 11×17 см, тираж 10 000 экз.

Данная книга — переиздание. Выпускается в разных вариантах еще с 2001 года. Выходило это также в варианте «Маршал Победы: Тень Победы. Беру свои слова обратно» в последние годы и также тиражами в 10 000 экземпляров. То есть охват читателей вполне приличный...

Для разбора возьмем наиболее важную главу — о действиях Жукова в последние дни перед 22 июня и сразу же после начала войны. Главу будем приводить частями и частями же разбирать, ведь хитрость вранья «резуна» в том, что на каждое его предложение-утверждение надо приводить целые страницы разъяснений особенностей военной службы и т.п. Так что наберитесь терпения... Кстати, при разборе писанины В. Резуна вполне возможны некие повторы того, что читающий уже видел в предыдущих моих книгах и разборах событий предвоенных дней и начала войны. Но тут ничего не поделаешь — без неких повторов и разборов имеющихся событий и фактов с документами не обойтись...

Итак, глава 11 «Действовать по-боевому»:

* * *

«Жукову надо было готовить планы оборонительной войны. Планов не надо было много. Следовало набросать на карте общий замысел: что мы намерены делать в случае нападения противника. Затем — распределить боевые задачи: кто и что обязан делать в случае нападения противника и непосредственно перед этим нападением».

* * *

Никаких «планов оборонительной войны» не существует в принципе, и так вообще никто в армии не говорит. Есть некое понятие — «план обороны». Но даже таких планов как таковых не существует и существовать не может. Под «Планом обороны» подразумевают комплекс мероприятий и документов на случай нападения врага. Основным и самое главное — единственно утвержденным на июнь 1941 года являлся такой документ, как «Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками...». Разработан он был в июле-августе 1940 года маршалом Шапошниковым, начальником Генштаба РККА на тот момент.

Как указывается в сборнике «1941 год — уроки и выводы»¹:

«Оперативный план, как главный документ плана войны, представлял собой совокупность документов, обеспечивающих при их выполнении организованное развертывание и вступление в боевые действия армии и флота в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций. Он включал:

директиву правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил;

записку, разработанную начальником Генерального штаба и утвержденную наркомом обороны СССР, о порядке стратегического развертывания Вооруженных Сил (задачах фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям;

план стратегических перевозок для сосредоточения Вооруженных Сил на театрах военных действий; планы прикрытия стратегического развертывания;

план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии;

планы по связи, военным сообщениям, ПВО и др.

В отличие от оперативного плана в плане стратегического развертывания не определялись замысел первых операций и задачи фронтам»².

Эти «Соображения» Шапошникова от 19 августа 1940 года, по словам военных историков, изучавших эти документы, были подписаны Молотовым, главой правительства, и Сталиным, «главой» партии. Затем этот «План развертывания» постоянно пытались дополнять и корректировать вплоть до начала войны. В сентябре 1940 года уже новый начальник Генштаба, генерал Мерецков сочинил «свои» Соображения». Они практически ничем не отличались от «Соображений» Шапошникова по сути. Поэтому

¹ М.: Воениздат, 1992. Группа авторов. Есть в Интернете. На титульном листе этого сборника указано: «Генеральный штаб Объединенных Вооруженных Сил СНГ» и «Для служебного пользования».

² 1941 год — уроки и выводы. С. 52—53.

традиционно этот документ называют «Соображения Шапошникова—Мерецкова».

«Во исполнение решения Главного военного совета от 16 августа 1940 г. 18 сентября Советскому правительству был представлен доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940—1941 гг.». При разработке этого документа прежде всего тщательно изучались наиболее вероятные противники на главных и второстепенных театрах военных действий. Оценивались предполагаемые ими замыслы, количество противостоящих сил и средств на каждом стратегическом направлении.<...>

Наиболее сильным противником на Западе считалась Германия. Всего же на границах Советского Союза, по оценке Генерального штаба, вероятные противники могли сосредоточить 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тыс. орудий и 18 тыс. самолетов. При этом фашистская Германия с сателлитами (Финляндия, Румыния, Венгрия) будет способна выставить 233 дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов, а на Востоке Япония — до 50 дивизий, 1200 танков и 3 тыс. самолетов.

Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение фашистской Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника являлось определение его главного удара. Анализ данного доклада и предшествующих планов показывает, что Генеральный штаб достаточно обоснованно определил развертывание главных сил фашистской Германии к северу от устья р. Сан в целях нанесения и последующего развития главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск, Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Удар на Ригу мог быть поддержан высадкой морских десантов в районе Либавы и захватом островов Даго и Эзель в целях последующего развития наступления на Ленинград.

Вспомогательные удары вероятны из районов Ломжи и Бреста на Барановичи, Минск. Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара из Восточной Пруссии в целях выхода в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной.

Не исключалась возможность, что противник с целью захвата Украины может нанести главный удар в общем направлении на Киев. В этих условиях наступление из Восточной Пруссии рассматривалось как вспомогательное. Однако в докладе подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан». При этом учитывались удары со стороны Финляндии на Ленинград и наступление из районов Северной Румынии на Жмеринку.

При разработке документов Наркомат обороны и Генеральный штаб в отличие от германского командования руководствовались тем, что будущая война примет продолжительный характер.<...>

При этом признавалось, что война может начаться внезапно. На это указывали как практика осуществления Германией своей военной доктрины, так и состояние армий государств фашистского блока»¹.

Как видите, основной «План войны» СССР предполагал нанесение Гитлером главного удара по Прибалтике и Белоруссии с последующим наступлением на Москву. И по этому плану наиболее разумным и грамотным было бы сосредоточение наших главных сил в этих республиках — против главных сил Германии. С последующим ответным ударом именно на этом участке границы СССР—Германии. Однако, как писал потом маршал Захаров, со стороны Тимошенко—Мерецкова началась возня с переакцентированием направления главного удара РККА в случае войны с Германией с Белорусско-Прибалтийского направления, с которого и ждали основной удар Гитлера, на Украинское. То есть Б.М. Шапошников, ожидая из Пруссии и Польши основной удар, предлагал против немецкой группировки такие же мощные силы РККА размещать в Белоруссии и Прибалтике. Тимошенко же с Мерецковым стали протаскивать идею, что даже если удар из Пруссии и Польши и будет основным, надо главные силы РККА западных округов разместить

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 53—54.

в КОВО на Украине для ответного флангового удара в случае нападения Германии. А в той же Белоруссии достаточно оставить силы чуть поменьше, для «упорной обороны»:

«Испокон веков, еще с наполеоновского наступления на Россию, считалось, что главным направлением для действий противника против нас на западе будет смоленско-московское направление, севернее рек Припять и Сан (то есть со стороны Бреста, через Белоруссию. — О.К.). Так оно оценивалось и в записках Генерального штаба РККА за подписью Б.М. Шапошникова. При этом предлагалось против основных сил врага выставить и наши главные силы.»

Но с приходом на должность Наркома обороны тов. С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба тов. К.А. Мерецкова взгляды на стратегическое сосредоточение и развертывание резко меняются, хотя в оценке возможных действий противника расхождений не было.

Главная группировка советских войск создается южнее Припяти для выполнения следующей стратегической задачи: «Мощным ударом в направлении Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне» (Архив ГОУ ГШ, оп. 240—48 г., д. 528-V).

В плане стратегического развертывания указывалось: «Удар наших сил в направлении Краков, Бреслау, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительно политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши» (там же).

По этому варианту и была развернута Красная Армия к началу Великой Отечественной войны» (Захаров М., Накануне великих испытаний (М. 1968); Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 421).

Историки на сегодня уверены, что вариант «Барбаросса» с его направлениями ударов и т.п. на стол к Сталину до 22 июня не попал. Добывала ли разведка СССР предварительные разработки Паулюсов осени 1940 года? Вряд ли, по крайней мере, об этом ничего не известно. Однако Ша-

пошников уже в июле-августе 40-го четко просчитал эти самые направления главных ударов, которые спланировали генеральный штаб ОКХ во главе с Гальдером и штаб оперативного руководства ОКВ во главе с Йодлем, получавшим указания непосредственно от Гитлера.

«К 5 августа 1940 г. в генеральном штабе ОКХ был подготовлен «Проект операции на Востоке», в котором была отражена идея создания двух крупных группировок немецких войск на московском и киевском стратегических направлениях, из них главная должна была действовать на московском направлении.

В штабе оперативного руководства ОКВ к 15 сентября был подготовлен также проект плана, в котором в отличие от проекта ОКХ предусматривалось создание трех стратегических группировок: двух — севернее Припятских болот, одной — южнее. Главный удар предполагалось нанести центральной группировкой с применением основной массы танковых и моторизованных дивизий в промежуток между Днепром и Западной Двиной, с тем чтобы рассеять советские силы в районе Минска и затем наступать в общем направлении на Москву. (8)(См.: План «Барбаросса»: Сборник документов о подготовке фашистского вермахта для агрессии против СССР (на нем. яз.). Берлин, 1970. С. 121—126.)¹

<...>

5 декабря 1940 г. Гальдер в докладе Гитлеру предложил создать три группы армий, из них самую крупную — на направлении Варшава, Москва.

<...>

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 верховного главнокомандования, получившую условное наименование «План «Барбаросса». <...> Главный удар согласно директиве должен был наноситься севернее Припятских болот, где следовало сосредоточить две группы армий. Центральной группе ставилась задача наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее нанести поражение противнику в Белоруссии. (11) (См.: План «Барбаросса». С. 143.)»

¹ Исходная нумерация примечаний сохранена.

(«1941 год — уроки и выводы», кандидат исторических наук А.С. Якушевский — подраздел «1.2 Подготовка вооруженных сил фашистской Германии против СССР»).

Обратите внимание на то, что по варианту «Барбаросса» севернее Припятских болот против Прибалтики и Белоруссии сами немцы планируют две группировки войск вермахта. И чуть ниже мы увидим, что именно эти две группы армий и ожидалось нашим Генштабом в различных «Соображениях».

Но маршал М.В. Захаров прямо указывает, что с приходом Тимошенко—Мерецкова к осени 1940 года (Жуков только продолжил в феврале 1941 года эту деятельность) в наркомат и ГШ и произошло переакцентирование задач приграничных округов на подготовку наступления из Украины в ответ на вторжение Германии вместо подготовки сильной обороны в Белоруссии с последующим ответным контрнаступлением на В. Пруссию и «на Варшаву».

Осенью 1940 года и зимой 1940/41 годов в Кремль периодически подавались «записки» от «киевской мафии» на эту тему. А в марте 1941-го даже были отработаны в ГШ новые «Соображения» (о них чуть позже). При этом сочинители тех «записок» (и многочисленных черновых «Соображений») и запустили байку через «воспоминания» жуковых, что это именно Сталин и заставил их считать южное направление главным в ударе немцев и нагонять основные силы именно в Киевский ОВО. Хотя в принципе некая «логика» в этом варианте наступления из КОВО и была — в этом месте Польши просто легче наступать, чем на Пруссию.

Назвать «Соображение» Шапошникова не «оборонительным» или тем более «агрессивным» в принципе невозможно. Хотя такие последователи В. Резуна, как М. Соломин и М. Мельтюхов, до этого и договорились уже в своих работах (впрочем, вроде как и многие другие как их сторонники, так и оппоненты).

«Соображения» Шапошникова легко находятся в Интернете:

**«№ 95. ОБ ОСНОВАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО
РАЗВЕРТЫВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР б/н
[не позже 19 августа 1940 г.]**

Особой важности.

Сов. секретно. Только лично.

Докладываю на Ваше рассмотрение соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы.

Докладывая основы нашего стратегического развертывания на Западе и на Востоке, прошу об их рассмотрении.

<.....>

ПРИЛОЖЕНИЕ: особо важн. схема № 1.

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза

(С. Тимошенко)

Начальник

Генерального штаба К[расной] А[рмии]

Маршал Советского Союза

Б. Шапошников

ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Лл. 1—37. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеется помета: «Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам. нач. Опер. упр. генерал-майор Василевский». Подлинник, автограф Б. М. Шапошникова» (сайт «Боевые действия Советской Армии в ВОВ». Легко находится в Интернете.)

В этих «Соображениях», как и указали составители сборника «1941 год — уроки и выводы», предусматривалось два варианта нападения Германии — «северный», по которому главный удар будет идти по Прибалтике и Белоруссии, и «южный», в котором стоит ждать главного удара и по Украине. Но при этом в этом «плане Шапошникова» предпочтение отдается именно «северному варианту». Хотя и допускается как предположение, что: *«Не исключена возможность, что немцы, с целью захвата Украины, а в дальнейшем и Кавказа, сосредоточат свои главные силы к югу от устья р. Сан в районе Седлец, Люблин с направлением главного удара на Киев.*

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии, как указывалось выше.

При этом варианте действий Германии надо ожидать, что немцы выделяют для действий на юге 110—120 пехотных

дивизий, основную массу своих танков и самолетов, оставив для действий на севере 50–60 пехотных дивизий, часть танков и самолетов».

Однако в этом «Плане Шапошникова»: *«Основным, являющимся более политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»*. То есть главный удар Гитлера будет в районе Бреста и по Литве, из Восточной Пруссии и Польши. И Шапошников в этих «Соображениях» предусматривает такое развитие событий:

«V. Основы стратегического развертывания

На Западе

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья.

На Юге — активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является — нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной ПРУССИИ и в районе Варшавы...»

Единственно утвержденные и законные «Соображения» Шапошникова предусматривают: если Германия собирается нападать, то она будет наносить свой главный удар по Прибалтике и Белоруссии. А задача СССР, активной обороной сдерживая неприятеля на Украине, организовать главными силами РККА *«нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы»*. То есть в случае нападения Германии сдерживать первый удар, а затем ударить по немецким войскам, расположенным в В. Пруссии и в районе Варшавы, в Польше. По *«сосредоточивающимся»* в этих районах войскам Германии!

«Резуны» могли бы праздновать «победу» — «агрессия» СССР «доказана»... Но только в том случае, если бы речь шла об ударе именно по еще только сосредоточивающимся немецким войскам. А так все ясно — в Прибалтике и Белоруссии надо иметь главные силы и быть готовыми наносить

ответный удар по немецким войскам, сосредоточенным (т.е. уже находящимся) в В. Пруссии и северной Польше.

Но даже если хочется кому-то видеть в этих словах «Соображений» Шапошникова именно подготовку агрессии (удар по только еще сосредотачивающимся войскам Германии), то одно дело иметь некие «планы», а другое — какие «планы» возникнут на основе этих планов! Ведь после утверждения «Соображений» от августа-сентября 1940 года Генштаб и получил команду-разрешение разработать ДВА варианта развития событий — по отражению удара в Прибалтике—Белоруссии, с ответным ударом там же, и по подготовке ответного удара из Украины. Так называемые «северный» и «южный» варианты. А на основе принятого «варианта» и должны были разработать в округах свои «планы прикрытия» на случай уже нашей мобилизации и сосредоточения войск. И вот в них уже и показано — никакой подготовки превентивного удара по вермахту с целью «нанесения поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной ПРУССИИ и в районе Варшавы» или еще где — нет и не предусматривается.

Как указали в сборнике «1941 год — уроки и выводы» профессиональные военные историки: «Перед Вооруженными Силами СССР была поставлена двуединая задача: готовиться к ответному удару и одновременно к решительному разгрому агрессора с перенесением военных действий на его территорию. Считалось, что части Красной Армии должны быть всегда готовы ответить молниеносным ударом на всякую внезапность со стороны врага. (79) (См.: Оперативный словарь. М., 1940. С. 46.)

Данное доктринальное положение имело принципиальное значение для понимания характера начального периода возможной войны. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать сдерживающие боевые действия, и, во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована высокой боевой готовностью армии¹.

«Наиболее сильным противником на Западе считалась Германия. Всего же на границах Советского Союза, по оценке Генерального штаба, вероятные противники могли сосредото-

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 51.

чить 280—290 дивизий, 11 750 танков, 30 тыс. орудий и 18 тыс. самолетов. При этом фашистская Германия с сателлитами (Финляндия, Румыния, Венгрия) будет способна выставить 233 дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов, а на Востоке Япония — до 50 дивизий, 1200 танков и 3 тыс. самолетов.

Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение фашистской Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией» (с. 53).

Самые последние Директивы НКО и ГШ на разработку окружных «Планов прикрытия и обороны госграницы» были датированы 5—14 мая. И в них четко прописывались именно оборонительные мероприятия.

Для ПриОВО — № 503920/сс/ов от 14 мая:

«С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск ПриОВО к 30 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

а) детальный план обороны государственной границы ...»

Для ЗапОВО — № 503859/сс/ов от 5 мая:

«С целью прикрытия от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 20 мая 1941 года лично Вам, с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

а) Детальный план обороны государственной границы...»

Для КОВО — № 503862/сс/ов от 5 мая:

«Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

1. Детальный план обороны государственной границы...»

Для ОдВО — № 503874/сс/ов от 6 мая:

«Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

1. Детальный план обороны государственной границы...»

(Примечание: Кстати, обратите внимание на номера директив для ЗапОВО и КОВО. Для КОВО — Директива на новые ПП подписана 5 мая и имеет № 503862, для ЗапОВО —

№ 503859, и она также подписана 5 мая. Но в Киев своя пришла уже 5 мая, а в Минск своя — только 14 мая. Т.е. директива для Белоруссии ушла из ГШ позже на 9 дней. Т.е. — директивы для Минска и Киева подписали в один день, но умышленно отправляли в ЗапОВО с задержкой. А ведь ПП во всех округах должны были отработать к концу мая. Т.е. Минску специально «сократили» время на эту отработку...)

Данные ПП разработали по «южному» варианту отражения агрессии Германии, а в мае же 1941 года (к середине мая, на основании разведданных «на 15 мая») Василевский с Жуковым изготовили черновик еще одних, новых «Соображений», по которым они предлагали нанести именно превентивный удар по немецким войскам первыми, «а-ля Тухачевский». Именно этим (а не «Соображениями» от августа-сентября 1940 г.) никем не утвержденным черновиком и размахивают «резуну», пытаясь доказать, что Сталин собирался напасть первым и военные по его команде изготовили такой «план нападения», да Гитлер успел первым напасть («как жаль» или «к сожалению» — выбирайте по вкусу).

Но еще раз повторю — на случай отражения агрессии, отражения первого удара напавшего врага также в приграничных округах «испокон веков» существуют «Планы обороны и прикрытия госграницы», которые разрабатываются на основе утвержденных документов типа «Соображений о стратегическом развертывании» армии на такой-то период и которые также входят в комплекс документов «плана обороны» страны. Эти «Планы прикрытия» в обиходе военные иногда называют и «планами обороны». Однако заметьте — Резун ни разу не употребит этот термин — «Планы прикрытия» и тем более «обороны»! Ведь ему нужны «планы нападения»... Так вот эти планы (ПП) также существовали в западных округах и тем более с тех пор, как к СССР были присоединены Западная Белоруссия и Западная Украина с Бессарабией (Молдавией). Эти ПП также постоянно дорабатывались и корректировались, и это, в принципе, норма военного планирования и службы.

В. Резун много чего вываливает на Г.К. Жукова, но, как указали авторы сборника «1941 — уроки и выводы», более существенным является вот что:

«Как отмечал Г.К. Жуков, «Нарком обороны и Генштаб считали, что война... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений». (81) (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М., 1978. Т. 1. С. 217)». То есть практически немедленно. И как считают составители сборника «1941 год — уроки и выводы»: «Таким образом, в оперативном плане была заложена стратегическая ошибка в оценке сил и способов ведения боевых действий противником в начальном периоде войны. И это случилось, несмотря на выводы советских военных теоретиков, что главной отличительной особенностью военных действий на Западе явилось их внезапное начало полностью развернутыми еще до начала вторжения силами». То есть шапошниковы расписали в «планах войны», что надо ждать от Германии и к чему готовиться, но жуковы вроде как не ждали такого массированного удара вермахта, что произошел в реальности в июне 41-го. Шапошников не предполагал немедленного ответного удара по напавшему врагу, а уже Тимошенко—Мерецков и затем и Жуков стали готовить войска западных округов именно к немедленному ответному удару. А ведь в этих «воспоминаниях» Жуков соврал — главные силы РККА должны были вступить в бой не ранее «10—15» суток после начала войны, — и он сам это подтверждал (об этом чуть позже подробнее).

Последняя корректировка существующих «Планов обороны и прикрытия госграницы» западных округов произошла в начале мая 1941 года, когда в западные округа пришли Директивы НКО и ГШ на разработку новых ПП. И к концу мая все «Планы обороны и прикрытия» западных округов командующие этими округами должны были представить в ГШ на утверждение.

Однако, как утверждают авторы сборника «1941 год — уроки и выводы»: «Проведенный анализ также показывает, что разработанные на основе директив наркома обороны планы прикрытия в приграничных военных округах не соответствовали рассмотренным ранее рабочим доку-

ментам по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил!»¹.

То есть Генштаб, в мае 41-го отправляя в западные приграничные округа директивы на разработку новых «Планов прикрытия», искажил суть имеющихся и утвержденных «Соображений»! И искажение это было, прежде всего, в сроках начала ответного удара. Произошла та самая «подмена» Жуковым и его подчиненными в ГШ имеющихся единственно утвержденных «планов войны»! В. Резун пытается обвинять Жукова в разных придуманных им же самим дуростях, а надо смотреть, что на самом деле натворил будущий маршал Победы и где «лукавил»...

Были еще «планы мобилизации», что вместе с «планом развертывания» входят в понятие «План войны», но их рассматривать здесь не будем. План мобилизации — это план, как войска «собрать» для войны (призвать из РВК приписных и т.п.). План прикрытия и обороны — как войска уже собранные развернуть и выдвинуть на границу для отражения нападения. Хотя даже военные их часто «смешивают».

Но вот что интересно. Уже в октябре 1940 года начальник ГШ Мерецков должен был разработать эти два варианта «Соображений» — по «северному» и по «южному» вариантам отражения агрессии. И об этом пишут авторы сборника «1941 год — уроки и выводы»:

«5 октября 1940 г. доклад «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке в 1940—1941 гг.» обсуждался руководителями партии и правительства. В ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта.

14 сентября 1940 г. доработанный вариант плана («южный») был представлен правительству на утверждение. В нем главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау. (83) (Там же. ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 242, л. 87) <...>

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 61.

Одновременно было решено разработать и другой вариант («северный»). По нему основная группировка войск развертывалась в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Разработку «южного» и «северного» вариантов плана на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г. (84) (ЦГАСА, ф. 37977, оп. 2, д. 328, л. 231)¹.

Обратите внимание на архивные реквизиты «южного» варианта от 14 сентября от Мерецкова общих «Соображений» — «ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 242». Чуть позже разберем эти «Соображения» подробнее и сравним реквизиты хранения нескольких вариантов этого «варианта»...

4 октября 1940 г. начальник Оперуправления ГШ генерал Ватутин составил «План разработки оперативных планов на 1940—1941 годы». После этого ГШ должен был отработать в ноябре для округов новые Планы прикрытия, а в декабре ГШ должен был утвердить эти уже исполненные округами ПП. А к 15 февраля ГШ должен был разработать новый оперативный план «по основному варианту действий» (утвержденному) и план прикрытия мобилизации и развертывания. Однако Мерецков эту работу не выполнил, и с приходом в январе-феврале 41-го в ГШ Жукова уже он начал заниматься разработкой «вариантов» отражения агрессии.

Это показал в своих «исследованиях» тот же М. Солонин в своей статье — «Первый удар»². Однако Солонин пытается этими документами предвоенными опять доказать «агрессию» СССР:

«1 февраля 1941 г. Ватутин составляет новый (и еще более детализированный) «План разработки оперативных планов», в котором все даты смещены на 3—4 месяца; в частности, решения командующих округами планируется теперь утвердить к 25 марта 1941 г. Пунктом 18-м стоит требование *«обеспечить войска топографическими картами по «южному варианту» — к 1.5.41, по «северному варианту» — к 1.7.41 г.»*.

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 57.

² Военно-промышленный курьер, № 24—27 от 20.06—11.07.2012 года.

Как видите, Жуков также в первую очередь начал заниматься разработкой «южного» варианта, а не «северного», хотя по «Соображениям» Шапошникова—Мерецкова Главным считалось это направление удара немцев — севернее Припятских болот. Также Солонин сообщает в этой статье, что к концу 1940 года в ГШ имелись:

— «Соображения» Шапошникова «б/н, не позднее 15 августа 1940 г.»;

— «Соображения» Мерецкова «с номером (№103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.)» и «Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову № 103313 от октября 1940 г. (этот документ обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»)».

Солонин нашел, что в ноябре 1940 года ГШ отправил в ЛВО директиву на разработку Плана прикрытия («плана развертывания», что, по убеждению Солонина, говорит именно об агрессивных намерениях Москвы...) — «б/н, от 25 ноября 1940 г.». КОВО получил такую же «от 28 ноября 1940 г.». В декабре из КОВО в ГШ поступила «Докладная записка начальника штаба Киевского ОВО по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану оперативного развертывания, б/н, не позднее декабря 1940 г.». Также в ПрибОВО пришла «Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания армий Прибалтийского ОВО, б/н, не позднее января 1941 г.» и «Записка по плану действий Западного фронта, б/н, не позднее февраля 1941 г.». — указание на разработку Плана прикрытия ЗапОВО. Затем из ГШ ушла еще «Директива наркома обороны СССР на разработку плана оперативного развертывания армий Прибалтийского ОВО, б/н, от 3 марта 1941 г.».

Как видите, работа по уточнениям Планов прикрытия (планов развертывания войск западных округов на случай агрессии Германии — планов обороны) шла бурная. К марту ГШ и начал разрабатывать, наконец, эти два разных и окончательных («крайних») варианта отражения агрессии — «южный» и «северный». То есть в ГШ и окру-

гах должны были быть «под рукой» два разных варианта оборонительных действий РККА, и округа должны были иметь на два варианта развития события ДВА Плана прикрытия, и оперативные планы и карты к ним. И СССР начал бы войну в зависимости от ситуации, складывающейся на немецкой стороне. В зависимости от того, где нашей разведкой будет выявлен возможный главный удар Германии, там и будут сконцентрированы основные силы западных округов из войск двух оперативных эшелонов этих округов. А также туда сразу будут отправляться и дополнительные армии внутренних округов.

Под «южный» вариант в ГШ в начале мая «Планы прикрытия» для запокругов сочинили, обязав округа отработать новые ПП к концу мая (как утверждают авторы сборника «1941 год — уроки и выводы», эти ПП не соответствовали «последним» «Соображениям» даже «южного» варианта). А вот «северный» вариант в ГШ, похоже, так и «не успели» отработать, хотя бы в виде директив для запокругов на отработку еще одних, «запасных», Планов прикрытия. То есть, получив от Сталина указание на отработку двух вариантов отражения агрессии Гитлера, Жуков и Тимошенко в первую очередь отработали свой, «южный» вариант. Отработали по нему необходимые директивы, карты и т.п., после чего западные округа худо-бедно отработали и новые Планы прикрытия. А вот на второй вариант отражения агрессии, с упором на Прибалтику и Белоруссию, с размещением там основных сил и средств, нарком и начальник ГШ, похоже, «забили» («не успели» отработать).

Солонин «констатирует»: «Таким образом, в нашем распоряжении имеется пять вариантов общего оперативного плана Красной Армии и по два документа на каждый из четырех развертываемых на Западе фронтов. И это еще далеко не все».

Четыре «варианта» по Солонину — это «Соображения» Шапошникова, затем Мерецкова, затем «уточненный октябрьский план стратегического развертывания» и «Соображения от 11 марта». «Пятым» вариантом Солонин считает «план от 15 мая».

Но это, конечно, глупость безграмотного в военном отношении человека — «Соображения о стратегическом развертывании» РККА на 1940—1941 годы были только одни — это «Соображения» Шапошникова—Мерецкова от августа-сентября 1940 года. «Соображения от 11 марта 1941 года» (тот самый не подписанный никем и неутвержденный вариант, опубликованный в сборнике «Россия. XX век. Документы» в 1998 году и с которым работают все исследователи в ЦАМО) не более чем «южный» вариант из все тех же общих «Соображений» Шапошникова—Мерецкова. Все остальное — не более чем работа ГШ «на все случаи жизни» в виде черновиков. Но Солонин, никак не указав, есть ли подписи на этих «пяти вариантах», с умным видом все же изрек:

«Окинув мысленным взором эту огромную гору пожелтевших страниц, снабженных в свое время грифами «Особой важности», «Совершенно секретно», «Экземпляр единственный», нельзя не удивиться тому решительному бесстыдству, с каким сторонники советской исторической мифологии продолжают бубнить про «отсутствие подлинных документов», «беспочвенные фантазии», «вырванные из контекста фрагменты мемуаров...» Нашли ли они сами хотя бы один листочек, в котором Сталин приказывает крепить мир во всем мире?»

Вывод и заявления на уровне неуча. Солонин опять именно неутвержденными доками пытается доказать вранье или глупость Резуна. Пожалуй, сам В. Резун ему за такую «услугу» точно полония пришлет в конверте... А вот Сталин только и делал, что предлагал с высоких трибун именно «крепить мир во всем мире», но и быть готовыми к войне с агрессором.

Далее Солонин признал, что эти все приводимые им «варианты» были в принципе одинаковыми: «Все рассекреченные на сей момент варианты общего плана стратегического развертывания Красной Армии — равно как и детализирующие его планы оперативного развертывания войск округов/фронтов — представляют собой фактически один и тот же документ. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех этих «соображений» и «записок». Хотя до этого Солонин называл их именно «пя-

тью вариантами», что вообще-то подразумевает вроде как отличия. И «сходство», по Солонину, в этих «планах» самое «важное»: они все «агрессивные», все — о желании напасть первыми на Германию:

«Все документы представляют собой описание плана подготовки и проведения крупномасштабной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР. Стратегическая оборона на собственной территории не рассматривается даже как один из возможных вариантов действий».

А затем Солонин сослался на старого генерала Гареева:

«Стоит отметить, что в новейшей истории России был краткий миг, когда с этим очевидным выводом соглашались даже признанные корифеи официальной исторической науки. Так, не кто иной, как М.А. Гареев, в июле 1991 года писал: «Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась), а применительно совсем к другим способам действий».

Ну что можно сказать по этому поводу — данное высказывание Гареева уже пытался притянуть за уши к бредням «резунов» тот же М. Мельтюхов. И в книге «Адвокаты Гитлера» (М., 2011, гл. «Новые резуны») уже показывалось, о чем говорил старый генерал. Это не более чем констатация факта, что жуковы и прочие к обороне в случае нападения Гитлера не готовились. Они готовились к **ответному** победному наступлению. Что назвать подготовкой «агрессии» могут только одни «резуны», но насколько они разбираются в военных терминах или кухне (и желают ли), мы еще не раз увидим.

Солонин, «изучив» неутвержденные и неподписанные черновики различных «Соображений», заявляет, что в НКО и ГШ готовились нападать первыми. И также он пытается и первооснову, «Соображения» Шапошникова, с которых все и началось, назвать «агрессивными», но при этом сам ерничает над ними — мол, какие-то они не очень наступательные («выжирнил» и подчеркнул я. — О.К.):

«Строго говоря, и записка «Об основах стратегического развертывания...» (собственноручно написана Шапошниковым; с учетом того, что в августе 1940 г. на посту начальника ГШ его сменил Мерецков, данный документ обычно датируется как «не позднее 15 августа») предлагала план наступления. Но как-то неуверенно предлагала. Шапошников снова (как и в докладе марта 1938 г.) ставит выбор направления главного удара Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника:

«Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге — активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является: нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Люблин, Грубецув, Томашев, Сандомир».

Ведь сам же Солонин показывает, что действия РККА по Шапошникову планируются как ответные и именно на нападение Германии, но при этом все равно пытается «впихнуть невпихуемое»: «При наличии большого желания это можно назвать «планированием упреждающего удара». Хотя сам опять «замечает»: «Да и удар какой-то слабый — глубиной от 50 до 150 км».

Это что за «агрессия» такая у Шапошникова — всего-то на полторы сотни км в глубь немецкой (точнее польской) территории максимум? Или это все же не более чем ответная операция?

Дальше Солонин попытался поумничать о том, что планы ГШ постоянно «меняются»: «Оценка вероятных планов германского командования (развертывание немцами наиболее мощной группировки к северу или к югу от болот Полесья) при этом несколько раз меняется». И привел «Соображения» от марта 1941 года, что хранятся в ЦАМО — те, что без подписей и неутвержденные и что являются фальшивкой (состряпанные на основе оригинальных «Со-

ображений» «южного варианта» — об этом чуть позже). После чего М. Солонин радостно заявил, что это именно те самые «агрессивные» «Соображения». Ведь в них указана «цель» — «На Берлин!». На которых, правда, на задней стороне страницы написано карандашом: «на оборотной стороне 27-й страницы документа тонким карандашом, аккуратным «бисерным» почерком (предположительно рукой первого заместителя начальника Генштаба Ватутина) вписана фраза: «Наступление начать 12.6».

При этом сам Солонин показывает — данная фраза написана на обратной стороне страницы, на которой идет «описание задачи, поставленной перед «левым крылом главной группировки Юго-Западного фронта». После чего уже сам и заявляет, что никакого наступления 12 июня СССР начать не мог по «техническим причинам» — для этого просто не было нужного количества танков. Но сказав такое, правоверный «резун» все равно делает заявление:

«Как бы то ни было, сам факт установления (или даже одного только обсуждения) календарной даты начала операции однозначно свидетельствует о том, что ни о каких «контрударах в ответ на гитлеровскую агрессию» и речи не шло — войну планировали начать сами, в заранее установленный день и час».

Как говорится — хоть стой хоть падай... «Карфаген все равно должен быть разрушен»! Но Солонин, увы, примитивно не понимает, что эта «дата» вписана (непонятно кем и непонятно когда) не на общих «Соображениях» ГШ, а всего лишь на одном из вариантов развития событий — на «южном». И тем более (по сути своей) на фальшивке, а не на утвержденном «плане войны». Ну и соответственно, Солонин, в принципе не понимая, что мартовские «Соображения» не более чем «южный» вариант развития событий, выдал свои ну очень грандиозные выводы:

«В течение последних лет удалось выявить большую группу взаимосвязанных документов, поэтапно отражающих разработку оперативных планов Красной Армии на рубеже 30–40-х годов. Все эти планы являются планами наступления (вторжения на территорию сопредельных го-

сударств). Начиная с лета 1940 г. все варианты Большого Плана представляют собой единый документ, лишь в мало-значимых деталях меняющийся от месяца к месяцу.

Никаких других планов никто так и не нашел. Учитывая, что желающих найти «план стратегической обороны» или хотя бы пресловутого «контрудара в ответ на гитлеровскую агрессию» было немало, и в их распоряжении были и остаются все архивы страны можно с вероятностью в 99,99% утверждать, что другого плана просто НЕ БЫЛО».

То есть подготовка наступления в ответ на агрессию Гитлера — это подготовка агрессии СССР. А ведь именно об ответном «контрударе в ответ на гитлеровскую агрессию» и говорят все эти «планы», которые не более чем вариации все тех же «Соображений» Шапошникова, по сути. Кроме, конечно, «плана от 15 мая», который «резуны» упорно считают и утвержденным и претворяемым в жизнь, как и прочих «левых» черновиков.

Далее Солонин напоследок решил поострить на тему такого простого вопроса «резунам» от других историков, как: «А где же подпись Сталина на упомянутых вами документах военного руководства?» И выдал замечательную глупость:

«Вопрос интересный, и мы рассмотрим его в двух возможных плоскостях. С точки зрения бюрократического идиотизма ответом может быть только встречный вопрос: «А в каком месте директивы наркома обороны должен (имел право) расписаться депутат Верховного Совета СССР товарищ Джугашвили (Сталин)? Кто вообще посмел показать ему особой важности совершенно секретный документ?»

Вплоть до 5 мая 1941 г. Сталин не занимал никаких государственных должностей. На воинской службе не состоял, командирских званий не имел. Даже в качестве «членов Высшего военного совета» числились два других секретаря ЦК (Жданов и Маленков). В соответствии со сталинской Конституцией право решения вопросов войны и мира принадлежало Верховному Совету СССР, а в перерывах между сессиями — Президиуму Верховного Совета во главе со «всенародным старостой» Калининым. Странно, но подпись Калинина никто из традиционалистов не требует...»

Ну, так и где подпись Калинина тогда? Или хотя бы главы правительства СССР Молотова на «плане нападения первыми на Германию»? Из всех перечисленных «Соображений» только на тексте Шапошникова подписи Молотова и Сталина есть. И подавались, кстати, эти «Соображения» всегда именно Молотову и Сталину на утверждение — главе правительства и главе партии, но не Калинину, которые всегда подписывали такие документы. «Вторая плоскость» объяснения у Солонина, почему нет подписи «тирана» на тех «планах», что нашел Солонин, это то, что «бандиты подписи на планах ограбления банка не ставят». Но вообще-то на фальшивках (а также на рабочих разработках, черновиках) и не может быть подписей — ни наркома с начГШ, ни Сталина — «по определению». А все, что нашел в ЦАМО Солонин, все его «Соображения» без подписей — не более чем по сути фальшивки (об этом чуть позже...).

В начале статьи Солонин обещал, что о «конкретном содержании терминов «южный вариант», «северный вариант» будет сказано позднее». Однако, похоже, в самом главном он так и не разобрался — в военных планах и просто документах...

Впрочем, Солонин, «разбирая» «Соображения», в очередной раз показал себя безграмотным в военных вопросах человеком. Он также привел и некие «карты» к ним, и, судя по его словам, они еще и подписаны апрелем 1941 года тем же заместителем начальника Оперуправления ГШ генералом Анисовым. На что исследователь и профессиональный военный Ю.Г. Веремеев сделал замечание — карты, приводимые Солониным, фальшивки:

«Солонин пишет: «Армия живет по приказу. Генеральные штабы действительно разрабатывают «всякие разные планы на все случаи жизни», но ни один план не разрабатывается там без прямой и точной директивы со стороны военно-политического руководства страны».

Эта фраза выдает автора с головой. Он, перед тем как ляпнуть это, почитал хотя бы мемуары Штеменко, где тот касается «кухни» работы Генштаба. Именно Генштаб разрабатывает в инициативном порядке «всякие разные планы на все случаи жизни», поскольку он является своего рода советником правительства в вопросах обороны страны.

Он просто обязан иметь готовые предложения руководству страны, которые оно может принимать или отклонять. А вот уже по принятии предложений Генштаба правительство издает директивы и начинается разработка *Оперативных планов*, причем одновременно нескольких.

Солонин: «Так, на оперативной карте, подписанной 6 апреля 1941 г. заместителем начальника Оперативного управления ГШ генерал-майором Анисовым, мы обнаруживаем у линии границы 14 «ромбиков».

Отродясь мехкорпуса ромбиками не обозначались. Ромбик — это отдельный танк. Такой знак можно увидеть лишь на карте масштаба 1:25 000.

Первая карта действительно топографическая 1:1 000 000. Но на ней нет ничего, кроме пары грифов. А вот вторая... Это географическая политико-административная карта масштаба либо 1:2 500 000, либо 1:600 000. Это отчетливо видно по наличию толстой красивой рамки справа, кои всегда присутствуют на географических картах, но никогда на топокартах; по тому, что разные страны окрашены в разные цвета; по отсутствию километровой сетки. А Генштаб и штабы округов работают исключительно с топокартами масштаба 1:1 000 000 и 1:500 000. С географическими картами они дела никогда не имеют. К сожалению, что-то рассмотреть подробнее на ней невозможно, но уже только вышесказанное говорит о том, что это фальшивка.

Третья карта. На ней нарисован черной линией флажок и вписано — «12А». При этом в верхней и нижней части флажка красные полосы. Так пункты управлений не наносятся. Это полнейшая безграмотность. Должно быть так — красной линией флажок и в верхней и нижней части флажка по красной линии и вписано — «12А». Это элементарщина, которой учат на первом курсе пехотного училища, не говоря уже об академиях. (Увы, большинство пишущих о «22 июня» не всегда и военную кафедру посещали в институтах. — О.К.)

Затем рядом с флажком армии столбиком показано:

«12 Армия

Упр. стр. кор. — 4

Упр. м. кор. — 3

Упр. Кав. кор. — 1

Стр. дивизий — 12
Танков. дивизий — 6
Мотодивизий — 3
Кав. Дивизий — 3».

Так состав армии не наносится. Прежде всего, никогда не пишется слово «Армия». Пишется 12А или 12а. Количество управлений никогда не перечисляется, ибо достаточно ясно, что если имеются стрелковые корпуса, то в них имеются и управления. Не перечисляется количество дивизий, а перечисляются дивизии по номерам. Например, 120 сд, 243 сд, 34сд..... и т.д.

Правильно было бы примерно так:

12А

34 ск (120 сд, 456 сд, 34 сд, 5 кап)

12 мк (34 тд, 32 тдб 4 мп)

А эти данные взяты из какой-то книги, где автор перечисляет просто количество дивизий по видам.

Разгранлинии на картах. Так наносятся разгранлинии между дивизиями, но не между армиями. Разгранлинии между армиями жирнее, и они двойные.

Никогда танковые части и уж тем более соединения не показываются так, как на этой карте (черный контур с красной заливкой). Ромбик — это отдельно стоящий легкий танк. Да и то он наносится красным цветом и без заливки.

Черные двойные пунктирные линии — такого тактического знака не существовало в боевых довоенных уставах.

Оборонительные позиции наших войск наносятся всегда красным цветом, противника — синим. Но никак не черным.

Ну а тут я и вовсе не знаю, что сказать — обозначать направление наступления черными пунктирными линиями с черными же ромбиками (или стрелками?) — это уж совсем неграмотно. Действия наших войск обозначаются красным цветом, противника синим. Черным цветом обозначаются только специальные войска (саперы, связисты, химики, артиллерия), но никак не пехота или танкисты».

Маленький комментарий. Первое. Солонин «уверяет», что эти карты, которые якобы доказывают подготовку агрессии СССР, он скопировал в ЦАМО. Ну что ж — тем

хуже для архива (хотя наверняка такие карты ЦАМО просто передали из архива, например, ГШ). Второе. Карты для «планов войны» в Генштабе не рисуют да еще и черт-те какими символами на географических картах. Третье. Рисовали эти карты умельцы для ЦАМО, видимо, в 60—70-е годы. Когда чистых топокарт 1940-х годов для изготовления фальшивок найти уже было невозможно — их просто сожгли за ненадобностью. Почему не могли использовать для фальшивки топокарты 60-х? Так проблема будет — мало того что год изготовления в типографии на картах ставится (и Солонин при всей его дремучести это заметит), так и названия поселков, городков и особенно в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине в 1940—1941 годах были одни, а через лет 10—15 они были уже другие. Могли меняться площади и названия озер (гляньте ради смеха на карты Аральского моря 50-х годов и современную). При этом топокарты долго просто «не живут». Вот и изготовили фальшивку на том, что нашли — на географических картах образца 1941 года. Ну а подписи анисовых просто подделали.

Кто и зачем рисовал эти карты? Рисовали их, конечно же, не для «подтверждения» идей Резуна или Солонина. В то время, когда их стряпали, с полвека назад, будущие адвокаты Гитлера, «резуны», еще козюльки кушали, сидя на горшках в советских детсадах, и изготавливались эти фальшивки только для одного — для «объяснения», зачем столько войск нагнали на Украину, для подтверждения баек маршалов, что Сталин заставил их считать Украину главной целью Гитлера. А для этого наши маршалы и нагнали по «самодурству тирана» туда столько войск. Рисовали же эти карты исполнители, что совесть не потеряли — подлый заказ негодяев высокопоставленных выполнили, но сделали так топорно эти фальшивки, что любой грамотный в военных вопросах исследователь их бы разоблачил. Впрочем, понадобилось действительно полвека, прежде чем до них добрались «резуны», радостно возопили о том, что «агрессию СССР» они «доказали», и... подставились на них.

Вот такой вот облом у Солонина вышел... Ну а самое важное, что не понимает Солонин — ему подсунули тексты

«Соображений», которые также были дай бог черновыми, рабочими разработками Генштаба. На «все случаи жизни».

Позже к «творчеству» М. Солонина и этим «Соображениям» мы еще обратимся, а пока вернемся к В. Резуну.

* * *

«Если бы Красная Армия готовилась к оборонительной войне, то каждому командиру, от командующего округом и ниже, следовало только указать боевую задачу, сказать, ЧТО надо делать. А на вопрос КАК каждый командир и его штаб должны были искать свои ответы. Каждый командир и его штаб должны были сами составлять планы обороны».

* * *

И это совершенно верно — в округа отправляется Директива на разработку нового, а точнее, на уточнение старого «Плана прикрытия». В округах ставят задачу в армии, а те в корпуса и дивизии, до полков включительно, и командиры разрабатывают свои ПП в «части, их касающейся». Войска приграничных округов имеют свои ПП всегда, и им все равно, что там готовят в Москве — оборону или нападение. Задача приграничных округов быть готовыми к отражению первого удара врага. И для этого у них и есть свои «Планы обороны и прикрытия». И они на июнь 41-го в дивизиях были.

Другой вопрос, что после прихода в западные округа Директив НКО и ГШ от начала мая месяца 1941 года новые ПП в этих округах на уровне штаба округа отработали и к 10—20 июня в ГШ на утверждение, наконец, отправлены были. А вот на уровне дивизий и корпусов с армиями командиры, как оказалось, этих новых ПП часто в глаза не видели. Однако войска западных округов, особенно приграничные дивизии, особых изменений по новым «Планам обороны и прикрытия» не имели, и поэтому существующие у них на руках «красные пакеты» с указаниями из «устаревших» ПП были вполне в силе. Но в данном случае не начГШ виноват в том, что павловы на местах сорвали

(«не проконтролировали внесение изменений») отработку уточненных ПП и не довели до комдивов, что эти новые уточнения вообще приходили в начале мая 1941 года из Москвы в округа.

* * *

«Однако Красная Армия готовилась не к оборонительной войне на своей территории, а к какой-то другой войне. Потому всем командирам и всем штабам запретили составлять какие-либо планы на случай войны. Все в свои руки взял начальник Генерального штаба генерал армии Жуков. Генеральному штабу под руководством Жукова пришлось составлять планы не только для высшего руководства, но и для всех нижестоящих эшелонов командной структуры».

* * *

Первое. Красная армия готовилась не к оборонительной войне, а к наступательной. «Резуны» пытаются это назвать «агрессией» — это их дело. Но все время все всегда и говорили, что Красная армия готовилась именно к наступательным действиям в случае нападения на СССР агрессора. Собирались ответить немедленным «сталинским» ударом на удар врага. Как говорится, «малой кровью да на чужой земле». Это вообще было в те годы всеобщим «поветрием» — активные наступательные действия в ответ на нападение. Все хорошо помнили кровавую позиционную молотильную Первой мировой, и повторения бесконечной окопной войны никто не хотел. Тем более что военные и политики получили в руки новые виды оружия для таких активных действий — танки, автомашины, самолеты и т.п.

Каждый год по ТВ показывают к/ф Озерова «Битва за Москву», снятый до выхода в свет «открытый и разоблачений» В. Резуна, и там в уста героев именно это и вкладывают — будем воевать на чужой земле, ответим ударом на удар сразу, как только враг нападет, не допуская захвата своей земли. Ни пяди. И все мемуаристы описывают, что

все последние месяцы перед войной в дивизиях западных округов отрабатывались именно наступательные действия войск по прорыву немецких укреплений, а не к обороне от напавшего врага готовились. Это никто особо не скрывал, и нечего «резунам» тут «конспирологию» разводить и искать некую «тайну».

Второе. Никто ничего и никому запретить не мог и не запрещал. Дурь это все и тупое вранье. В каждой части были планы по действиям этих частей в случае войны. В случае нападения на СССР врага. Приграничные дивизии выходили по своим планам прикрытия госграницы в случае начала войны в районы своей обороны и занимали рубежи на своих речках, мостах и перекрестках дорог непосредственно у границы. Войска второго эшелона и резервы округов имели свои планы по выходу в районы сосредоточения по боевой тревоге, где им предстояло дожидаться следующей команды — идти в такой-то район, где обозначился успех у противника, и помогать дивизиям первого эшелона наносить контрудары по врагу или начинать наступление на врага, если к этому располагает обстановка. Или же они должны были занимать оборону второго эшелона на расстоянии примерно до 100 км, дожидаясь прорвавшегося врага.

И Генштаб во главе с Жуковым ничего для *«всех нижестоящих эшелонов командной структуры»* слишком подробно не составлял. В ГШ составили общие директивы на разработку новых майских «Планов обороны» госграницы, а в округах на основе этих директив и разработали свои окружные «Планы обороны и прикрытия». Детально. Более подробно расписав в них действия отдельных частей. Не более и не менее. Рассмотрим для примера директиву НКО и ГШ для КОВО, которая и пришла в Киев в начале мая (приводится по сборнику документов: Россия. XX век. Документы. 1941. В 2 книгах. Книга вторая /под ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. В «простонародье» интернетовском этот сборник называют «малиновкой», состоит из двух книг, и обе есть в Интернете для всех желающих). Все сокращения мои:

**«№ 482. ДИРЕКТИВА НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР
И НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ КОВО**

№ 503862/сс/ов [не позднее 20 мая 1941 г.]

Совершенно секретно

Особой важности

Экземпляр № 2

Карта 1:1000000.

Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать:

1. Детальный план обороны государственной границы <...>

Задачи обороны:

1. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

2. Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизования, сосредоточения и развертывания войск округа <...>.

IX. Общие указания.

План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главвоенсовета и начальника Генерального штаба Красной Армии подписями следующего содержания: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года».

<...>

Народный Комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза

С. Тимошенко

Начальник Генерального штаба КА

генерал армии

Жуков

ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 259. Лл. 1—17. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеются пометы: «Исполнено в 2-х экз. № 1 — Комвойсками КОВО, № 2 — в дело Опер[ативного] Упр[авления] Генштаба. Исполнил зам. нач. Опер. упр. генерал-майор Анисов». Копия заверена зам. начоперотдела Генштаба КА генерал-майором Анисовым 7 мая 1941 г.».

После этого в Киевском ОВО и разработали свой «детальный план обороны государственной границы»:

**«ЗАПISКА ПО ПЛАНУ ОБОРОНЫ
НА ПЕРИОД ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ,
СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ВОЙСК КОВО НА 1941 ГОД**

*Совершенно секретно
Особой важности Экз. № 2*

I. Задачи обороны

Не допустить вторжения как наземного, так и воздушно-го противника на территорию округа.

Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа.

Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

<...>

Первый перелет и переход государственной границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования.

II. Соседи и границы с ними.

Правее — Западный Особый военный округ.

Штаб округа с 3-го дня мобилизации — Барановичи.

Его левофланговая 4-я армия организует оборону на фронте Дрогичин, иск. оз. Свитязское. Штаб 4-й армии — Кобрин. Граница с ЗапОВО — р. Припять, Пинск, Влодава, Демблин, Радом. Все пункты для ЗапОВО включительно.

Левее — Одесский военный округ.

Штаб с 3-го дня мобилизации — Тирасполь...»

Тут надо напомнить — уже 18 июня 1941 года штаб КОВО получил приказ-разрешение от Тимошенко и Жукова на вывод штаба округа в полевое управление, в Тарнополь (Тернополь) к 22 июня! (Сам приказ пришел в Киев

утром 19 июня...) То есть еще не объявляя мобилизацию в округе и стране, штабы округов, что по «планам обороны» должны были выводиться на полевые КП только после начала мобилизации, а значит, после начала войны, выводились в полевое управление за три дня до нападения! И именно к 22 июня, к дате нападения Германии на СССР. Далее в окружном «плане обороны» и в приложениях к нему подробно расписывается для каждой дивизии ее «маневр» (придется привести малую часть этого плана, чтобы читающий увидел, насколько подробно расписывают в округах такие «Планы обороны» и что эти планы именно «оборонительные», то есть действуют в ответ на агрессию врага):

«II. Задачи армий (районов прикрытия) и планы их выполнения.

<...>

1. 5-я армия (РП № 1)

Начальник — командующий 5-й армией. Штаб 5-й армии — Ковель.

а) Состав сил: управление 5-й армии, 15 ск (45, 62 сд), 27 ск (87, 124 и 135 сд), 22 мк (19, 41 тд, 215 мд), <...> погранчасти войск НКВД.

Подробно состав 5-й армии изложен в приложении № ____

б) Задача: оборонять государственную границу на фронте <...> не допустив вторжения противника на нашу территорию.

В основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и возведенных полевых укреплений Ковельского, Владимир-Волынского и северной части Струмиловского укрепрайонов. Всякие попытки противника прорвать оборону ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов...»

То есть по ПП для 5-й армии КОВО видно, что должны пресекаться любые попытки противника прорвать именно нашу оборону, а не некие боевые порядки или просто границу. Как могло бы быть указано в задачах армии, если бы готовились нападать сами и первыми.

В ПП подробно расписывалось по каждой армии и резервам этого округа:

«1. Состав резервов: 9мк (20 и 35 тд, 131 мд), 19 мк <..>

2. Задачи резервов:

а) подготовить противотанковые районы и тыловые оборонительные рубежи:

31 ск — на фронте Нов. Выжва, Турийск, Туличев, <...>

б) в случае прорыва крупных мехсоединений противника на подготовленных рубежах обороны и в противотанковых районах задержать и дезорганизовать его дальнейшее продвижение и концентрическими ударами мехкорпусов совместно с авиацией разгромить противника и ликвидировать прорыв;

в) при благоприятных условиях быть готовым по указанию Главного Командования нанести стремительные удары для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей...»

Далее в «Плане обороны» подробно расписывается место каждой дивизии резерва. Смотрим по 9-му мк, которым командовал К.К. Рокоссовский:

«9-й мех. корпус. Штаб — Богушувка.

35-я танк. дивизия в районе <...>. Штаб — Ульяновки.

20-я танк. дивизия в районе -<...>. Штаб — кол. Людвикув.

131-я мотостр. дивизия с корпусными частями — в районе <...>. Штаб — кол. Якубова».

Далее подробно расписываются состав, а также «Порядок и сроки сосредоточения частей» ВВС КОВО и «Использование ВВС округа» в случае нападения врага и «Порядок выполнения этой задачи». Также далее в плане обороны подробно расписывается «VI. План противовоздушной обороны КОВО», «VII. Противодесантная оборона КОВО», «VIII. Инженерная подготовка театра в. д. КОВО», «IX. План устройства военных сообщений КОВО», «X. Организация тыла», «XI. Организация связи 1. Штаб КОВО к исходу 2-го дня — Тарнополь». Кстати, там же указано, как будет работать связь КОВО: «3. На период прикрытия связь штаба КОВО с Генштабом, подчиненными штабами и соседями организована:

а) проводная (по схеме военного времени) с Генштабом по 3 проводам, со штабами армий по 2 проводам, телегр. и ВЧ, со штабами корпусов, дивизий и УРОВ по проводам воздушных линий...»

Это к вопросу, что Жуков не продумал связь со штабами округов-фронтов, о чем так страдает Резун в своей книге.

Далее «План обороны» КОВО заканчивается «приложениями»:

«Приложения к записке:

1. Схема группировки войск прикрытия и резервов КОВО на карте 500 000.

2. Тетрадь № 1. Боевой состав армий и резервов КОВО на 52 листах.

3. Тетрадь № 2. План использования ВВС КОВО на 48 листах, две карты, одна схема.

4. Тетрадь № 3. Организация ПВО и противодесантной обороны КОВО на 37 листах, две карты, одна схема, но еще одна карта.

5. Тетрадь № 4. План инженерного обеспечения на 56 листах, две карты.

6. Тетрадь № 5. План устройства ВОСО КОВО на 39 листах, три схемы.

7. Тетрадь № 6. План организации тыла и материального обеспечения на 122 листах.

8. Тетрадь № 7. План организации связи на 55 листах, шесть схем.

9. Тетрадь № 8. Исполнительные документы (директивы, приказы и приказания (командующим армиями и командирам соединений) на 375,5 листах.

10. Ведомость подвижных отрядов, выделяемых для поддержки пограничных отрядов на 2 листах.

Командующий войсками КОВО

генерал-полковник

(подпись)

КИРПОНОС

Член Военного совета КОВО

корпусной комиссар

(подпись)

ВАШУГИН

Начальник штаба КОВО

генерал-лейтенант

(подпись)

ПУРКАЕВ

Отпечатано в 2 экземплярах

Экз. № 1 — штабу КОВО

Экз. № 2 — Генштабу

Печатал генерал-лейтенант Пуркаев»¹.

¹ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 262 — <http://army.armor.kiev.ua/hist/stratplan-kievovo.shtml>.

Документ не датирован, но листы, на которых он отпечатан, датированы секретным делопроизводством штаба округа 2 июня 1941 года. То есть генерал-лейтенант Пуркаев отпечатал этот «План обороны» лично ко 2 июня. Но оба экземпляра готового плана были отправлены в ГШ на утверждение только 21 июня. Один экземпляр должны были подписать и вернуть в округ, а на втором заверяют подпись наркома и оставляют в ГШ. (Либо возвращают оба на переработку, если не утверждают с первого раза — но такое редко бывает...) Таков порядок в ГШ. Но при этом в округе остаются рабочие тетради командиров, в которых и производилось отработывание нового «плана».

Обратите внимание — план печатал на машинке лично начштаба КОВО Пуркаев. Согласно указаниям в Директиве НКО и ГШ № 503862/сс/ов от 5 мая 1941 года:

«4. План разработать в двух экземплярах. Один экземпляр представить мне, через начальника Генерального штаба Красной Армии, на утверждение, а второй экземпляр хранить в личном сейфе начальника штаба округа в папке, опечатанной печатью Военного совета округа.

Планы районов прикрытия разработать в двух экземплярах и хранить: первые экземпляры в сейфах начальников штабов районов прикрытия, а вторые экземпляры в сейфе начальника штаба округа в папках, опечатанных печатью военного совета округа.

Исполнительные документы для соединений хранить в пакетах, опечатанных печатью Военного совета армии, при мобпланах соединений.

Папки в армиях и пакеты в соединениях вскрываются по письменному или телеграфному распоряжению Военного совета округа и армии соответственно.

Документы плана пишутся от руки или печатаются на машинке лично командирами, допущенными к разработке плана...»

Так что вообще-то «Планы обороны» в округах были, конечно же. Они были отработаны и до майских директив, и после майских уточнялись.

Свой «План обороны» ко 2 июня отработали в КОВО и ПриОВО, свой к 19 июня в ОдВО и свой — к 10 июня в ЗапОВО:

ПриОВО — директива НКО и ГШ на разработку ПП № 503920сс/ов от 14.05.1941 г.¹ — отработать к 30 мая.

— ПП № 0030 2.6.1941 г.² поступил в ГШ на утверждение 12.06.1941 г.

ЗапОВО — директива НКО и ГШ на разработку ПП № 503859сс/ов от 05.05.1941 г.³ — отработать к 20 мая.

— ПП № ?⁴ отправлен из округа на утверждение в ГШ 11.06.1941 г.

КОВО — директива НКО и ГШ на разработку ПП № 503862сс/ов от 05.05.1941 г.⁵ — отработать к 25 мая.

— ПП № ?⁶ отправлен из округа в ГШ 19.06.1941 г.

ОдВО — директива НКО и ГШ на разработку ПП № 503874сс/ов от 06.05.1941 г.⁷ — отработать к 25 мая.

— ПП № 00276/оп 20.06.1941 г.⁸ отправлен из округа на утверждение в ГШ 20.06.1941 г.

Для сравнения — вроде как не имеющий потом расстрелянных генералов Ленинградский ВО также свой «План прикрытия» представил только к 10 июня:

ЛВО — директива НКО ГШ на разработку ПП № 503913ов/сс от 14.05.1941 г. — отработать к 30 (?) мая. — ПП № ?⁹ поступил в ГШ 10.06.1941 г.

А Одесский ВО, в котором наиболее четко выполняли приказы Москвы и лучше всех подготовились к нападению врага, свой ПП представили в Генштаб аж к 20 июня.

¹ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 227 л. 33—47.

² ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 242, л. 1—35.

³ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 237 л. 65—87.

⁴ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 243, л. 4—34.

⁵ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 259, л. 1—17.

⁶ ЦАМО РФ, ф.16, оп.2951, д. 262, л. 2—49.

⁷ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 253, л. 1—11.

⁸ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 253, л. 9—46.

⁹ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 242.

Почему отработанные к началу июня «Планы обороны» не сразу отправлялись в Генштаб? Командующие запокругами получили команду прислать эти «Планы» на утверждение в ГШ: ПриОВО и ЗапОВО — 11—12 июня; КОВО и ОдВО — 19—20 июня! Опять же — наркому на подпись приносят ПП не в один день в любом случае. Ведь они достаточно объемны, и их проверяют в ГШ, прежде чем представить наркому на подпись, и на это требуется время. Но в данном случае все же удивляет, что отработанные к концу мая, в начале июня и подписанные уже в округах ПП начали отправлять в Генштаб только после 10 июня. И эти сроки утверждения установили именно нарком и начальник ГШ. Тем более что отправленные в НКО после 10 июня ПП округов, законченные к концу мая, уже не изменялись.

Но наличие или отсутствие подписи Жукова с Тимошенко на этих уточненных «планах» особо не влияют на боеспособность округов, и начало войны в том же Одесском ВО показало это. И отсутствие подписей наркома и начальника Генштаба на этих «Планах прикрытия» к 22 июня не есть «преступление». На момент подписания плана в округе все должностные лица от комполка и выше также должны были иметь свои отработанные ими уточненные планы, которые хранились у них в сейфах в рабочих тетрадах.

Также в это время отрабатывались и «красные пакеты» для частей. Но их утверждать должны были в штабах округов, вот тут время утверждения окружных планов в Москве и играло роль — только после подписания в ГШ окружных «Планов обороны» в округах могли подписать и утвердить «красные пакеты» для своих частей и вернуть их в части. Как раз и можно «обвинять» Жукова и Тимошенко в том, что они не в начале июня принимали ПП, которые в принципе были уже готовы к концу мая — началу июня, а перенесли это утверждение на середину июня и позже! Но еще раз напомним — некоторые новые майские «планы» не сильно отличались от предыдущих, «апрельских», особенно на уровне корпусов и дивизий. Что подтверждает и «исследователь архивов» С.Л. Чекунов: «Майские ПП в основе своей НИЧЕМ не отличались от предыдущих».

Так что, даже действуя по ним, командиры приграничных дивизий в принципе могли свою задачу выполнить... Но для некоторых округов апрельские «планы» сильно отличались от новых майских — районами сосредоточения и обороны для некоторых дивизий. Например, для ЗаОВО и КОВО. Но повторяю, не отсутствие подписей Тимошенко и Жукова на ПП было проблемой. Преступлением оказалось то, что, как показали потом командиры от дивизии до армии западных округов, им-то как раз и не довели павловы вообще о директивах от 5—14 мая на разработку этих новых «Планов прикрытия» (которые к тому же не соответствовали имеющимся утвержденным общим «планам войны» — «Соображениям» и также утвержденным «вариантам Соображений»)!

В реальности свои «планы» в округах отработали сначала еще на основе декабрьских директив 1940 года, сочиненных по «Соображениям» от августа 1940 года, утвержденных Молотовым—Сталиным. А потом всю весну шли уточнение и переработка «планов обороны» в соответствии с постоянно меняющейся обстановкой на западных границах и воззрениями Генштаба (и наркомата обороны) на возможные планы Германии — рассматривались различные удары по СССР. И в этом нет ничего необычного в принципе — обычная рутинная работа штабов. Тем более уточнения должны были проводиться и из-за того, что в эти месяцы также шло наращивание численности РККА вообще и западных округов в частности — вводились новые соединения, и для них ставились свои задачи...

Можно сказать, что формально Резун прав — «Планы обороны» не были утверждены, и, значит, их вроде как «не было». Но это не так. Не так просто. Смотрим, что пишет исследователь Ю. Веремеев на своем сайте <http://army.armor.kiev.ua/hist/stratplan-3-41.shtml>, разбирающий как окружные планы, так и «Соображения от 11 марта» 1941 года:

«...план стратегического развертывания советских Вооруженных Сил, утвержденный в марте 1941 года. Проще говоря, «план войны».

Собственно, единого документа под названием «План стратегического развертывания Красной Армии» не суще-

ствуется. Под этим понятием подразумевается целый комплекс (пакет) документов. Здесь представлена текстовая часть общих вопросов плана, так сказать резюме.

Вместе с соответствующими картами, графиками, таблицами этот комплекс документов занимает несколько чемоданов. Плюс к нему по каждому роду войск, службе (инженерная служба, служба связи, разведка, химическая служба, автослужба, бронетанковая служба, флот, ВВС, служба артвооружения, служба снабжения горючим, служба КЭС, вещевая служба, продовольственная служба, ветеринарная служба, медицинская служба, топографическая служба, служба военных сообщений и т.д. и т.п.) на основе этого общего плана разрабатывались частные планы родов войск и служб, каждый из которых тоже занимает не один чемодан. Однако все это разместить на одном или даже нескольких сайтах совершенно нереально. Да и кто в силах все это прочесть, осмыслить? Это я в ответ на стенания «правдоискателей» по поводу закрытости архивов, требований допустить их к тайнам Второй мировой войны.

Идите в архив, садитесь и читайте... Не вполне понятно, почему не перечислены приложения, которых к этому плану имеется около десятка, карты — 12 карт и почему план не подписан ни Жуковым, ни Тимошенко, хотя их подписи стоят на картах и на всех картах имеется подпись Сталина синим карандашом...»

Что это значит? Опубликованные еще в 1998 году в «малиновке» и цитируемые всеми исследователями и историками мартовские «Соображения» — это не более чем черновик «южного» варианта развития событий. Были и существуют также и утвержденные «Соображения» от марта 1941 года и карты к ним, что видел Веремеев — их Сталин и Молотов изучали и рассматривали. Также должны были разработать и представить Сталину и «северный» вариант. И уже исходя из обстановки — данных разведки о сосредоточении немецкой группировки, и был бы запущен либо «южный», либо «северный» вариант подготовки нашей обороны и действий окончательно к исполнению. Должны ли эти ДВА «вариан-

та-Соображения» иметь подписи наркома и начГШ? Должны. Но только оригинальные «Соображения», по которым и должны были затем работать в ГШ, отработывая «Планы прикрытия» для приграничных округов.

В книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?» уже сравнивались различные публикации «мартовских» «Соображений». И везде действительно нет подписей наркома и начГШ. Ни на «Соображениях» из «малиновки», ни в других публикациях.

*«№ 315. ИЗ ПЛАНА ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
О СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВЕРТЫВАНИИ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ
б/н 11 марта 1941 г.*

<.....>

Народный комиссар обороны СССР

Маршал Советского Союза

(С. Тимошенко)

Начальник Генерального штаба Красной Армии

генерал армии

(Г. Жуков)

Исполнитель генерал-майор

(Василевский)

ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 24. Лл. 1—16. Рукопись, копия, заверенная А. М. Василевским»¹.

То есть Жуков и Тимошенко это не подписывали, и это якобы «копия, заверенная» Василевским, исполнителем (опять все те же «копии с копий», которым потчевал А. Яковлев, когда потрясал общественность, разоблачая «Пакт Молотова — Риббентропа»...).

У этих планов есть различия: тот, что в «малиновке», вроде как написан от руки и «заверен» Василевским, а «вариант Веремеева» — отпечатан на машинке, но имеет подпись Василевского. При этом «вариант Веремеева» имеет реквизиты — «ЦАМО. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 24», а текст «от Василевского» — «ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 24. Лл. 1—16».

¹ Россия. XX век. Документы. 1941. В 2 книгах. Книга вторая.

То есть совершенно одинаковые (Веремеев не указал только листы хранения), что в принципе невозможно! Возможно, на машинке отпечатали текст, написанный рукой Василевского. Но тогда реквизиты хранения должны быть другие. Кстати, вариант Веремеева, по его словам, имеет не менее полсотни страниц текста.

Подобные документы должен лично писать или печатать исполнитель, и если на варианте «от Веремеева» указано, что этот «*Экземпляр единствен*», то «копий» у него вроде как быть не должно. Можно представить, что Василевский от руки переписал «Соображения», которые имеют около полсотни листов текста. Хотя в некоторых случаях при необходимости могут делать копии, но с соблюдением всех формальностей, с указанием необходимых пометок. И это после того, как написан сам подобный документ, а не «во время» написания оного, и уж обязательно копия будет точной, вплоть до запятой. И как раз вариант «от Яковлева», написанный вроде как самим Василевским, отличается от того, что показывает Веремеев (по его словам, ему предоставили именно отпечатанный на машинке текст в ЦАМО).

Однако есть еще «копия» «Соображений» от «марта 1941 года». Исследователь А. Мартиросян в своем масштабном исследовании трагедии 22 июня¹ опубликовал фотокопию первого листа отпечатанных на машинке «Соображений от 11 марта», которая также хранится в ЦАМО. И Мартиросян, как говорится, «на пальцах» и показал, что на самом деле этот конкретный документ — фальшивка.

Дело в том, что на этой фотокопии указана секретность документа: «Особой важности. Строжайше секретно!» При этом слова «особой важности» указаны штампом, а слова «строжайше секретно» отпечатаны на машинке, как и положено. Но вся хохма в том, что в СССР никогда не писали на документах такой «гриф» — «строжайше секретно». На всех документах писали — «совершенно секретно» или иногда «строго секретно». Такое ощущение, что когда чекистов и работников архивов заставляли стряпать такие писульки,

¹ 22 июня: Блицкриг предательства (Детальная анатомия трагедии. В 2 томах. М. 2012 г.).

то они специально оставляли такие дикие несуразности на будущее — и приказ негодяев выполнили, и совестью не поступились.

Также на документе стоит штамп — «С документом ознакомлен т. Сталин», что вообще полный бред. Ведь таких штампов у самого Сталина просто никогда не было, и тем более сложно представить себе, что кто-то рискнул бы на документе, адресованном Сталину, который сам всегда подписывал такие важные документы, шлепнуть такой штампик вместо вождя. А если бы хотели указать на «копии», что «тиран» с оригиналом ознакомился, то проще так и было бы написать, заверив такую запись подписью это указавшего.

Если карты к «мартовскому» варианту завизированы самим Сталиным, то и «Соображения» должны иметь его подпись и тем более должны быть подписи наркома и начГШ. Ведь военные, получив команду отработать ДВА варианта отражения агрессии, выполнили команду «тирана», и у него просто не было причин не подписать эти варианты. И если их на имеющихся «экземплярах» нет, то данные разные «Соображения от 11 марта» — фальшивки. Разработанные, возможно, тогда же варианты Генштаба, черновики. Ставшие фальшивками после того, как их опубликовали в «малиновке», выдав за оригинальные. По крайней мере, их именно таковыми и считают сегодня исследователи.

Авторы сборника «1941 год — уроки и выводы» (а точнее автор главы «2.2 Оперативно-стратегическое планирование» заместитель руководителя кандидат исторических наук, доцент полковник А.А. Кудрявцев) в 1992 году указали такие реквизиты хранения, видимо, оригинальных «Соображений» по «южному» варианту — «ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 242». Как видите — «Дело» хранения (№ 242) отличается от того, что приводит «малиновка» (№ 24) в 1998 году. Да и фонд не «16», а «16А». При этом первый «южный» вариант представлялся правительству еще «14 сентября 1940 г.».

На всех на сегодня опубликованных «южных Соображениях» от «марта 1941 года» нет подписей Жукова и Тимошенко и нет соответственно утверждающих подписей Сталина или Молотова. Возможно, что это не более чем

черновые разработки Генштаба, которые не подписывались и не утверждались у Сталина, но которые сегодня преподносятся как именно утвержденные и официальные. Что не делает, конечно же, их «подлинными». То есть по сути это не более чем фальшивки. Для чего нужны эти фальшивки публикаторам их в той же «малиновке»? А чтобы показать, что и «Соображения» («план») от 15 мая не просто черновик, а план, вытекающий из уже «агрессивных» предыдущих «Соображений», от марта 41-го. Вот только составители «малиновки», видимо, не очень соображали, что «мартовские Соображения» — это не более чем часть общих «Соображений» Шапошникова, а не отдельные и самостоятельные «Соображения». Но если опубликованные на сегодня «Соображения» (которыми и Солонин пытается размахивать) не более чем по факту фальшивки, то где ж тогда оригинальные «Соображения»? Да все там же — в архивах — в ЦАМО или, в крайнем случае, в архиве Генерального штаба.

Генштаб должен был отработать со всей документацией ДВА варианта отражения агрессии — ответный удар из ПриОВО-ЗапОВО главными силами РККА по главным силам вермахта и ответный удар из КОВО при главных силах вермахта против ПриОВО-ЗапОВО. Однако только по «южному» варианту и начали НКО и ГШ действовать и подготавливали те же «планы прикрытия» округов в начале мая.

Если сравнивать вариант, представленный Веремеевым (который все же более похож на «оригинал» и который, возможно, просто перепечатали из рукописного варианта «Василевского»), с текстом из «малиновки», то можно заметить отличия в самом тексте. Также «у Веремеева» показан важный пункт, который отсутствует на варианте «малиновки»:

«V. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ

Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям».

Хоть то, что нашел Веремеев в том же ЦАМО, и фальшивка (так как, по сути, не имеет подписи), оригинальные «Соображения» «южного» варианта допускали именно нанесение удара Германии по Белоруссии и указывали, что в этом случае это *«может привести к затяжным боям»*. Так как возможное ответное наступление здесь натолкнется на сильное сопротивление врага. И поэтому по соображениям Тимошенко и Мерецкова—Жукова более предпочтительнее наносить ответный удар не в центре в ответ на нападение Германии, а южнее — из КОВО. А в Белоруссии «разумнее» уйти в «упорную оборону».

По этим «Соображениям» (и в «малиновке», и «от Веремеева») указано, что главный удар Гитлера надо ждать по Украине:

«Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину».

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

<...>

При изложенном предположительном варианте действий Германии можно ожидать следующего развертывания и группировки ее сил:

к северу от нижнего течения р. Западный Буг до Балтийского моря — 30—40 пехотных дивизий, 3—5 танковых дивизий, 2—4 мотодивизии, до 3570 орудий и до 2000 танков;

к югу от р. Западный Буг до границы с Венгрией — до 110 пехотных дивизий, 14 танковых, 10 моторизованных, до 11 500 орудий, 7500 танков и большей части авиации».

Однако это вранье. Главный удар ждали только севернее Припятских болот, и чуть ниже мы это рассмотрим на картах-схемах из сборника «1941 год — уроки и выводы». И, скорее всего, только этим пунктом (*«Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»*) и «предположительным вариан-

том действий Германии» и отличаются данные «Соображения» от тех, по которым собирался воевать Жуков на самом деле.

Когда выставляли фальшивку в сборнике документов «от Яковлева», то, изменив этот абзац в пункте ***«V. ОСНОВЫ НАШЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ НА ЗАПАДЕ»***, этим пытались «доказать», что, во-первых, «Сталин заставил военных считать главным ударом только украинское направление в возможном нападении Германии» (и поэтому в КОВО сконцентрировали такое неоправданно завышенное количество войск) — против главных сил всегда ставят свои главные силы. А во-вторых, этой фальшивкой пытались «доказать», что уже те самые пресловутые «Соображения» от «15 мая» 1941 года («план превентивного нападения») разрабатывались не более как один из вариантов Генштаба, а как документ, имеющий некую «основу» — продолжение общих агрессивных планов СССР в отношении Германии. При этом в «Соображениях» от «11 марта» (что у Яковлева в «малиновке», что у Веремеева) в этом пункте должны быть расписаны действия округов-фронтов от Севера до Одессы. Ведь в общих «Соображениях» от Шапошникова—Мерецкова от августа-октября 1940 года этот пункт очень подробный. Но этого нет.

Также в обоих опубликованных вариантах «Соображений» от «11 марта» 1941 года отсутствует такой пункт, как: ***«VI. Основы стратегического развертывания на Востоке»***. Впрочем, скорее всего, он в этих вариантах и не нужен. Хотя вообще удивительно, как публикаторы и составители «выкидывают» из документов по своему усмотрению то, что посчитают нужным, именно в специализированных сборниках документов. Ну ладно, когда исследователь в своей книге использует только ту часть документа или мемуаров, которая ему нужна для раскрытия данного вопроса, но как можно выбрасывать в документе то, что захочется, когда пишется именно сборник документов по определенному периоду — мне непонятно.

Тут стоит немного отвлечься и сказать, что «резуны» (поголовно) уверяют окружающих, что и «План от 15 мая», и «Соображения от 11 марта» 1941 года — это документы и планы Сталина и СССР на нанесение удара первыми по Германии. То есть это «Планы нападения»! К этой компании в этом также примыкает и «историк» М. Мельтюхов и его сторонники-поклонники. Но тот же Мельтюхов в своей книге «Упущенный шанс Сталина» хотя бы несколько лет назад считал «Соображения» Шапошникова—Мерецкова от августа-октября 1940 года еще вроде как оборонительными. Однако 19 июня 2011 года, в д/ф Пивоварова с НТВ «22 июня. Роковые решения» Мельтюхов сподобился на пару с М. Солониным заявить, что «агрессивная» политика Сталина по нанесению «превентивного удара» (нападению первыми на Гитлера) началась уже с «Соображений» Шапошникова от августа 1940 года!

Видимо, все же «резунизм» — это заразная болезнь. И любой ею может «заболеть»... на всю голову. А если серьезно — то, что творил Мельтюхов на пару с Солониным в этом фильме Пивоварова, иначе как шулерством не назовешь. За такие вещи в приличном обществе канделябром по голове бьют.

Ведь эти «историки» умудрились просто выбросить начало «Соображений» Шапошникова, в котором говорится, что это на СССР собирается нападать враг:

«III. Вероятные оперативные планы противников»:

«против Советского Союза на Западе может быть развернуто...» «Германия... развернет свои главные силы... с тем чтобы из Восточной Пруссии через Литву нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, на Ковно и далее на Двинск, Полоцк или на Ковно, Вильно и далее на Минск. Одновременно необходимо ожидать ударов на фронт...».

То есть в этих «Соображениях» Б.М. Шапошникова от августа 1940 года в самом начале четко показано, кто нападает первым и кто агрессор! Но Мельтюхов с Солониным это «не заметили» и сразу перешли к пункту «V. Основы стратегического развертывания», который просто переврали по сути. Ведь в этом пункте указано, что: «Основной задачей наших войск является — нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной ПРУССИИ

и в районе Варшавы: вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород, Люблин, Грубешов, Томашев, Сандомир...» То есть по войскам, находящимся (уже сосредоточенным и продолжающим сосредотачиваться) в В. Пруссии и под Варшавой. И при этом по тексту Шапошникова видно, что наноситься будет не превентивный, а именно ответный удар Красной Армии. По крайней мере, нет никаких даже намеков на «превентивный удар» РККА по сосредоточивающимся немецким войскам.

Также Мельтюхов на пару с Солониным немного «слухавили», а точнее, просто не стали сообщать зрителю, что «Соображения» — это, конечно, важный документ, но воевать все же будут по «Планам» (разработанным на его основе) в приграничных округах! И при этом они умудрились перевернуть в самом важном — эти «резунэ» заявили, что уже в этих «Соображениях» от «июля 1940 года» «главным» считался удар через Украину по «южной Польше». И преподнесли этот удар именно как «удар первыми» по Германии со стороны СССР! А ведь в тех «Соображениях» четко прописано, что Шапошников—Мерецков считали главным в ударе Германии: *«Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»*. Удар по Украине предполагается в этом документе, но он даже толком не рассматривается.

Все-таки «резунизм» и правда заразная болезнь и не слишком хорошо влияет на неокрепшие умы...

(Примечание: В «Соображениях» от 11 марта 1941 года историк М. Мельтюхов в своей книге «Упущенный шанс Сталина» (М., 2008 г.) тоже разглядел некий «срок» нападения СССР первыми на Германию — «12 июня»: «Наступление начать 12.6!» В отличие от Солонина Мельтюхов не показал, на какой странице эта надпись, но также сослался на генерала Гареева. Мол, это ведь сообщает сам (!) М.А. Гареев в труде «Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны». М. Воениздат, 1995, стр. 93: «...в Докладе от 11 марта 1941 года (в той части, которая не опубликована) рукой Ватутина вписана фаза: «Наступление начать 12.6...»!

Ведь это же сенсация — Мельтюхов «с Гареевым» (задолго до Солонина) нашли подтверждение агрессивных планов СССР и Сталина!

Однако Мельтюхов ни фотокопию из документа не привел, ни указал, как Солонин, на какой странице эта надпись. Он ограничился таким заявлением: *«Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий. Правда, этот срок не был выдержан, но его появление в документе очень показательно, как и то, что это единственный документ советского планирования, который опубликован в новейшем документальном сборнике в извлечении».*

Но вообще-то срок возможного «наступления» в документах указывают в самом тексте, а не на обратной стороне карандашом и почерком, «похожим» на Ватутина. Или вообще отдельным документом. Например, в варианте «Барбаросса» от декабря 1940 года нет срока нападения на СССР — этот срок появляется в Соображениях по стратегическому развертыванию немецких войск, и то только в апреле-мае 1941 года. Когда Гитлер в марте озвучил эту дату на одном из совещаний (после того, как Муссолини подгадил фюреру с Грецией, срок нападения на СССР пришлось с 15 мая переносить на 22 июня). А тут — некая странная фраза на обратной стороне листа документа, сделанная непонятно кем.

Видимо, Мельтюхов понимает, что данные «Соображения от 11 марта», на которые он сослался, — фальшивка. Вот и не привел фотокопию этих «Соображений» и той надписи с «датой нападения»...)

Достаточно «известный» (в «узких» кругах Интернета) архивный копатель С. Чекунов («Сергей ст.») о мартовских «Соображениях» (из «малиновки») высказался совершенно точно: «Про майские ничего не могу сказать, история их появления достаточно «темная» и до сих пор не проясненная, а вот «мартовские» — это никакие не новые. Я уже несколько раз говорил, повторю ЕЩЕ раз: «мартовские» (на самом деле февральские) соображения — это документ, разработанный в точном соответствии с планом разработки оперативных планов и представляющий из себя ЮЖНЫЙ вариант развертывания. СЕВЕРНЫЙ должны были разработать (в соответствии с планом разработки оперативных планов) ПОЗДНЕЕ. Пока следов «северной» разработки не найдено...

Сентябрьские соображения — это ОБЩИЙ документ. В соответствии с ним и разрабатывались СЕВЕРНЫЙ и ЮЖНЫЙ варианты. Последовательность такая: Сен-

тябрьская разработка (утверждена), затем был написан ПЛАН разработки ЧАСТНЫХ вариантов, и уже в соответствии с ним работа и продолжалась. Вот эти ЧАСТНЫЕ варианты утверждения и не проходили...»

Сам «План разработки» двух вариантов «Соображений» С. Чекунов обещал опубликовать в отдельной книге. Но можно утверждать — подписаны и утверждены были не только «основные» «Соображения» о стратегическом развертывании РККА на случай войны с Германией, еще в 1940 году, но и разные варианты действий РККА на случай различных предполагаемых действий Гитлера. То есть «южный» и «северный» варианты отражения агрессии были подписаны наркомом с начГШ и утверждены Молотовым — Сталиным. И по «мартовским» (но уже Жукова) «Соображениям» в округа в мае и спустили новые ПП. Почему никто не нашел еще утвержденный «Северный» вариант «Соображений» в ЦАМО?! Так его там, возможно, и нет. Как, возможно, нет в ЦАМО и утвержденных оригинальных «Соображений» по «южному» варианту. Возможно, они хранятся в другом архиве. Или же стоит поискать получше (как «прозрачно намекнули» автору этой книги: даже и не спрашивай — не дадут кому попало...).

Вот что написано о «северном» варианте в исследовании «1941 год — уроки и выводы». На титульном листе этого исследования указано: «Генеральный штаб Объединенных Вооруженных Сил СНГ» и «Для служебного пользования» (тираж не указан, но очень ограничен). То есть сочинение вполне профессиональное, солидное и закрытое — только для специалистов:

«Во втором варианте («северный») с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска (приложение 16) замысел сводился к тому, чтобы в течение 20 суток перегруппировывая и сосредоточивая войска, опираясь на укрепленные районы, активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вторжения немцев на советскую территорию.

В последующем (на 25-е сутки мобилизации) войсками Западного и Северо-Западного фронтов (около 105 стрелковых дивизий, 5500 танков и 5500 самолетов) перейти в наступле-

ние и нанести решительное поражение главным силам противника (около 140 дивизий, из них 10 танковых) и овладеть Восточной Пруссией. Одновременно войсками Юго-Западного фронта, прикрывая частью сил Западную Украину и Бессарабию, нанести поражение ивангородско-люблинской группировке противника и выйти на среднее течение Вислы.

Овладение Восточной Пруссией имело важное экономическое и политическое значение, так как резко снижало возможности Германии в ведении войны. Однако целесообразность нанесения главного удара на этом направлении вызывала большие сомнения Генерального штаба, который вполне резонно считал, что бои в Восточной Пруссии могли принять затяжной характер, а это могло ускорить вступление Балканских стран в войну против Советского Союза. Тем не менее этот *(также наступательный. — О.К.)* вариант сохранялся, хотя при более тщательной оценке природных условий, высокой подготовленности театра военных действий, соотношения сил и средств сторон (учитывая и качественные параметры соединений) от него можно было отказаться, заменив оборонительным вариантом...»

Что значит «заменить оборонительным вариантом»? «Всего лишь» — поставить задачу этим округам «упорно обороняться» до готовности главных сил РККА, прибывающих в помощь из внутренних округов, а не пытаться сразу переть в ответное контрнаступление.

Как писал М. В. Захаров, в НКО и ГШ понимали и знали, что главные силы немцев будут бить только по Белоруссии и Прибалтике. И сборник «1941 год — уроки и выводы» это в принципе подтверждает, хотя текстовую часть «Соображений» по «южному» или «северному» варианту, к сожалению, и не приводит. Как уверяет группа авторов этого исследования, «северный» вариант вполне существует, а вот ознакомиться с обоими «вариантами» историки пока не могут. Точнее, могут только особо «избранные», имеющие допуск в архив того же Генерального штаба. Но если эти документы и переданы в ЦАМО, то найти их также смогут не всякие исследователи — не так просто перелопатить километры стеллажей ЦАМО. Особенно если не знать, где искать, и есть негласная установка — данные «Соображения»

не выдавать кому попало. Но если кто-то сможет найти эти варианты «Соображений», то можно, ознакомившись с ними, и увидеть — утверждены ли были «Соображения» от марта 1941 года, «Северный» и «Южный» вариант или нет.

По словам «группы авторов», не совсем понятно, кто принимал решение об «отказе» от этого варианта начала войны — сами военные в НКО и ГШ или их так тиран «заставил» считать «главным ударом удар немцев по Украине»? На каком основании от «северного» варианта «можно было отказаться», заменив его «южным»? Ведь потом под «южный» вариант в ГШ в начале мая и «Планы прикрытия» для запокругов сочинили.

То есть, получив от Сталина указание на отработку двух вариантов отражения агрессии Гитлера, Тимошенко—Мерецков и Жуков в первую очередь отработали свой, «южный» вариант. Отработали по нему необходимые директивы, карты и т.п., после чего западные округа худо-бедно отработали и новые Планы прикрытия. А вот на второй вариант отражения агрессии, с упором на Прибалтику и Белоруссию, с размещением там основных сил и средств, нарком и начГШ, похоже, «забили». А ведь еще у Шапошникова в «общих» «Соображениях» прописано четко — главным считать удар немцев из В. Пруссии, по Прибалтике и Белоруссии. То есть Жуков должен был в первую очередь отработать «северный» вариант! После чего в округах на случай нападения Гитлера должны были иметь ДВА варианта отражения агрессии — два Плана прикрытия!

К сожалению, в этом сборнике в «приложении 15» и «16» показаны не тексты вариантов этих двух «Соображений», а только карты-схемы к этим «Соображениям» — «северному» и «южному» вариантам, которые составители этого исследования изготовили на основании оригинальных и подлинных «Соображений», на которых и видно, как концентрировались основные силы западных округов в разных вариантах и какие задачи им ставились по разным вариантам «Соображений».

По «южному» варианту предполагалось иметь:

С-3Ф — 6 стр. корпусов, 17 стр. дивизий, 4 танк. дивизии, 2 мед, 2 птбр;

3Ф — 12 ск, 35 сд, 3 тд, 1 мсд, 3 кав. дивизии, 3 птбр и Ю-3Ф с ЮФ — 24 ск, 76 сд, 9 тд, 4 мсд, 5 птбр.

А по «северному»:

С-3Ф — 8 стр. корпусов, 30 сд, 4 тд, 2 мсд, 2 птбр;

3Ф — 3 ск, 41 сд, 5 тд, 3 мсд, 5 птбр, 2 кд, и

Ю-3Ф и ЮФ — 12 ск, 44 сд, 7 тд, 3 мсд, 7 кд, 4 птбр.

Как видите, в ЗапОВО по «северному» варианту планировали выставить против немцев не 35, а 41 стр. дивизию, не 3 танковые, а 5 дивизий, не 3 противотанковые, а 5 таких бригад! В ПриБОВО не 17, а 30 сд, при тех же двух мехкорпусах и двух птбр. То есть против главных сил врага выставлялись свои мощные силы — на 19 только стрелковых дивизий в «центре» больше по «северному» варианту. При том, что в КОВО общее количество войск снижалось на 32 стрелковые и 2 танковые с 1 механизированной дивизии, но не становилось меньше немецких намного, чтобы не иметь возможности противостоять венгерским, румынским и немецким войскам на той стороне.

Но более интересно вот что: а что же ожидалось нашим Генштабом на «той стороне», где ожидался главный удар и главные силы Гитлера в обоих «вариантах»? И почему надо было так «секретить» и прятать подлинные и утвержденные соображения весны 1941 года? А вот как раз на картах-схемах этого «Приложения», изготовленных составителями этого сборника именно на основе оригинальных и утвержденных Сталиным мартовских «Соображений» ГШ и карт к ним, это видно вполне (напоминаю — это исследование вообще-то не для широкой печати издавалось, а «Для служебного пользования», и схемы нарисованы точно в соответствии с текстами разных вариантов «Соображений»).

По «северному» варианту против ПриБОВО и ЗапОВО ожидается — «до 120 пех. див. и до 10 танк. див.», а также «до 50—60 пех. див. и до 5 танк. див.», расположенных между ЗапОВД и КОВО, между «Белостокским» и «Львовским» выступали. Далее против КОВО и ОдВО — «До 15 пех. див. (венг.)» и «До 30—35 пех. див. (рум.)».

А по «южному» варианту, по оригинальным «Соображениям» и картам главные силы вермахта ожидалось точно так же! Против ПриБОВО и ЗапОВО — «до 120 пех. див.

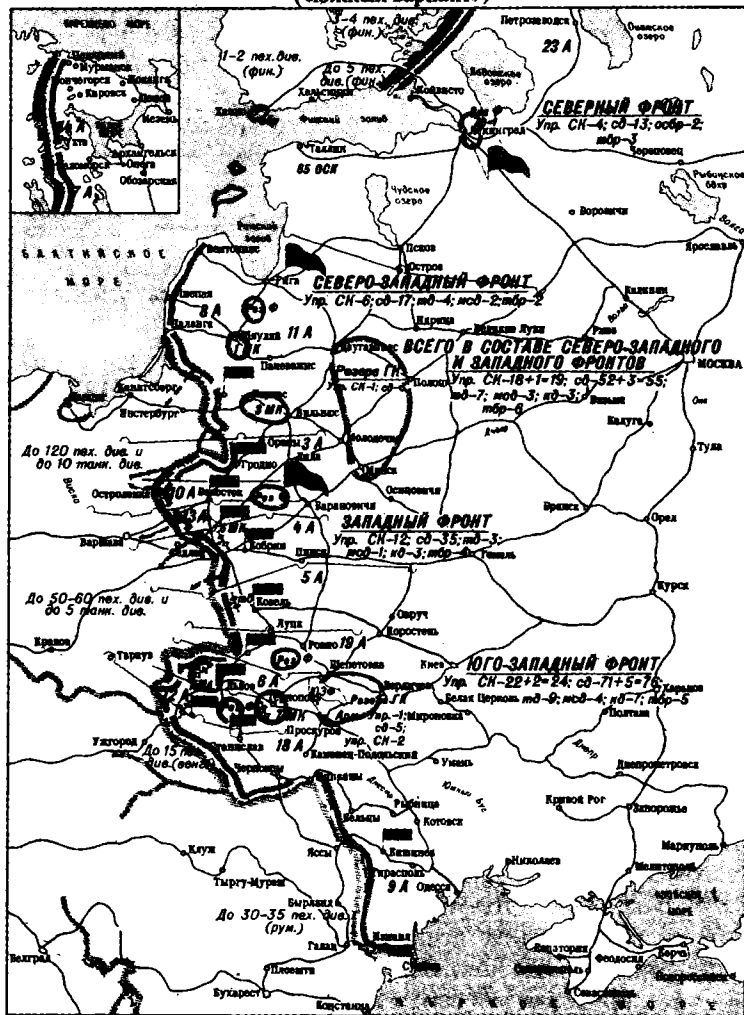
и до 10 танк. див.», а также «до 50—60 пех. див. и до 5 танк. див.». На стыке ЗапОВО и КОВО. Против КОВО и ОдВО — те же «До 15 пех. див. (венг.)» и «до 30—35 пех. див. (рум.)».

Как видите, в обоих случаях главные силы Германии (и ее союзников) ожидаются именно против Прибалтики и Белоруссии! До 180 пехотных дивизий и до 15 танковых. А против КОВО не более чем второстепенные силы, до 50 пехотных, и в основном Венгрии и Румынии! И возможно, некоторые силы немцев в виде люфтваффе им в помощь. И пусть сами предполагаемые цифры для немецких войск оказались неверны (завышены) — немцы выставили сил меньше в ПриОВО и ЗапОВО, а в КОВО больше в реальности, но! Направление Главного удара Германии в НКО и ГШ, по обоим вариантам, рассчитано было верно — главный свой удар немцы наносили именно по Прибалтике и Белоруссии! А против КОВО с ОдВО в НКО и ГШ ждали только войска союзников Гитлера.

То есть «Соображения от 11 марта», хранящиеся в ЦАМО, любые «Соображения» сходные с ними текстом — в том, что главный удар немцев ожидается нашим Генштабом по Украине, — фальшивки! Или черновики по «южному» варианту еще «от Мерецкова». Ну и соответственно фальшивкой является утверждение маршалов о том, что «Сталин заставлял их считать украинское направление главным в ударе Гитлера»! Ведь в конце концов разведка и давала Генштабу состав и группировки немецких войск против СССР! На основе чего Генштаб и сочинял «Соображения» в разных вариантах и карты к ним. И судя по этим «вариантам», разведка, если и не могла дать точной цифры количества немецких войск, что будут выставлены против СССР к моменту нападения (это количество Генштаб сам «прикидывал» в своих расчетах), то она вполне точно определила «направления» главных ударов, откуда надо ждать главные силы Германии.

Чтобы не быть голословными (а простой читатель просто не сможет найти редкое издание сборника Генштаба «1941 год — уроки и выводы» от 1992 года в бумажном варианте), приведем эти самые приложения на стр. 212—213. Как говорится, сами смотрите и «сравнивайте» — где ожидался удар главными силами Германии в обоих вариантах «Соображений» нашим Генштабом при Жукове:

СХЕМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ («Южный вариант»)

Обратите внимание — Захаров указывает, что главный удар Гитлера ожидался только и исключительно по ПриБОВО и ЗапОВО, а Тимошенко с Мерецковыми главные силы РККА для ответного удара погнали в КОВО. При этом Захаров в 1969 году в своей книге ссылается на «Соображения», по которым и начали войну нарком и начГШ («южный» вариант), и дает их архивные реквизиты хранения — *«Архив ГОУ ГШ, оп. 240–48 г., д. 528-V»*, и это архив Оперативного управления ГШ. Так вот — оригинальные «Соображения» и хранились всегда в этом архиве. Долгое время из архива ГШ в ЦАМО вообще практически ничего не передавалось, и уж тем более эти «Соображения». По крайней мере, до конца 1990-х годов. Так что опубликованные в «малиновке» в 1989 году «Соображения от 11 марта» из ЦАМО — именно фальшивка.

Также обратите внимание на разграничительные линии для армий в приграничных округах по разным вариантам (на военных картах линии между армиями должны быть двойными, но в данном случае это не карты, а именно схемы). По «северному» варианту «Соображений» мало того что основные силы немцев ожидаются против ПриБОВО и ЗапОВО, так еще и никаких немедленных ответных ударов армиями западных округов не готовится — линии между армиями уходят в глубь нашей территории, то есть армии уходят в оборону. И ответный удар наносится силами, прежде всего ЗапОВО и ПриБОВО, по главным силам Германии после отражения первых ударов вермахта. А по «южному» варианту, при том, что главные силы Германии ожидаются все там же — против ПриБОВО и ЗапОВО, линии между нашими армиями уходят сразу на территорию противника. То есть по «южному» варианту» готовился именно немедленный ответный удар из КОВО по напавшему врагу, с отсечением вермахта от союзников — Венгрии и Румынии. Из «львовского» выступа. И такой же удар из ЗапОВО — из «белостоцкого» выступа. При поддержке армий ПриБОВО.

Но тут и возникает вопрос — так куда делся «северный» вариант и почему о нем как будто забыли военные историки? Может, потому что именно он и был на самом деле утвержден и наркомом с начГШ, и Сталиным как основной?

Увы, пока не будут официально опубликованы «северный» и «южный» варианты «Соображений» от марта 41-го, на которых можно будет увидеть, были ли они подписаны наркомом, начГШ и, главное, Сталиным, то так и придется гадать — самовольно или нет военные применили в подготовке отражения агрессии Германии именно свой «южный» вариант, вместо которого нам подсунули «Соображения от 11 марта 1941 года». Ведь никто из жуковых—василевских так об этом и не написал в своих мемуарах прямо и четко — о том, как шло рассмотрение этих двух вариантов «Соображений» в марте 41-го и какой из них получил окончательное одобрение на самом деле у Сталина. Хотя маршал М.В. Захаров, похоже, и попытался указать на то, что «киевская мафия» именно под свой округ и претворяла в жизнь «южный» вариант. А вот было ли это законно или нет — историкам еще долго придется разбираться.

Хотя, конечно, предполагая, что против КОВО с ОдВО немцы и их союзники выставят «всего» под полсотни дивизий, ударить по ним силами КОВО и ОдВО чуть не сотней дивизий — ну о-о-очень заманчиво. Реально же немцы и их союзники выставили примерно 64 дивизии и свыше 1000 танков на юге, а в центре и в ПриБОВО — около 80 дивизий и около 3000 танков. Но в любом случае удивляет — а что, в ГШ не понимали, что в Венгрии и Румынии есть свои танки, которые те выставят, нападая на СССР?! Ведь и у Венгрии и у Румынии были точно такие же чешские танки, что шли в первых рядах и у немцев. Почему против Украины Генштаб в лице Жукова не ожидает от противника ничего кроме пехотных дивизий?! Что это — умышленное занижение сил противника, чтобы пропихнуть свою дурную идею с нанесением ответного удара любой ценой?!

В этом плане несколько по-иному начинаешь смотреть на «странные» перемещения 16-й армии Лукина из ЗабВО. Как заявил в форумных спорах С. Чекунов о «маневрах» этой армии: «изначально соединения 16-й армии (директивы от начала мая) ехали... в СКВО. Затем директивами от середины мая (тут они от 25.05) ее перенаправили... в район Воронежа. И только директивой от 11.06 ее направили на Украину». То есть сначала эта армия шла явно в усиле-

ние центра, ближе к Белоруссии. Однако после того как Жуков и Тимошенко решили КОВО выводить не для обороны, а для ответного встречного наступления, эту армию нацелили в усиление КОВО. Лукин даже успел прибыть перед 21 июня в Киев для согласования. Но когда началась война и стало ясно, что наступление Жукова из КОВО провалилось, а там, где немцы наносят главный удар, в центре нашей обороны, Павлов фактически открыл фронт, то эту армию стали спешно перебрасывать под Смоленск.

При всей «солидности» исследования «1941 год — уроки и выводы» в нем все же видно, как «группа авторов» немного «лукавит»:

«Разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, и поэтому они не были в достаточной степени освоены исполнителями. Генеральный штаб эти планы получил 10—20 июня. Рассмотреть и утвердить их времени уже не было. Однако это не означает, что войска вступили в войну, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. В войсках поддерживалась постоянная готовность к их выполнению».

В чем «лукавство»? А в том, что «армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены». Если вы читаете Военно-исторический журнал (ВИЖ), № 3 и № 5 за 1989 год (а еще лучше полные ответы командиров), то там в ответах комдивов и комкоров с комармиями на вопрос Покровского № 1 «Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?», увидите, что практически ни один командир от армии и ниже в запятых понятия не имели о новых майских ПП! Так что говорить о том, что «в войсках поддерживалась постоянная готовность к их выполнению», можно только с большой натяжкой. Потому что «войска вступили в войну», именно «не имея конкретных боевых задач». Что сегодня «резунанс» дает возможность заявлять, что немецкого нападения не ждали (ведь «боевых

задач по обороне не имели») и после этого нападения наши войска действовали без всяких планов, «импровизировали»...

Ведь вот еще что написали тут:

«План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны СССР шифрованной телеграммой: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.». Ввод его в действие не был рассчитан на внезапные действия врага».

Ну, просто радость «резунам», которые теперь и размахивают этим, — мол, имеющиеся ПП не были рассчитаны на внезапное нападение Германии. А значит, собирались в СССР сами нападать первыми! Ведь это «подтверждают» в таком солидном издании (в котором действительно много полезных фактов приведено)! «Логика», блин, хоть стой хоть падай...

Вообще-то ПП и рассчитаны на то, что до нападения врага и будут проводиться некие подготовительные мероприятия. Это прописывается в «Соображениях», мол, желательно свои войска в случае угрозы войны заранее и отмобилизовать, и привести в повышенную боевую готовность. А в самих ПП и забито, что командование на местах заранее должно отслеживать приготовления противника, выявлять группировки войск и просчитывать угрозу нападения: **«Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника»**. После чего можно предпринимать и ответные действия — начинать мероприятия по выполнению элементов ПП, и все это и происходило в реальности в предвоенные дни. И если вы почитаете ответы генералов Покровскому, то в них увидите, что разведсводки о немецких приготовлениях были достаточно полные и показывали, что немцы готовятся нападать в ближайшие дни. На что командованию запокругов вполне давались команды-разрешения на их же запросы в НКО и ГШ на выполнение мероприятий из ПП — вывод войск в районы по ПП (с приведением в боевую готовность), вывод штабов, приведение в боевую готовность ВВС, ПВО и т.п. И все это до 21 июня еще.

Но также в ПП предусмотрены действия и в случае внезапного нападения, когда подразделения РККА убывают в помощь пограничникам...

На основании имеющихся и вновь появляющихся уточненных «Соображений» Генштаб постоянно вносил правки в существующие «Планы прикрытия и обороны границы», которые постоянно отрабатывались в округах.

В чем основная задача ПП? Например, те же «резуны» уверяют (иногда дня в армии не служившие) — задача ПП только и прежде всего в прикрытии от мобилизации своих войск. То есть, отвечая на этот вопрос, «резуны» поступают просто — читают первые строчки в этих «ПП», например для КОВО:

**«ЗАПИСКА ПО ПЛАНУ ОБОРОНЫ
НА ПЕРИОД ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ,
СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ
ВОЙСК КОВО НА 1941 ГОД»**

(ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 262, лл. 2—49).

Также можно прочитать и директиву НКО и ГШ для того же КОВО, в которой указано: *«Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать»*. И которую «резуны» в принципе не считают «планом обороны». Хотя дальше и идет то, что и является сутью ПП: *«Разработать: 1. Детальный план обороны государственной границы ...»*

Как это выглядит в реальности — *«прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания войск»*, многие и сами часто представить не могут, но, пожалуй, тот же С. Чекунов и высказался достаточно четко:

«Задача ПП не в прикрытии мобилизации как таковой (неважно, скрытой или открытой), а в обеспечении начального периода войны (в котором осуществляются мобилизация, сосредоточение и развертывание)».

А этот «начальный период» должны обеспечить приграничные дивизии, которые и «прикроют» развертывание и мобилизацию остальных войск.

То есть основная цель ПП расписана в следующих «задачах» ПП:

«1. Задачи обороны. Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа. Упорной

обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа».

(Для ЗапОВО: «2. Общие задачи войск округа по обороне госграницы:

а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов: не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; прочно прикрыть отмотмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа...»)

То есть «приоритеты» такие — сначала «не допустить вторжения противника на территорию округа», а уже затем «упорной обороной прочно прикрыть отмотмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа». То есть основной задачей «Планов прикрытия» является именно и прежде всего недопущение вторжения врага на территорию округа (и страны) в случае его нападения. А уж под прикрытием этой обороны пройдет и мобилизация в округах и во всей стране, и подготовка главных сил РККА для нанесения уже ответного удара...

«Прикрытие государственной границы предполагает сумму мероприятий, проводимых командованием приграничных военных округов и округов приграничных войск с целью отразить или ослабить удары противника с суши, моря и воздуха, обеспечить благоприятные условия для развертывания войск и ведения ими боевых действий» (Военный энциклопедический словарь. М., 1983.)

Перевести на человеческий? «Прикрытие государственной границы предполагает сумму мероприятий... с целью отразить или ослабить удары противника», что и позволит «обеспечить благоприятные условия для развертывания», отмотмобилизования остальных «войск» для последующего «ведения ими боевых действий».

В Директиве НКО и ГШ № 503862/сс/ов для КОВО от 5—6 мая 1941 года указано, как происходит ввод в действие данного плана прикрытия: «1. План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за моей, члена Главвоенсовета и начальника Генерального штаба Красной Армии подписями следующего содержания: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года».

Часто задается примерно такой вопрос: «Ну и ПОЧЕМУ «ПП» не были введены до 22 июня?»

Тот же Чекунов дает такой ответ: «Не введены ДО 22.6, потому что а) разведка про..ла все что можно и б) ошибки в оценке ситуации на высшем уровне. Введены утром 22.6, когда уже было поздно».

В этом с ним «солидарны» многие исследователи, заявляющие себя «специалистами» по исследованию «трагедии 22 июня», хотя некоторые считают, что ПП вообще так и не ввели в действие. По крайней мере, приказом из Москвы.

Но данный ответ неверен по сути: — а) разведка как раз точно доложила и возможную дату и вскрыла все ТРИ группировки против каждого округа и направления ударов; — б) Высшее руководство в лице Сталина прекрасно оценивало ситуацию и все, что можно было сделать в той конкретной ситуации, сделало и дало возможность военным подготовиться к нападению, о котором было известно, что сами военные и подтверждают — дату нападения в ГШ точно знали чуть не за неделю, и — в) утром 22 июня ПП вводили в действие и это не было «поздно». Хотя бы потому, что часть мероприятий по ПП уже начали выполнять задолго до 22 июня — об этом подробно было сказано в книгах «Кто «проспал» начало войны?», «Адвокаты Гитлера» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?». И также будет показано и в этой книге.

Тот же Чекунов привел на форуме «миллитера» небольшой кусок такого документа, как «ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИКРЫТИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В ПРЕДВИДЕНИИ ВОЙНЫ И НА ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ» (к сожалению, без реквизитов хранения), в которой указано:

«1. Необходимость в прикрытии границ полевыми войсками может возникнуть: вследствие острых международных политических осложнений, угрожающих перерастанием в войну, или же вследствие уже начавшейся войны, возникшей в результате внезапного нападения на СССР.

Первый случай будет характеризоваться наличием особого предвоенного периода, тогда как во втором случае состояние войны наступает немедленно».

То есть ПП водится и после внезапного нападения, и это не есть что-то необычное. Тем более что к весне 41-го

никто в высшем руководстве СССР и РККА не пребывал в неведении о том, как начнется война.

«Резуны» гнут свое — мол, задачи ПП были не в отражении агрессии, а «в прикрытии мобилизации», и эти задачи указаны в майских директивах для запокругов на разработку этих ПП: *«Для прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа к 25 мая 1941 года лично Вам с начальником штаба и начальником оперативного отдела штаба округа разработать»* план обороны границы. Но вообще-то задачи и цели ПП расписывают не в директивах на уточнение или отработку новых вариантов Планов прикрытия, а в несколько других документах. Вроде приведенной выше «Инструкции», и Планы прикрытия в своей сути всегда одинаковы — отражение первого удара для прикрытия развертывания своих главных сил.

«Таким образом, как это и видно из опыта действий японцев в Китае или на опыте итало-абиссинской войны, в современных условиях никаких официальных объявлений войны не будет, равно как и предварительных ультиматумов, официальных приказов о мобилизации и т.д.

Стирание грани между мирным и военным положением, вытекающим из всей современной империалистической экономики и политики, приводит к огромному развитию военной промышленности, созданию массовых вооруженных резервов, содержащую готовой к вторжению армии, созданию железобетонных барьеров на границе и т.п.

Война есть продолжение политики, но только другими средствами. «Вползание в войну», вытекающее из экономики и политики империалистических государств, естественно, приводит к стратегической внезапности, к внезапному вторжению на территорию противника и стремлению сорвать планы мобилизации и сосредоточения противника.

Современные боевые и транспортные средства (авиация, автотранспорт, огромное развитие железнодорожного транспорта, мотомехвойска) обеспечивают эту внезапность.

Следовательно, и план войны (стратегический) должен предусматривать эту внезапность вторжения противника. Должна быть обеспечена готовность армий к отпору вторг-

шемуся противнику, должна быть обеспечена возможность опережения противника в сроках сосредоточения и развертывания вооруженных сил»¹.

Как видите, уже в 1938 году все прекрасно понимали, что никакой «прелюдии» начала войны не будет, как сегодня пытаются уверять многие историки, мол, профукали удар, потому что ждали «нот протеста» от Гитлера, «экономических или территориальных претензий, требований» и прочую лабуду про начало войны «малыми силами». Ерунда, ждали и понимали, что будет массированный удар внезапного вторжения и к нему надо готовиться. А начальником Генштаба в 1938 году был маршал Шапошников...

Вы представляете, что должен знать читатель, чтобы понимать, как и где врет Резун? Резун это понимает и пользуется — ведь специальных знаний у обывателя нет (а я ведь тоже не штабист по образованию и профессии). Теперь понимаете, почему вообще никто не собирается серьезно «развенчивать» Резуна в таких вопросах? Ответ простой — а оно кому надо такой «ликбез» устраивать обывателю? Резун вбросил пару фраз, а на разбор понадобилось несколько страниц «опровержения». Вот поэтому никто особо и не рвется в бой — «опровергать» В. Резуна — нехай Резун дальше брешет... Но все же продолжим это неблагодарное дело, продолжим разбирать его демагогию и «лукавство»... Ведь нам надо не просто показать, где Резун врет о Жукове прежде всего, а разобраться с тем, что же произошло в те дни и что привело к трагедии 22 июня.

* * *

«В случае войны приграничные военные округа превращались во фронты. Каждый фронт — это группа армий. Генеральный штаб готовил подробные планы боевых действий для каждого фронта, каждой армии, корпуса, дивизии, полка.

¹ Васильев Н.Г., военный инженер. Подготовка театра военных действий в дорожном отношении. Изд. Военно-инженерной академии РККА. М., 1938 г. Источник — <http://zhistory2.forum24.ru>.

Все эти планы упаковывали в так называемые «красные пакеты». Каждый командир, от полка и выше, в своем сейфе имел «красный пакет», но не имел представления, что в нем содержится».

* * *

Генштаб изготовил общую Директиву на разработку в округах «Планов обороны и прикрытия», а уж те сами дали команду каждой дивизии отработать свои ПП в «части, их касающейся», и ничего ГШ не мог диктовать каждой дивизии «до сантиметра». То есть Генштаб как раз не расписывает подробно за дивизию или полк ее «План прикрытия и обороны» или план боевых действий. В округах сами и решали вопросы по выполнению общего ПП. При этом в «красных пакетах» не пишут «планы обороны» или еще чего. Там указывают, куда отправляется конкретная дивизия и сроки выдвижения согласно окружному ПП. Ничего другого там нет. Сам «План прикрытия» какой-нибудь дивизии достаточно объемный, и его не запикивают в «красный пакет». И каждый командир части от полка и выше прекрасно знал, что написано в его «красном пакете», ибо, участвуя с начштаба и начальником оперативного отдела своей части в его разработке, командир прекрасно знал, куда и в какие сроки ему идти в случае объявления боевой тревоги. И «красный пакет» — это не более чем указание командиру на начало выполнения его частью неких мероприятий, расписанных в его «плане» действий на случай войны.

Другое дело, что в западных округах не довели до армий и корпусов новые ПП от мая 1941 года. Это произошло именно в округах, и тут, скорее всего, можно винить командование округов (и Тимошенко), не представивших вовремя свои ПП в Москву! И новых «красных пакетов» в частях просто не было. Но были старые «пакеты», которые никто не изымал. Также часть пакетов в последние дни все же успели раздать в части.

Некоторые из них попали в качестве трофеев к немцам и поэтому, уже попав обратно в СССР, сохранились. Например:

«14-й МК находится во втором эшелоне 4-й армии... в районе Кобрина... В случае прорыва противника через реку Зап. Буг наносить фланговые контрудары из района севернее Жабинка в возможных направлениях: на Высокое, на Брест, а также в южном направлении...»¹.

Это мехкорпус 2-го эшелона 4-й армии ЗапОВО, закрывавшей Брест в том числе. И этот МК должен был наносить фланговые удары по танковым клиньям Гудериана.

«22-й МК организационно подчиняется командованию 5-й армии... В случае начала боевых действий корпусу предписывается... оставив резерв в распоряжении командующего 5-й армии, сосредоточиться к 5:00 М-3 в районе иск. Ковель, Шайно, Торговище, Хорodelец...

Быть готовым к нанесению контрударов в направлениях: Ковель — Брест, Ковель — Любомль, Ковель — Влодзмеж...»².

Это мехкорпус КОВО, также находящийся во втором эшелоне.

«8-й МК входит в состав 26-й армии... К исходу М-1 корпус должен сосредоточиться в районе Самбор, Стар. Самбор, Дрогобыч, составляя резерв командующего 26-й армией...

Иметь целью уничтожение прорвавшихся танковых и крупных пехотных соединений противника...»³.

Это также мехкорпус 2-го эшелона КОВО.

«4-й МК входит в состав 6-й армии с дислокацией в г Львов и пригородах... Мехкорпус составляет резерв командующего 6-й армией. К исходу М-1 сосредоточиться в районе Крекув, иск. Янув, Бжуховице...

Быть готовыми к нанесению контрударов в направлениях: Камиионка Струмилова, Радзехув, М. Кристынополь; Крехув, Рава Русска, Любыча Крулевсе; Крехув, Немирув, Пшемьсль...»⁴.

¹ ЦАМО, ф. 131, оп. 9775сс, д. 4.

² ЦАМО, ф. 131, оп. 9777сс, д. 4.

³ ЦАМО, ф. 131, оп. 8664сс, д. 5.

⁴ ЦАМО, ф. 131, оп. 9886сс, д. 9.

«В случае опасности из Генерального штаба должен был поступить приказ на вскрытие пакетов. Получив приказ, каждый командир должен был вскрыть «красный пакет» и действовать в соответствии с указаниями, которые в нем содержались».

Это верно. В случае «опасности», а точнее, до начала войны такой приказ мог дать в округа только нарком обороны, член Главвоенсовета и начальник Генштаба: *«План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за мной, члена Главвоенсовета и начальника Генерального штаба Красной Армии подписями следующего содержания: «Приступите к выполнению плана прикрытия 1941 года»...»*

Но такую команду в округах (в армиях и дивизиях) командиры на вскрытие «красных пакетов» все же получили. Но не до нападения, а утром 22 июня такая команда была. В том же КОВО такую команду в армии Кирпонос и Пуркаев лично давали около 5.00 утра 22 июня по телефону: «Приступить к выполнению КОВО-41». И это вполне четко описывают в своих воспоминаниях генералы лета 41-го. Единственно сложно установить — был ли на это отдельный письменный приказ Москвы в эти часы или ПП ввели в том же КОВО сами, по факту нападения? Но дело в том, что в случае нападения врага командующие на местах также имеют право «своей властью» вводить и объявлять ПП. И когда Жуков подписывал «оперсводку № 1» в 10.00 22 июня, он отметил, что командующие ввели своей властью планы прикрытия, и почему-то мне кажется, что их не за это потом расстреливали... Но тот же генерал Болдин в своих мемуарах прямо указал, что сразу после 4.00 утра в Минск именно из Москвы и поступил приказ на вскрытие «красных пакетов» и на ввод в действие «планов прикрытия». Но вскрывать пакеты в «случае опасности»?! Дурость. Если комдив вскрыл «пакет», то это война и его дивизия поперет в район обороны, сметая на пути все столбы. Но мало ли какие «опасности» возникают в мире....

Если возникает «опасность», то армию просто приводят в повышенную боевую готовность. И если надо, усиливают границу отдельными частями. Что и делалось в мае 41-го еще.

* * *

«Сам Жуков знал, что его план отражения агрессии годится для любого употребления, для любого развития событий, но не годится для применения по прямому назначению. Потому Жуков даже не пытался ввести свой план обороны государства в действие. Читайте мемуары Жукова. Он рассказывает, что чувствовал приближение войны. Коль так, вводи в действие свой гениальный план, прикажи всем командирам вскрыть «красные пакеты»! Но Жуков не спешил.

Вот рассказ Жукова: «И вот поймите наше с Тимошенко состояние. С одной стороны, тревога грызла души, так как видели по докладам из округов, что противник занимает исходное положение для вторжения, а наши войска из-за упорства Сталина не приведены в готовность, с другой же — сохранялась все еще, пусть и небольшая, вера в способность Сталина избежать войны в 1941 году. В таком состоянии мы находились до вечера 21 июня, пока сообщения немецких перебежчиков окончательно не развеяли эту иллюзию» (ВИЖ, 1995, № 3 с. 41).

Итак, вечером 21 июня 1941 года у Жукова больше нет иллюзий. Он понимает: это война! Но почему не вводит в действие свой гениальный план?»

* * *

Здесь Резун нагородил много вранья. Как и Жуков. При этом Резун прекрасно знает, где и в чем врет Жуков. Но «развенчивает» его не за это.

1-е — «План обороны», а точнее «Планы прикрытия», до начала войны вводят в действие не Генштаб, то есть Жуков, а глава государства и правительства — Сталин. То есть нарком или начГШ дают команду в западные округа на ввод ПП только с разрешения главы правительства. То есть до нападения врага это мог сделать только Сталин!

2-е — Резун приводит слова, в которых Жуков говорит о том, что хотел привести заранее, до нападения Германии, войска западных округов **в боевую готовность**, а Сталин ему не дал. То есть Жуков говорит о приведении в боевую готовность заранее, а не о введении в действие «плана обороны», и это разные вещи. Но по Резуну выходит, что Жуков должен был объявить некий «план обороны» до нападения врага...

3-е — Жуков не может самостоятельно вводить в действие ни «планы обороны», ни «планы нападения». Это не его компетенция в принципе. Для этого есть глава государства, который и даст команду наркому обороны, а не начГШ нужную команду.

А теперь — где «лукавит» сам Жуков: *«Тревога грызла души, так как видели по докладам из округов, что противник занимает исходное положение для вторжения, а наши войска из-за упорства Сталина не приведены в готовность, с другой же — сохранялась все еще, пусть и небольшая, вера в способность Сталина избежать войны в 1941 году. В таком состоянии мы находились до вечера 21 июня, пока сообщения немецких перебежчиков окончательно не развеяли эту иллюзию».*

1-е — никакого «упорства Сталина» в неприведении войск западных округов в боевую готовность не было. Одесский ВО уже 6 июня запросил ГШ о разрешении на вывод отдельных дивизий (в ОдВО всего одна армия была) в районы сосредоточения по плану обороны. Жуков, по словам маршала М. Захарова, такое разрешение дал по телефону: *«управление 48-го стрелкового корпуса из Кировограда и его 74-ю стрелковую дивизию... перебросить в район Бельцы»* на усиление 176-й стрелковой дивизии на границе *«для прикрытия фронта в 120 километров»*. *«Кроме этого выдвинуть на бельцкое направление и 30-ю горнострелковую дивизию»* (это разрешение ГШ потом подтвердил и отдельной шифровкой). И *«в ночь на 8 июня корпусные части и 74-я стрелковая дивизия по боевой тревоге выступила в район Бельцы»*¹.

8 июня телеграмму с просьбой разрешить начать движение дивизий 2-го эшелона дал в ГШ и Минск. И уже в 7.00 11 июня начали движение в «районы, предусмотрен-

¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005, с. 221—222.

ные планом прикрытия» войска в Белоруссии (Директиву ГШ от 11 июня прислали в Минск числа 11-го... подробнее телеграммы-запросы из округов рассматривались в книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»).

8—9 июня и Киев дал такой запрос в ГШ. И 15 июня начали движение войска и Украины и Прибалтики по Директивам НКО и ГШ от 12 июня, а 19 июня в западных округах получили приказ Генштаба (с подписью Жукова соответственно) о приведении в боевую готовность ПВО, ВВС и приграничных дивизий. (Подробно об этом читайте в книге-разборе полных ответов генералов на вопросы Покровского.)

2-е — о дате нападения сообщали не только перебежчики и не только «21 июня». После подписания Гитлером 10 июня приказа о начале нападения на СССР с 22 июня разведка разных ведомств сообщала в Москву точную дату десятки раз. И тот же Жуков около 19.00 21 июня сообщает командующему Московским ВО генералу Тюленеву, что на выходные возможна война, и именно разведка, а не перебежчики сообщили, что война будет 22 июня. (Жуков вечером 21 июня обзвонил запокруга и дал им команду быть в готовности к возможным провокациям в ночь на 22 июня — подробнее это будет разобрано в книге по ответам генералов на «вопросы Покровского».)

* * *

«И вот с границы каскадом пошли сообщения: враг бомбит аэродромы, артиллерия противника открыла ураганный огонь, подводные лодки минируют подходы к нашим портам и базам, диверсионные группы противника захватывают пограничные мосты, по этим мостам на нашу территорию лавиной идут танки! Что же должен делать Жуков, получая такие сообщения? Ясное дело: вводить в действие план отражения агрессии! Но он упорно этого не делает. Жуков описал беспомощного растерянного бестолкового Сталина и себя, спокойного, рассудительного, трезвомыслящего. Если дело именно так и обстояло, то в первые минуты войны Жуков должен был успокоить товарища Сталина: у нас есть план войны! Его просто надо ввести в действие!»

Не знаю, что там «ясно» Резуну, но еще раз повторяем — только глава государства, а не начальник Генерального штаба РККА может дать нужные команды, если враг напал на страну и тем более до нападения врага. А начГШ или нарком дадут свою команду в округа только с разрешения Сталина.

Фантазии Резуна о том, что начГШ должен «успокаивать» Сталина и радовать того известием, что в Генштабе есть нужные планы на случай войны, оставим на «совести» Резуна. И без него Сталин прекрасно знал, что есть в ГШ, так как именно Сталин перед этим и утверждал «планы обороны» — «Соображения о стратегическом развертывании...». Единственно точно утвержденные «Соображения» от Шапошникова—Мерецкова от сентября 1940 года. И Сталину как раз не нужно было слушать успокоения от Жукова — мол, у него есть «планы обороны». Это от Жукова как раз требовалось просто ждать от главы правительства команды — вводить ли в действие «планы обороны» до нападения. А после нападения ПП введут в действие командующие на местах — либо сами, либо по команде Москвы. Но опять же это глава государства решит, начинать ли сразу полномасштабные ответные боевые действия, или «приграничные конфликты» можно остановить еще и ограничиться полумерами. В данном случае его дело как начальника Генштаба, как говорится, «телячье» — стой смирно и жди команды.

«Интересно, что и четверть века спустя, когда гениальный полководец творил свой бессмертный шедевр, он даже не пытался оправдываться и валить вину на Сталина: я, мол, имел план обороны страны и хотел его ввести в действие, но мне помешал Сталин. Но нет таких оправданий, как нет у Жукова и никаких упоминаний о существовании плана войны. Начальник Генерального штаба в момент начала войны или вовсе оказался без планов, или попросту забыл, что они у него есть.

В момент начала войны Жуков не вспомнил о своих планах, но он о планах войны не вспомнил и через десятилетия после войны, когда работал над своим эпохальным шедевром».

Вранье. Именно это Жуков и описывает в своих мемуарах. Мол, Сталин не давал им с Тимошенко заранее ввести в действие Планы прикрытия и привести войска западных округов в боевую готовность заранее согласно этим ПП. При этом Жуков как раз и пишет, что новые «планы развертывания и мобилизации» («планы обороны») были, но они не были утверждены им же... и только потом Сталиным в том числе. Но повторяю — новые «Планы обороны и прикрытия» округов, если и отличались от предыдущих (шло переакцентирование на украинское направление как наиболее «главное», по мнению Жукова и Тимошенко) и формально вроде как утверждены не были (так как не были подписаны самим Жуковым и Тимошенко), это было не так важно. Когда Кирпонос в КОВО в 5.00 давал команду приступить к выполнению Плана прикрытия, то вводился в действие именно **майский** План прикрытия госграницы! И так было во всех округах — вводились в действие именно новые, майские, хотя и вроде бы формально «не утвержденные» Планы прикрытия!

★ ★ ★

«Опубликованы тысячи книг и статей участников тех событий, и ни один маршал, ни один генерал или адмирал, ни один офицер, ни один историк-исследователь не сообщил о том, что Жуков или кто-то еще приказал ввести в действие заранее разработанные планы и действовать в соответствии с инструкциями, которые хранились в «красных пакетах».

Ни один командующий фронтом, флотом, армией, флотилией, ни один командир корпуса, дивизии, бригады или полка НИКОГДА не получал приказа на вскрытие «красного пакета».

★ ★ ★

Вот это и называется — беспардонное вранье, по Геббельсу. Чем больше, наглее и примитивнее ложь, тем быстрее в нее поверят.

Самое главное — до начала военных действий, до нападения на СССР никто не мог, не имел права, без команды главы правительства Сталина вводить в действие какие бы то ни было «планы» и те же «красные пакеты». Ни начальник ГШ, ни нарком делать это без санкции Сталина не могли. То есть Резун в данном случае примитивно шулерствует. И до начала войны никто это делать и не собирался! А вот когда война началась, то вскрытие «пакетов» началось решениями командующих на местах или по команде Москвы.

Можно взять мемуары Рокоссовского, как рано утром 22 июня он вскрывал свой «пакет» в присутствии начштаба корпуса, члена Военного совета корпуса и «особиста» корпуса. И при этом ему не Жуков такую команду дал. Ему просто сообщили о начале войны, и он вскрыл свой пакет, как и положено в таких случаях — самостоятельно. И хотя команду на вскрытие «красного пакета» Рокоссовскому (как положено) дал не командующий армией или начштаба армии или начальник оперотдела штаба армии за «подписью» наркома, начГШ или Сталина, а всего лишь замначоперотдела (который к тому же «подписал» телефонограмму своим именем), Рокоссовский принял грамотное решение — он в присутствии своего начштаба, замполита и «особиста» (комиссионно) и вскрыл свой пакет.

Баграмян пишет, что, прибыв в Тернополь к 6.30, он получил команду сообщить в войска приказ на введение в действие «КОВО-41», План прикрытия КОВО, что автоматически дает команду вскрывать «красные пакеты». Начштаба 12-й армии КОВО генерал Арушанян пишет, что около 5.00 22 июня начштаба КОВО Пуркаев ему лично дал команду вводить «КОВО-41»... А Болдин написал, что в Минске они получили около 4.00—4.30 часов утра 22 июня именно приказ Москвы на вскрытие «красных пакетов».

Но многие свои пакеты не вскрывали и не могли вскрыть, так как новых пакетов в некоторых частях по майским «Планам прикрытия» просто не было (должны были оставаться старые, которые не соответствовали новым ПП). Для этого стоит Резуну почитать ответы генералов на «вопросы Покровского», которые те давали после войны, на вопрос № 1.

Но как только началась война, в округах и ввели в действие свои «Планы обороны и прикрытия» официально. И чтобы это узнать, достаточно прочитать не только мемуары, но, например, «оперсводку № 1» от 22 июня, в которой и показаны действия командования западных округов после начала войны. Данная оперсводка сегодня уже выложена и на сайте «Подвиг народа», однако эта висит в Интернете уже пару лет (выделено мною, вычеркивания и подчеркивания были в тексте, что выложил на сайте «Миллитера» еще в 2009 году С. Чекунов. — О.К.):

«Экз. № 1

*Оперсводка № 01 Генерального Штаба Красной Армии
На 10.00 22.06.41 Карта 1.000.000*

4.00 22.6.41 немцы без всякого повода совершили налет на наши аэродромы и города и перешли границу наземными войсками.

1. Северный фронт. Противник звеном самолетов типа бомбардировщик нарушил границу и вышел в район Ленинграда и Кронштадта.

В воздушном бою было сбито нашими истребителями два самолета. До 17 самолетов противника пытались пройти в район Выборг, но не дойдя, повернули обратно.

В районе Куолярви взят пленный немецкий солдат моторизованного полка 9 пд. На остальных участках фронта спокойно.

2. Северо-Западный фронт. Противник в 4.00 открыл артогонь и одновременно начал бомбить аэродромы и города: Виндава, Либава, Ковно, Вильно и Шауляй. В результате налета возникли пожары в Виндава, Ковно и Вильно.

Потери — уничтожено на аэродроме Виндава три наших самолета, ранено 3 красноармейца и зажжен склад горючего; в 4.30 над районами Каунас и Либава шел воздушный бой. Результаты выясняются.

С 5.00 противник ведет систематические налеты группами по 8—20 самолетов на Поневеж, Шавли, Ковно, Рига, Виндава. Результаты выясняются. Наземные войска противника перешли в наступление и ведут удар в двух направлениях — основной из района Пыллкален, Сувалки, Гольдап

силами 3—4 пд и 200 танков в направлении Оолита и обеспечивающий главную группировку удар из района Тильзит на Таураге, Юрбакас силами до 3—4 пех. дивизий с невыясненной группой танков.

В результате пограничных боев атака противника на Таураге отбита, но противнику удалось захватить Юрбакас. Положение на направлении главной группировки противника уточняется. Противник, видимо, стремится действиями на Оолита, Вильно выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй.

3. Западный фронт. В 4.20 до 60 самолетов противника бомбардировали Гродно и Брест. Одновременно на всей границе Западного фронта противник открыл артиллерийский огонь.

В 5.00 противник бомбардировал Лида, нарушив проводную связь армии. С 5.00 противник продолжал непрерывные налеты, нанося удары группами бомбардировщиков ДО-17 в сопровождении истребителей МЕ-109 по городам: Кобрин, Гродно, Белосток, Брест, Пружаны.

Основными объектами атаки являются военные городки.

В воздушных боях в районе Пружаны сбиты один бомбардировщик и два истребителя. Наши потери — 9 самолетов.

Сопецкин и Новоселки горят. Наземными силами противник развивает удар из района Сувалки в направлении Голынка, Домброва и из района Соколув вдоль железной дороги на Волковыск. Наступающие силы противника уточняются. В результате боев противнику удалось овладеть Голынкой и выйти в район Домброва, отбросив части 56 сд в южном направлении.

В направлении Соколув, Волковыск идут напряженные бои в районе Черемха. Своими действиями этих двух направлений противник очевидно стремится охватить северо-западную группировку фронта.

Командующий фронтом намечает контрудар в направлении Голынка для уничтожения прорвавшегося противника.

Командующий 3 армии вводом танковой дивизии стремится ликвидировать прорыв противника на Голынка.

4. Юго-Западный фронт. В 4.20 противник начал обстрел пулеметным огнем наших границ. С 4.30 самолеты противника ведут бомбардировку Любомль, Ковель, Луцк, Владимир-Волынский, Новоград Волынский, Черновицы, Хотин и аэродромов у Чер-

новицы, Галич, Бучач, Зубов, Адамы, Куровице, Чунев, Сквилов. В результате бомбежки в Сквилове был зажжен технический склад, но пожар ликвидирован; выведено из строя на аэродроме Куровице 14 самолетов и на аэродроме Адамы 16 самолетов. Нашими истребителями сбито два самолета противника.

В 4.35 после артогня по району Владимир-Волынский и Любомль наземные войска противника перешли границу развивая удар в направлении Владимир-Волынский, Любомль и Крыстинополь.

В 5.20 в районе Черновицы у Карпешти противник также начал наступление.

В 6.00 в районе Радзехув выброшен парашютный десант противника неустановленной численности.

В результате действия наземных войск противник занял, по непроверенным данным, Пархач и Высоцко в районе Радымно. До полка конницы противника с танками, действующими в направлении Рава-Русска проник к УР. В районе Черновицы противник потеснил наши пограничные заставы.

На Румынском участке в воздушных боях над Кишиневом и Бельцами сбито 2 самолета противника. Отдельным самолетам противника удалось прорваться на Гросулово и бомбить аэродромы Бельцы, Болград и Болгарийка.

В результате бомбежки уничтожено 5 самолетов на аэродроме Гросулово.

Наземные войска противника на фронте Липканы-Рени пытались форсировать реку Прут, но были отбиты. По непроверенным данным, противник в районе Картал высадил десант через Дунай.

Командующие фронтами ввели в действие план прикрытия и активными действиями подвижных войск стремятся уничтожить перешедшие границу части противника.

Противник, упредив наши войска в развертывании, вынудил части Красной Армии принять бой в процессе занятия исходного положения по плану прикрытия. Используя это преимущество, противнику удалось на отдельных направлениях достичь частичного успеха.

Начальник Генерального Штаба Красной Армии
генерал армии

Жуков

Автограф ЦАМО, ф. 16а, оп. 1071, д. 1, л.л. 2—5».

На сайте «Подвиг народа» выложена оперсводка в виде бланка с наклеенными полосками текста. Архивные реквизиты указаны такие — (ЦАМО) фонд 229 опись 161 дело 148 л.л. 1—9. Текст полностью соответствует приведенному выше, но никаких вычеркиваний фраз нет. Еще одна оперсводка «№ 01», имеющая запись «совершенно секретно экз. № 2», имеет реквизиты — фонд 228 опись 701 дело 84 л.л. 1—4. Вычеркиваний также нет. Также на обратной стороне этой оперсводки, что отпечатана на машинке, указано: «Экз. № 1, 3 и 4 сданы ген. Г. Маландину» и указана дата «22.6.41.» с неразборчивой подписью, начинающейся на «Ка..».

Оперсводка составлена на 10.00 утра 22 июня для Сталина. И Жуков пишет, что к этому времени командующие округами уже ввели в действие «Планы прикрытия» («Планы обороны»), после чего «красные пакеты» и вскрывают «автоматически». А вот то, что во многих частях западных округов о начале войны узнавали из выступления Молотова, что они понятия не имели о введении в действие «Плана обороны и прикрытия», — это прямая вина командующих округами и особенно Павлова, которого Резун очень защищает. Но в данном случае прямой вины за это Жукова нет.

Можно, конечно, сказать, что Резун не мог раньше видеть выложенную недавно на сайте «Подвиг народа» эту оперсводку в полном виде, но он часть ее приводил даже в «Ледоколе» лет 20 назад. Хотя вообще он старается игнорировать подобные документы, которые давно выложены в Интернете. Проще врать внаглую.

Например, в КОВО дали такой приказ:

**«БОЕВОЙ ПРИКАЗ
ШТАБА КИЕВСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
КОМАНДИРАМ 24-го МЕХАНИЗИРОВАННОГО
КОРПУСА И 45-й ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ**

22 июня 1941 г.

С рассвета 22 июня немцы начали наступление. Бой идет на границе.

Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года.

*Командующий войсками Киевского особого военного округа
генерал-полковник КИРПОНОС*

*Член Военного совета корпусной комиссар
Начальник штаба генерал-майор*

*ВАШУГИН
ПУРКАЕВ»¹.*

Этот приказ выложен был в «ВИЖ» еще в 1989 году. И думаю, что Резун его видел — в Лондоне, где он строчит свои перлы под надзором английских спецслужб, этот журнал при желании можно найти. И этот журнал именно в этот год выкладывал ну очень много документов этих дней...

Но раз уж пришлось привести данную оперсводку, то стоит немного сказать о еще одной интересной фразе из нее. Жуков, описывая ситуацию на 10.00 22 июня в Прибалтике, указал следующее:

«Противник, видимо, стремится действиями на Олита, Вильно выйти на тылы Западного фронта, обеспечивая свои действия ударом на Таураге, Шауляй».

Обратите внимание — еще только вермахт вторгся в СССР, только обозначились некие успехи у немцев, а начальник ГШ Г.К. Жуков четко показывает, как будет развиваться удар по Прибалтике. Это на самом деле был сдвоенный удар, в котором участвовали две танковые группы вермахта, одна из которых двинулась на Ленинград, а другая почти сразу повернула на Минск с целью окружить и вырезать весь Западный фронт!

Жуков читал «Барбароссу»? Вовсе нет. Он просто прекрасно знал на 22 июня по разведанным (последние сводки округов были за 15—20 июня) весь расклад немецких сил и средств. Он ведь не просто так Тюленеву примерно в 19.00 сообщил, что силы на границе у нас примерно равны (*«Я поинтересовался, каково сейчас соотношение сил — наших и германских. — У немцев, насколько мне известно, нет общего превосходства, — коротко ответил Жуков»*²). А в разведсводках западных округов разведка округов четко вскрыла и по-

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 50, л. 3. Подлинник. Источник: Военно-исторический журнал, № 6, 1989, с. 31.

² Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. Есть в Интернете.

казала и группировку вермахта, и возможные направления ударов. Конечно, танковые силы были выдвинуты немцами к границе в последний момент, к 19—20 июня. Но разведка пограничников работала на глубину до 400 км (сегодня это забито в уставы погранвойск)... Так что прекрасно знали и понимали в Генштабе все, что планируют немцы, и поэтому на 10.00 22 июня Жуков так «провидчески» указал, как будет наноситься удар по тылам Западного фронта из Прибалтики. Но самое интересное, что возможный удар немцев по этому варианту предусматривал и... «План прикрытия» ПриОВО, подписанный командующим округом, начштаба округа, ЧВС округа и начоперотдела штаба округа от 2 июня еще:

«Наиболее вероятными для противника операционными направлениями будут:

а) Тильзит, Шяуляй, Рига (или Шяуляй, Даугавпилс) с вспомогательным направлением на Мемель (ныне Клайпеда. — О.К.), Тельшяй или Мемель, Шяуляй для последующих действий или на Псков — в тыл ЛВО или совместных действий с Каунасской группировкой;

б) Гумбинен, Каунас, Вильнюс с последующим ударом на Минск;

в) Сувалки, Алитус, Лида (или Гродно) для воздействия на правое крыло и тыл Западного фронта;

г) частный удар от Сувалки через Калвария на Каунас»¹.

А этот ПП разрабатывался-уточнялся по директиве НКО и ГШ № 503920/сс/ов от 14 мая еще!

Так что вовсе не дураков назначал «тиран» на командные должности в РККА и тем более в Генштаб — прекрасно знали, как и куда будут наноситься удары немцев. Умными были даже преподаватели инженерных академий, а уж тем более офицеры ГШ.

А чтобы прекратить ненужные разговоры о «глупости» Г.К. Жукова или о том, что Жуков или Тимошенко «не знали», как немцы будут воевать с первых же дней войны, почитайте доклад Жукова от конца декабря 1940 года. Или

¹ ЦАМО, ф.16, оп. 2951, д. 242, лл.1—35.

Тимошенко. В них они (пусть и писал Жукову тот доклад полковник Баграмян) четко показали, как вермахт будет наносить свои удары. Массированно, сконцентрировав на участках прорыва до 150 танков на километр. Создавая кратные перевесы в технике и живой силе над частями РККА. Другое дело, что, зачитав эти доклады, Жуков и Тимошенко о них, видимо, к 22 июня «забыли».

Но в декабре 1940 года на совещании командного состава, говоря о наступательных операциях вермахта в Европе, Жуков подчеркнул на примере Польской кампании, что *«главную роль... играет авиация и мотобронетанковые соединения, которые своими глубокими и стремительными ударами терроризовали, по существу, всю... армию, управление и всю страну»*¹.

Далее он сделал такие выводы: *«Что особо поучительно-го из действий на Западе?»*

1. Это смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника.

2. Решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировки противника.

3. Массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника, при этом часто применение этих войск в форме противника. (Помните, как в июне 41-го все ловили у себя в тылу мнимых и реальных «диверсантов» в советской форме? — О.К.)

4. При прорыве УР немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танками, саперами и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной УР, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила.

5. Высокие темпы проведения наступательных операций. Польша разгромлена в 18 дней (среднесуточное продвижение

¹ . Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993. Т. 12, с. 129—151.

немцев равно 30 км), Голландия, Бельгия и Северная Франция за 20 дней, что равно [темпу наступления] 20 км в сутки. Разгром Франции. Разгром Франции — в 18 дней, что составляет [по темпу наступления] 16 км в сутки, при этом действие ММС доходило до 100—120 км.

6. Наступательной операции, как правило, предшествовала заблаговременная заброска мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, УРАм, важнейшим складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агентуры, немцы действовали очень часто наверняка. Диверсионные группы в тылу терроризировали население, уничтожали связь, убивали важных лиц командного состава и захватывали важнейшие документы. (Что действительно потом происходило и в июне 41-го... — О.К.)

7. Это — умение немцев организовать непрерывность операций. Непрерывность операций во всех случаях обеспечивалась: предварительной тщательной подготовкой операции и наличием плана последующей операции, мощным автомобильным транспортом и широко развитой сетью железных дорог, обеспечивавших широкие перегруппировки войск и устройства тыла, наличием эшелонированных резервов.

Как вывод можно сказать, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступающему:

1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе¹.

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 1—52.

Доклад Тимошенко также достаточно подробный, но его мы посмотрим позже, в еще одной отдельной книге на Резуна. Также он есть в 1-м томе «Документы. 1941» («малиновке»): **«№ 222. ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА С.К. ТИМОШЕНКО НА ВОЕННОМ СОВЕЩАНИИ 31 ДЕКАБРЯ 1940 г... Опубликовано в сборнике «Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА. 23—31 декабря 1940 г.». Издательство «ТЕРРА», 1993, с.338—373», с которым желающие могут и сами ознакомиться в Интернете.** Но сразу предупреждаю — он в данной публикации выхолощен и сокращен. Так что лучше почитать первоисточник: **«Заключительное слово Народного Комиссара Обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на военном совещании 31 декабря 1940 г. Брошюра для служебного использования. М., 1941. Цит. по: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 12. М., 1993, с. 339—344 ».** Поверьте — это будет интересно. Узнаете, насколько неглуп был у нас нарком обороны, но здесь хватит и жуковского, в котором как будто начало войны и показано.

А вот слова другого военачальника:

«С февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные все более свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии.

В этих условиях Генштаб в целом и наше Оперативное управление вносили коррективы в разработанный в течение осени и зимы 1940 года оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных сил для отражения нападения врага с запада. План предусматривал, что военные действия начнутся с отражения ударов нападающего врага, что удары эти сразу же разыграются в виде крупных воздушных сражений, с попыток противника обезвредить наши аэродромы, ослабить войсковые, и особенно танковые, группировки, подорвать тыловые войсковые объекты, нанести ущерб железнодорожным станциям и прифронтовым крупным городам.

С нашей стороны предусматривалась необходимость силами всей авиации сорвать попытки врага завоевать господ-

ство в воздухе и в свою очередь нанести по нему решительные удары с воздуха.

Одновременно ожидалось нападение на наши границы наземных войск с крупными танковыми группировками, во время которого наши стрелковые войска и укрепленные районы приграничных военных округов совместно с пограничными войсками обязаны будут сдерживать первый натиск, а механизированные корпуса, опирающиеся на противотанковые рубежи, своими контрударами вместе со стрелковыми войсками должны будут ликвидировать вклинившиеся в нашу оборону группировки и создать благоприятную обстановку для перехода советских войск в решительное наступление.

К началу вражеского наступления предусматривался выход на территорию приграничных округов войск, подаваемых из глубины СССР. Предполагалось также, что наши войска вступят в войну во всех случаях полностью изготовившимися и в составе предусмотренных планом группировок, что от мобилизации и сосредоточения войск будет произведено заблаговременно.

...При этом предусматривалось, что войска эшелонов прикрытия к началу действий врага, будучи полностью укомплектованными по штатам военного времени, развернутся на подготовленных оборонительных рубежах вдоль границы и вместе с укрепленными районами и пограничными войсками смогут, в случае крайней необходимости, прикрыть от мобилизации войск второго эшелона приграничных округов, которым по мобилизационному плану отводили для этого от нескольких часов до одних суток»¹.

Как видите, Василевский в 1974 году, видимо, после уже смерти Жукова в том же 1974 году, четко показывает, что планы на лето 41-го составляли именно по такому сценарию нападения Гитлера, какой и произошел в действительности. То есть — в НКО и ГШ все прекрасно понимали, как Германия ударит — массированно, и на бумаге готовились именно так, как надо! И на самом деле многие приграничные дивизии приводились к штатам, близким к штатам военного времени, а мехкорпуса действительно были в штатах военного времени на июнь 1941 года.

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 104—105.

И Жуков в декабре 40-го прекрасно понимал, как будет вестись эта война, хотя в своих «Воспоминаниях», оправдываясь после войны, заявлял: *«При переработке оперативных планов весной 1941 года (о чем я уже говорил) не были практически учтены новые способы ведения войны в начальном периоде. Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений...»*¹.

И после этих слов (Жукова ли?) уже все «официальные» историки (и особенно «резуны») повторяют эту дурость полвека — не ждали в СССР такого массированного удара Германии! Ждали неких мифических «территориальных претензий» и дипломатических пикировок с последующими приграничными сражениями с небольшими силами противника.

Но вообще-то это не «мнение» начальника ГШ Жукова в 1941 г., а оправдание Жуковым своих ошибок, сделанных им накануне войны. «Мнение» же Жукова из 1941 г. о том, как начинается война, выражено им в его докладе на декабрьском совещании да в известных нам планах начала войны, в которых нет ни единого намека на какие-то мифические армии вторжения, за которыми пойдут позже главные силы врага.

(Примечание: А вот это якобы слова Сталина от примерно середины июня, сказанные им Тимошенко и Жукову на их предложения о «приведении в боевую готовность», рассказанные Жуковым в частных беседах: «Если будете продолжать провоцировать немцев на границе передвижениями войск без нашего разрешения, полетят головы, попомните мои слова».

Если допустить, что они правдивы, то здесь речь идет как раз о передвижениях войск непосредственно у границ, то есть о приграничных дивизиях, которые до 19 июня и запрещено было двигать. Но «глубинных» дивизий это как раз и не касалось — они начали выдвигаться с 8—11 июня, но их выдвижение немцам еще надо было отследить. Но если приграничные дивизии начнут выдвигаться с мест постоянной дислокации на исходные позиции согласно Планам прикрытия, то именно это и может спровоцировать немцев...)

¹ Воспоминания и размышления. АПН, М., 1969, с. 224.

Также в НКО и ГШ предполагали, по словам Василевского, что наши войска должны будут вступить готовыми в войну и что *«сосредоточение войск будет произведено заблаговременно»*. А для этого предполагалось, что дата нападения будет известна заранее — разведка сообщит вовремя.

А еще Василевский сказал прямо, к чему готовились Тимошенко и Жуков в случае агрессии Германии.

Сначала показал, что анализ войны в Европе велся:

«Всю первую половину 1941 года Генштаб работал с неослабевающим напряжением. Еще и еще раз анализировались операции первых лет второй мировой войны и принципы их проведения. Глубоко изучались как наступательные операции, так и вопросы стратегической обороны. В директивах наркома обороны руководящему составу Красной Армии одновременно с задачами по отработке наступательных операций обязательно, причем конкретно и подробно, ставились задачи и по оборонительным операциям».

Затем попытался «заступаться» за Жукова:

«В качестве практических мероприятий предусматривалось проведение зимою в каждой армии и округе армейского предназначения оперативной игры на тему армейской оборонительной операции, а в штабах округов фронтового предназначения — фронтовой оборонительной операции. Летом армии и округа осуществляли на тех же основаниях армейские или фронтовые двусторонние полевые учения. Основной, конечно, была наступающая сторона, а противоположная решала задачи оборонительного характера».

А потом сказал, что было на самом деле:

«Однако нельзя не сказать при этом, что правильная в принципе установка на то, чтобы вести войну на территории агрессора, что при нападении врага на СССР боевые действия советских войск должны быть до предела решительными, кое-где пропагандировалась односторонне, что, как уже говорилось, способствовало распространению иллюзий легкой победы в войне....» (с. 103—104).

Но об этом поговорим чуть позже...

А теперь посмотрите, что показывает Жуков в оперсводке «№ 1» на 10.00 22 июня по боевым действиям в полосе ЗапОВО — Западного фронта. Попробуйте найти упомина-

ние о том, что противник ведет бои и прорывается на самом важном направлении, на этом фронте — через Брест! Что это — нет информации на это время в ГШ о том, что ведется сражение за Брест, Жуков как, с ПриБОВО не просчитывал заранее этот удар немцев, или Жуков просто решил не показывать это, понимая, что ему не сносить головы? Ведь это он с Тимошенко, а не Сталин «считали» украинское направление наиболее важным в нападении Гитлера, что на этом участке якобы и будет наноситься «главный удар»!

Или он готовил свою авантюру с ударом «на Люблин» из КОВО — Юго-Западного фронта, и показывать, что немцы бьют сильнее всего именно в Бресте, на Минско-Московском направлении, ему не хочется? Мол, зачем зря «расстраивать тирана» — вдруг узнает, что немцы именно по Бресту наносят свой главный удар, а там больших сил нет. Узнает и не позволит реализовать дурь «Директивы № 3» с ударом «на Люблин», под которую Жуков столько готовил войска КОВО, когда выводил их к границе для «встречного» флангового наступления «а-ля Тухачевский» на напавшего врага?

А насчет того, что никто не вспоминал, что от Жукова была команда вскрывать «пакеты», что «ни один командующий фронтом, флотом, армией, флотилией, ни один командир корпуса, дивизии, бригады или полка НИКОГДА не получал приказа на вскрытие «красного пакета»...», то вообще-то уже в полночь с 21 на 22 июня Жуков лично обзванивал округа и давал приказ приводить в боевую готовность войска по «Директиве № 1» от 21.06.1941 г., которая еще только начала поступать в округа:

«Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М.П. Кирпонос, находившийся на своем командном пункте в Тернополе, доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М.А Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат — 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии. Он переплыл речку, явился к пограничникам и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М.П. Кирпоносу было приказано быстрее передавать директиву в войска о приведении их в боевую готовность» (Воспоминания и размышления. М., 1969, с. 246).

То есть Жуков в полночь на 22 июня по примеру адмирала Кузнецова дал команду Кирпоносу приводить войска

в боевую готовность, не дожидаясь, когда в КОВО придет «Директива № 1». А с приведением в полную боевую готовность и вскрывают «пакеты». Так положено в армии.

И вот как понимали эту директиву генералы, что делали и должны были делать по ней:

«22 июня 1941 г. Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии. Примерно в 2 часа — 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям, частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. По сигналу «Гроза» вводился с действие «Красный пакет», содержащий в себе план прикрытия госграницы. <...>

Заместитель начальника штаба Западного фронта генерал-лейтенант Маландин»¹.

То есть при приведении в боевую готовность (полную, конечно же — другой тогда не существовало) с занятием УРов вводились в действие и «красные пакеты» соответственно. Но о «Грозе» чуть позже, а о том, как «немедленно» павловы выполняли приказ о приведении в боевую готовность — вообще отдельный разговор. Но как видите, в этом «ЖБД» указано, что *«около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность»*, то есть сразу после 1 часа ночи. А Павлов и тот же Кирпонос только «в 2 часа — 2 часа 30 минут» отдали «аналогичное приказание» своим армиям. Таким образом, Маландин подтвердил, что Павлов после получения шифровки и после разговора с Тимошенко около 1 часа ночи 22 июня точных к пониманию и прямых приказов не отдавал о приведении в боевую готовность. Он дал команду «действовать побоевому», добавил, что «подробности» сообщит отдельно и позже, и после 2.30 ночи просто отправил в армии «копию» Директивы «№ 1». Команду занимать УРы он действительно дал сразу после 1 часа ночи (см. протокол допроса Павлова от 7 июля 1941 года).

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 355802с, д. 1, лл. 4—10. Сайт «Подвиг народа».

* * *

«Официальная кремлевская пропаганда опрокинула самосвалы блевотины на командный состав Красной Армии. Ныне миру внушено, что командиры Красной Армии были трусливы, глупы и ленивы. По приказу Министерства обороны России некий ученый муж из университета Тель-Авива даже провел специальное исследование и с научной точностью вычислил в процентах количество идиотов среди командиров Красной Армии».

* * *

Тоже вранье, и наглое причем. Официальная кремлевская пропаганда в принципе никогда не поливала грязью генералов и командиров и тем более лета 41-го! И уж тем более с помощью некоего «ученого мужа» из Израиля (!!). В таких случаях приличные историки приводят ссылки на эти самые «самосвалы блевотины» и тем более указывают фамилии этих самых «ученых мужей из Тель-Авива». А иначе за разжигание антисемитизма можно и канделябром по голове. Проще, кстати, процент идиотизма вычислить в работах самого Резуна и в его «мыслях». Впрочем, он и без вычислений зашкаливает...

* * *

«Но давайте попробуем поставить себя на место тех несчастных красных командиров. Давайте попробуем посмотреть на мир из-под козырьков их фуражек. Командирам советских полков, бригад, дивизий, корпусов, командующим армиями и фронтами категорически запрещалось разрабатывать какие-либо планы на случай войны. За всех думал Жуков».

* * *

Это вранье уже рассматривали выше — армия не колхоз — прикажут — разработают. И разрабатывали...

* * *

«Планы войны поступали из Генерального штаба, хранились в опечатанных пакетах как величайшая государственная тайна. Что там Жуков запланировал, знать до начала войны не полагалось. И вот война. Своего плана у вас нет. И не по

вашей вине. На вскрытие «красного пакета» требуется разрешение того же Жукова. Но разрешения тоже нет. За самовольное вскрытие пакета вас уничтожат. В таком же положении — вся Красная Армия. Сотни тысяч командиров не имеют никаких планов и гибнут зря».

* * *

«Планов войны» в частях не существует. Есть «план действий» в каждой части на случай объявления тревоги, на учения и на случай войны. Эти планы в частях есть «по определению», и каждый командир обязан знать этот «план» просто потому, что это его обязанность — при вступлении в должность командир полка (и выше) первым делом ознакомляется с планами действий полка «на все случаи жизни» и, конечно же, на случай войны. А в случае прихода в полк уточнений обязан с начштаба лично внести изменения в рабочие тетради и отправиться, если надо, с подчиненными на рекогносцировку новых участков или районов. А изменения в «красные пакеты» внесут старшие начальники командира полка (и выше), утверждают и вышлют командиру.

Дальше у Резуна просто никчемные и лицемерные вопли...

* * *

«Сговориться о совместных действиях тысячи командиров не имеют ни времени, ни возможности, да они и не имеют права этого делать. Для того, чтобы организовать совместные действия всей армии, существует Генеральный штаб. Но он свою задачу не выполнил, потому лучшие командиры, лучшие штабы и боевые части Красной Армии без толку погибли на границе. И вот после смерти всех этих командиров обливают грязью, называют дураками и вычисляют процент идиотов в их рядах».

* * *

Ну, так кто конкретно обливает командиров грязью? Может, сам Резун?

* * *

«Жуков по злому умыслу, по глупости или с перепугу ЗАБЫЛ отдать приказ на вскрытие пакетов. Тем самым Жуков оставил Красную Армию без планов, следовательно, подста-

вил ее под разгром. И вот его называют гением. Даже орден Жукова учредили для таких же, как он, гениев, для тех, кто не способен справляться с простейшими обязанностями в критической обстановке».

* * *

Жуков ничего не «забыл». Он выполнял то, что ему положено, и нечего тут наводить тень на плетень — см. мемуары заместителя генерала Павлова в ЗаПОВО генерала Болдина, а мы их рассмотрим подробнее чуть позже...

А дальше стоит почитать ну очень умные рассуждения Резуна о «дурацкой Директиве № 1».

Часть 2

В. Резун и его рассуждения о «Директиве № 1»

«...дисциплина становится самоубийственной, если войскам отдадут дурацкие приказы.

Начальник Генерального штаба генерал армии Жуков перед войной отдал достаточно приказов, которые полностью парализовали Красную Армию: самолетов противника не сбивать! Патроны и снаряды у передовых полков и дивизий изъять! Чтобы не было случайной артиллерийской стрельбы, замки с орудий снять и сдать на склады! Пограничные мосты разминировать! На провокации не поддаваться! За попытки стрелять по германским самолетам-нарушителям всех виновных судить судом военного трибунала!»

* * *

1-е — запрет сбивать самолеты действительно был и распространялся, например, на пограничников. В их случае подбитый или обстрелянный самолет вполне мог перелететь на свою сторону и там грохнуться, а это вызвало бы скандал международный — «Советы» обстреливают и сбивают «случайно залетевшие» к ним самолеты! А то еще и заявят, что сбивают вообще на их территории. Так же запрет касался, конечно же, обычных частей — не их дело палить в белый свет, как только кому самолет с крестами привидится. Но части ПВО такого запрета не имели. Как и летчики, находящиеся на дежурстве и вылетавшие на

перехват. А если имели, то Резуну стоило бы его привести документально.

2-е — приказы на изъятие снарядов и сдачу их на склады шли от командования самих округов. И были незаконны. Генштаб же еще в середине мая разрешил хранить в танках боекомплекты¹. А патроны и так в «оружейках» хранятся, в подразделениях, а не на руках у бойцов. И выдаются только по боевой тревоге. При этом во всех округах по «Планам прикрытия» и было расписано, сколько патронов на винтовку, автомат или пулемет должно храниться в подразделении и как, и это был «носимый» боекомплект — 90 шт. на винтовку, 1200 на станковый пулемет, по 4 диска на ППШ и РП. А при выдвижении «глубинных дивизий» в сторону границы после 15 июня частям прямо предписывалось иметь при себе уже «возимые запасы огнеприпасов» и ГСМ. То есть брать с собой гораздо больше (почти вдвое) боеприпасов! Но в том же ПриБОВО и ЗапОВО (особенно в Бресте) павловы точно давали приказ за несколько дней до 22 июня изъять боеприпасы даже из «оружеек» в ротах и сдать их на склад! (об этом отдельно и подробно в книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»)

3-е — насчет замков артиллерийских не скажу, а вот случаи, когда командование самих округов приказывало сдать «на поверку» в окружные мастерские (за 300 км) сразу все прицелы у отдельных гаубичных полков под Каунасом и под Брестом, были. Но только Жуков тут ни при чем. Такие приказы отдавали генералы, командующие армиями и заместители командующих округами устно, и это описывают очевидцы в своих воспоминаниях. И из Москвы точно такой приказ даже самые оголтелые саботажники не рискнут давать напрямую в части.

4-е — мосты разминировали или вообще не минировали. Но это делалось по одной простой причине — генералы наши считали, что мосты нам самим пригодятся, когда в ответ на нападение врага они уже на следующий день смогут сами начать ответное наступление — «операции ответного вторжения» «а-ля Тухачевский». И тут таки да, Жуков ви-

¹ См.: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: АСТ, 2005, с. 213.

новат. И подтверждает это директива, о которой Резун тут расписывать не стал, — «Директива № 3» вечера 22 июня.

5-е — по самолетам противника наши зенитчики до 22 июня вполне себе лихо стреляли, и никого за это не расстреливали и под суд не отдавали. Хотя определенные ограничения на такую стрельбу были — неча раскрывать свои позиции раньше времени. Но стрелять обычным частям по самолетам, которые «заблудились»? Бред... Немцы летали к нам, и мы им слали ноты протеста. На их сторону, бывало, залетали и наши самолеты-разведчики, а немцы нам слали ноты протеста. Правда, немцы старались обходить стороной укрепленные зенитками районы, да и не всегда на перехват успевали наши истребители. Но если догоняли, то не сбивали этих нарушителей, а принуждали к посадке и стрельбой в том числе (и при этом даже сбивали — что ж поделаешь — попадали). Но Резуну стоило бы приказ о наказании привести, по которому сажали в ГУЛАГ хоть кого-то на границе. Разборки по факту стрельбы и тем более сбития устраивали в обязательном порядке. Но чтоб в ГУЛАГ кого посадили — стоило бы факты приводить, а не болтать в таких случаях голословно. Другое дело, что уже 22 июня у зенитчиков в ЗапОВО вдруг оказался приказ с запретом открывать огонь в случае налета немецких самолетов! Но это также уже прямая «заслуга» павловых (подробнее см. «Кто проспал начало войны?», «Адвокаты Гитлера» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»).

* * *

«За выполнением приказов Жукова весьма бдительно следили товарищи из НКВД и НКГБ. В марте 1941 года (когда Жуков уже был начальником Генерального штаба) все руководство флота чуть не пошло под расстрел за то, что флотские зенитчики открывали огонь по германским самолетам-нарушителям. Жуков не сделал ничего, чтобы оправдать флотских командиров и отменить приказ самолеты-нарушители не сбивать. Наоборот, товарищи из НКВД предъявили обвинения руководству флота не по своей инициативе, а по записке Жукова, который требовал примерно наказать всех, кто стреляет без приказа».

За тем, как военные выполняют собственные приказы, «следят» в крайнем случае «замполиты». И то если им прикажут. Дело тех же «особистов» — заниматься поиском «врагов народа», а по-современному — выискивать в частях вражескую агентуру и прочие антигосударственные моменты.

В это время, кстати, особые отделы подчинялись наркомату обороны, а не НКВД и НКГБ. И то, что «за выполнением приказов Жукова весьма бдительно следили товарищи из НКВД и НКГБ», весьма сомнительно... Оставшиеся «товарищи из НКВД и НКГБ» — это «территориалы». Что там приказывает НКО и ГШ военным в округа — они понятия не имеют, да им и своих хлопот хватало. При этом «особые отделы» РККА согласовывали свои действия с НКВД, докладывали и т.п., но не более. Так что «товарищи из НКВД» никак следить «бдительно» за командирами не могли. А Жуков не имел права лезть в дела флота, так как нарком флота был рангом повыше, чем начГШ.

И опять Резун кидается голословными утверждениями — в таких случаях и требуется документики привести.

(Примечание: И вот тут В. Резуну ну очень подгадил один из основных его сторонников и последователей — М.С. Солонин. Но, видимо, стоит эту «поганку» от «поклонника и последователя» показать отдельно и чуть позже, в конце этой главы — уж больно интересные факты приводит Марк Семенович по этому вопросу...)

«До германского нападения Жуков засыпал армию запретами на применение оружия. Даже 22 июня 1941 года в 0 часов 25 минут войскам была передана Директива № 1: «Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия...». Директива была подписана маршалом Тимошенко и генералом армии Жуковым. Она завершалась категорическим требованием: «Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»...»

Нападение на СССР началось в 3.00—3.30 утра берлинского времени — в 4.00—4.30 местного и московского. А вот «провокационные действия» на границе начались уже примерно с 2.00 местного времени. Это были попытки отдельных стрелковых взводов вермахта либо перейти границу и напасть на пограничников, либо вести обстрелы пограничных нарядов и застав (регулярные части РККА в основном стояли не у самой границы все же). И если бы наши регулярные войска начали уже в это время «поддаваться на провокации» — наносить артиллерийские удары и даже просто участвовать в уничтожении этих взводов, то СССР вполне можно было бы спокойно представить агрессором. И заканчивалась та директива вполне разумно: *«Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»* (на черновике этой директивы видно, что в этом пункте собирались сначала дать указания по эвакуации: *«д Эвакуац Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»*).

Кстати, «резуны» заявляют примерно такое: мол, потому и изымали вооружение и боеприпасы в частях на границе, так как солдатики могли стрелкнуть сдуру по немцам раньше времени (сами-то ведь собирались нападать первыми и б/п выдали бы в аккурат перед своим нападением...). Ну, во-первых — на руках боеприпасов ни у кого не было, если эти части уже не занимали окопы на самой границе, как было, например, в ПриБОВО в 8-й армии. Во-вторых, не стоит считать своих солдат и командиров кретинами. Немцы такой ерундой не занимались перед своим нападением, а наши настолько тупые были, что могли устроить самовольную стрельбу вне окопов?

Чтобы стоящие в том же Бресте дивизии начали стрелять, у личного состава должны быть боеприпасы и оружие — но кто бы им позволил самовольно вскрыть «оружейки» или свои склады в дивизиях с теми же снарядами для орудий и начать палить по немцам?

Далее Резун изгаляется над текстом «Директивы № 1». Почитаем, а потом и попробуем ответить на его умные слова.

«... Жуков постоянно прикидывался умным человеком, потому с завидным постоянством попадал в дурацкое положение. Он сам заявил, что якобы вечером 21 июня все иллюзии рассеялись, и он якобы понял: это война! Признание Жукова опубликовано в официальном органе Министерства обороны России — «Военно-историческом журнале». И вот, сообразив вечером 21 июня 1941 года, что начинается война, Жуков в 0 часов 25 минут 22 июня отдает приказ войскам на провокации не поддаваться и никаких мероприятий не проводить.

Стал бы умный человек такое рассказывать? Ведь если сопоставить два заявления Жукова и если им поверить, то великого стратега следовало повесить на площади вверх ногами за вредительство, за сознательное истребление своей собственной армии, за содействие врагу и измену Родине...

Стал бы умный человек отдавать приказ войскам не поддаваться на провокации ПОСЛЕ того, как понял, что речь идет не о провокациях, а о нападении противника?

...Директива № 1 была по существу смертным приговором Красной Армии: не сопротивляться, когда в тебя стреляют!

Генерал, подписавший этот бредовый документ, был бы у него ум, должен был прикидываться дурачком: да, я такое подписал, ибо обстановки не понимал. Но наш стратег решил прикидываться умным: я первым понял, что это война! Я это сообразил еще вечером 21 июня, а глупый Сталин даже 22 июня отказывался ситуацию понимать...

Жукову верить нельзя.

Но если мы Жукову поверим, тогда возникает много вопросов. Жуков понял: это не провокация, а война, и ПОСЛЕ ЭТОГО отдал войскам приказ на провокации не поддаваться. Зачем? Он — враг народа? Вредитель? Он был завербован гитлеровцами и по их приказу подставил Красную Армию под разгром? Или он совершал злодеяния по собственной инициативе? Зачем он эту гадость сотворил? Из-за любви к Гитлеру? Из-за ненависти к своему народу?

Если поверить рассказам Жукова, тогда возникают вопросы и к нашим вождям. Вы знали, что Жуков отдал преступный приказ, который погубил Красную Армию. Сделал это он не по

глупости, а преднамеренно. Почему же вы его прославляете? Вы тоже являетесь врагами народа и вредителями?

Чтобы не нарваться на такие обвинения, нашим вождям и всем нам лучше не принимать всерьез выдумки Жукова.

Нам описывают трусливого Сталина, который ничего не делал в момент начала войны, и мудрого Жукова, который слал директивы войскам. А по мне, лучше ничего не делать, чем слать ТАКИЕ директивы.

Жуков должен был или подобных приказов не отдавать, или создать такую систему управления, которая позволяла бы в момент начала войны, а еще лучше — до ее начала все ранее наложенные ограничения на применение оружия отменить. Надо было придумать какой-то сигнал, который можно было бы довести сразу до всех войск.

Любая армия вступает в оборонительную войну без всяких приказов, точно как часовой на посту отражает нападение, не дожидаясь никаких дополнительных распоряжений, директив или сигналов. Но Жуков строжайше повелевал в бой не вступать, огня не открывать.

Раз ввел такие запреты, изволь придумать одно короткое звучное слово: «Заслон», «Сапфир», «Тайга» и заранее оговорить их значение. Пусть подчиненные знают: если такое слово передал начальник Генерального штаба, значит, все запреты отменяются. Этот сигнал разрешает вести бой. Он означает: **ВОЙНА!**

* * *

О каком «вступлении в бой» можно нести чушь, если враг еще не напал? Поэтому в «Директиве № 1» так подробно все и расписывалось. А вот как нападет — для этого и есть магические и тайные слова — «Гроза», например. Или если объявит войну нашему послу немецкий министр иностранных дел, вот тогда наш Деканозов и пошлет в Москву телеграммой кодовое слово — «Гроза» (похоже, при всем богатстве русского языка, это было любимое слово у наших военных тех дней — что им только не обозначали...). Но что это за слово такое страшное, «Гроза», которым В. Резун уже всех достал, поговорим чуть позже.

Но в одном Резун, в общем, прав, хотя явно не желал так подставляться. Он пишет, что «Директива № 1 была по су-

ществу смертным приговором Красной Армии: не сопротивляться, когда в тебя стреляют!» И ведь он почти «угадал». В известной нам «Директиве № 1» явно и действительно «не хватает» одного пункта! Резун заявляет, что Жуков этой Директивой «повелел огня не открывать», но это, конечно, брехня. Нет там такого запрета или указания и быть не могло. Но пункта, в котором давалось бы разъяснение, в каких случаях можно открывать огонь по напавшему врагу, действительно не хватает! И на отсутствие такого «пункта» обратил в своих работах внимание уже историк А.Б. Мартиросян. Также об этом подробно уже рассматривалось в книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?».

Но не стоит забывать, что «Директива № 1» подписывалась примерно в 22.00 и попасть должна была в округа уже к полуночи. Ею не более чем сообщалось в первую очередь, что «22—23 июня» возможно нападение, и самое важное — давалась команда приводить в полную боевую готовность ВСЕ войска перечисленных в ней приграничных округов. А вот устные разъяснения по применению оружия и должны были дать нарком и начальник Генштаба павловым по телефону. Как это сделал по телефону около 23.30 адмирал Кузнецов, перед этим уточнив этот вопрос у Тимошенко! Жуков звонил в КОВО в полночь, а Тимошенко в 1 час ночи в Минск. Но как раз они ничего о применении оружия не указали командующим. Но и не запрещали применять его точно.

Но опять же — а какие к Жукову претензии? Все, что вешает на него Резун, делает не начГШ, а нарком по команде главы страны. Но если почитаете полные ответы командиров вроде Пуркаева на вопросы Покровского, то там и увидите — что требовалось от комокругами на самом деле. И кто запрещал открывать ответный огонь на самом деле.

* * *

«Но Начальник Генерального штаба генерал армии Жуков год назад публично плакал о грядущих жертвах. С того момента он « всю свою жизнь посвятил грядущей войне». Пять месяцев сидя в кресле начальника Генерального штаба, думал о войне, но не придумал короткого слова на случай, если потребуется оповестить страну и армию о начале войны.

Мало того, что Жуков оставил всю армию без всяких планов, но он еще НАЛОЖИЛ ЗАПРЕТ НА ВЕДЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ. Но и этого мало. В момент начала войны Жуков ЗАБЫЛ снять наложенные им запреты. А разгром 1941 года он объяснил тем, что «враг был сильнее», что «войска были неустойчивыми, они впадали в панику и бежали».

Жуков постоянно рассказывал о глупом и трусливом Сталине. Ранним утром 22 июня 1941 года Сталин не верил, что началась война. А мудрый Жуков понимал: это война. Если ты понимаешь, звони во все колокола! Дави на все кнопки! Срывай пломбы на рычагах! Включай сирены! По всем каналам гони шифровки командующим фронтами и армиями и ори в телефон открытым текстом, чтобы вскрывали «красные пакеты». Передай свое понимание обстановки подчиненным! Они, дураки, не понимают, что началась война, но ты-то гений! Сообщи же им, что мир кончился!»

* * *

Ну никак не уgomонится Резун — обидно ему, что СССР не напал первым — надо было напасть хотя бы на полчаса раньше Гитлера! И стать агрессором... вместо Гитлера. Но если уж обвиняешь Жукова в том, что тот *«НАЛОЖИЛ ЗАПРЕТ НА ВЕДЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ»*, будь любезен представить доказательства. В виде документов с таким запретами. Да, не указав в «Директиве № 1» разъяснение, как реагировать войскам в случае перехода границы войсками противника, а точнее, «забыл» дать эти разъяснения по телефону (Тимошенко вообще успокаиванием Павлова занимался в 1.00 ночи 22 июня), Жуков действительно вроде как *«ЗАБЫЛ снять наложенные им запреты»*. Вот только на самом деле никто никаких особых запретов павловым на ответный огонь не давал. И сам Павлов это подтвердил на первом допросе 7 июля, показав, как после 4 часов утра он докладывал наркому обстановку: *«Все, о чем доложили мне командующие, я немедленно и точно доложил народному комиссару обороны. Последний ответил: «Действуйте так, как подсказывает обстановка»*. То есть нарком обороны давал Павлову полную возможность вести ответный огонь из всех видов оружия по напавшему врагу!

«Но Жуков не делает ничего. Так объясните же мне, кому нужна мудрость Жукова, если эта мудрость не выходит за стены кремлевского кабинета? Что толку от такой мудрости? Что толку, если Жуков все понимает и все знает, но войскам своего знания и понимания обстановки не сообщает?»

Ах, как жаль, что не «резуны» тогда управляли страной, а Сталины... Уж «резуны» бы показали, как воевать надо. Те самые «резуны», что драпают в Лондон, как только им хвост прижимают на мелкой «фарце». Вот только именно на Жукова, на Генштаб ссылается начштаба КОВО Пуркаев, когда пишет такое: «В период от 1 часу до 2 часов 22 июня Командующим войсками округа было получено распоряжение Генерального штаба, которое требовало привести войска в полную боевую готовность, в случае перехода немцев госграницы отражать всеми силами и средствами, самим границы не переходить и не перелетать, до особого распоряжения» (ответы на «вопросы Покровского» — подробнее — в отдельной книге-расследовании). Вот так понимали на местах командующие слова-приказы Жукова — никаких неясностей и ложных толкований — приводить войска в полную боевую готовность, а в случае перехода немцами границы нападение «отражать всеми силами и средствами». А вот почему командиры ниже не отвечали огнем на огонь немцев и кто им запрещал в округах — отдельная история...

«Обязанность командующих фронтами, флотами, армиями, флотилиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, батальонов, рот и взводов — командовать своими войсками, отражать удары противника. Но они не выполняют своих обязанностей, ибо связаны приказами огня не открывать. А обязанность Жукова — оповестить войска о начале войны».

О возможном начале войны Жуков, а точнее, Сталин через Тимошенко и Жукова и оповестил войска еще вечером 21 июня и затем «Директивой № 1» от 22.20 21 июня 1941 года. Тем более что оповещать о возможной войне — обязанность не начГШ, а в первую очередь наркома минимум, и так записано в «Планах прикрытия». Времени для того, чтобы поднять войска по боевой тревоге, у командования западных округов вполне хватало даже в ночь на 22 июня. И на примере Одесского ВО вполне видно, как это время использовалось, если командование действует как положено.

Вот что писали о нормативах по приведению в полную боевую готовность в РККА в те дни все в том же сборнике «1941 год — уроки и выводы»:

«В планах прикрытия важное место отводилось последовательности сосредоточения войск. В общих чертах она выражалась в том, что войска, расположенные в непосредственной близости от государственной границы, с объявлением боевой тревоги должны были занять районы обороны, намеченные им по плану. Первыми, через 45 мин после объявления тревоги, занимали оборону специально выделенные от дивизий первого эшелона отряды в составе усиленного стрелкового батальона. Они имели задачу поддержать боевые действия подразделений пограничных войск и подразделений укрепленных районов. Далее, под прикрытием боевого охранения, должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 3—9 ч. (103. ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 241, л. 74.) (это «директивы на разработку окружных планов прикрытия» согласно этому сборнику, которые были «подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г.» — О.К.). Все эти войска планировалось содержать в постоянной боевой готовности».

Сегодня нам точно известно, что приграничные дивизии («войска, расположенные в непосредственной близости от государственной границы») свой приказ на вывод из казарм, в «районы сбора» минимум, а то и на занятие окопов на границе получили именно по «телеграмме ГШ от 18 июня».

«Под боевой готовностью в тактическом масштабе понималась способность войск своевременно вступить в бой с противником в различных условиях обстановки. Она складывалась из многих элементов, связанных с подготовкой войск для боя. Особо следует подчеркнуть, что **уровень боевой готовности частей и соединений должен был поддерживаться в зависимости от роли, места и задач, возлагаемых на них с началом военных действий. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге и выхода в назначенные районы.**

Доукомплектование автотранспортом и личным составом должно было осуществляться после начала боевых действий или в угрожаемый период из близлежащих районов. Часть войск второго оперативного эшелона планировалось перевозить железнодорожным транспортом».

Второй эшелон приграничных округов, «глубинные дивизии» получили свой приказ на вывод в районы сосредоточения или районы сбора и начали выводиться с 7—11—15 июня. Правда, чаще всего они шли своим ходом и по ночам, что увеличивало время на этот вывод.

«В каждом соединении для борьбы против диверсионно-разведывательных групп выделялся специальный отряд, как правило, в составе роты, имеющей постоянную боевую готовность и усиленной танками и артиллерией. План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны СССР шифрованной телеграммой: «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.» (104. ЦГАСА, ф. 40442, оп. 1, д. 1872, л. 44). Ввод его в действие не был рассчитан на внезапные действия врага».

То есть данные майские ПП должны были вводить (хоть открыто, хоть скрытно) заранее! Что и делалось в реальности!

«Принятая система многоступенчатой передачи шифрованной телеграммы таила в себе опасность, что процесс — зашифровка, передача и расшифровка — займет много времени и до войск не будут своевременно доведены важнейшие

распоряжения. Не учитывалось также, что противник сможет вывести из строя целые звенья управления. К тому же система оповещения не обеспечивала поддержание связи на две-три ступени вниз. Скрытое управление войсками при их отмотилизовании и развертывании предусматривалось достичь с помощью кодов, кодированных карт и радиосигнальных таблиц. Открытые разговоры по телеграфу и особенно по телефону категорически запрещались.

В целях быстрого и планомерного вступления частей и соединений в боевые действия была разработана система приведения войск в полную боевую готовность (система оперативных готовностей флота). В планах прикрытия имелись «Указания по подъему частей по тревоге», на основании которых командиры частей и соединений разрабатывали план-инструкцию по подъему войск по тревоге. Приказ на подъем частей по боевой тревоге предусматривал передавать письменно или устно установленным сигналом (приложение 19 — «Система боевой готовности в армии и на флоте накануне Великой Отечественной войны»).

Боевая тревога могла быть объявлена в двух вариантах: без вывода материальной части и с выводом. Сроки полной боевой готовности устанавливались: для стрелковых, артиллерийских и кавалерийских частей и соединений: летом — 2 ч, зимой — 3 ч; для танковых (механизированных) частей: летом — 2 ч, зимой — 4 ч. При расположении техники в теплых гаражах сроки зимой сокращались на 1 ч. Готовность дежурных подразделений определялась в 45 мин.»¹

Как видите, для приведения в полную боевую готовность войск приграничных округов и тем более их приграничных дивизий требовалось не более 2—3 часов! Так что с учетом того, что на вечер 21 июня эти дивизии должны были находиться в «районах сбора» или даже в окопах, поднять войска по тревоге в ночь на 22 июня вполне могли бы успеть. Если бы, конечно, подписанную в 22.20 «Директиву № 1» на самом деле попытались передать в округа как можно быстрее Тимошенко и Жуков. А также время получения распоряжений должны были сократить звонки наркома и начГШ

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 68—69.

в округа около полуночи. И если бы Кирпоносы-Павловы-Кузнецовы начали поднимать свои войска по тревоге, как это делал Захаров в ОдВО сразу после этих звонков, то до нападения, до 3.30—4.00 приграничные дивизии успели бы, по крайней мере, убраться из «спящих казарм Бреста».

Но никаких приказов «огня не открывать» вообще-то в те первые часы не было, по крайней мере, от Сталина. В «Директиве № 1» четко написано: **«войскам... округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников»**. Ничего о запрете в случае нападения открывать огонь нет и в этих словах, как и далее по тексту. Были ограничения в виде устных команд и «запреты» до особого приказа границу не пересекать, и это прописывалось в «Планах прикрытия и обороны госграницы». Но о том, чтобы не стрелять в тех, кто перешел нашу границу и стреляет в нас на нашей земле, запретов в «Директиве № 1» не было. Не было пункта с четким разъяснением о том, в каких случаях открывать огонь по противнику, нарушившему госграницу, — это верно! Но об этом — см. выше. Однако от командования западных округов все же требуется без всяких двусмысленностей — **«войскам... быть в... готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников»**. И как можно быть в готовности встретить удар немцев, не отвечая при этом огнем на огонь?

Но, кстати, еще в «пресловутом» приказе ГШ «от 18 июня» для приграничных дивизий, которым их выводили в район их рубежей обороны, было указано вполне четко: **«Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года»**.

То есть, пока враг не перешел границу — огня не открывать! Но если перешел и ведет огонь — «мочить» от всей души! Так что формально такое разъяснение уже было. Другое дело, что командующие на местах его не довели до командиров, но в этом вины Жукова как раз нет. Другое дело, что это командующие на местах и давали такие запреты. Но не Жуков! Тем более что Жуков лично вечером 21 июня обзванивал округа и предупреждал командующих

о возможных провокациях и нападении в эту ночь (подробнее это будет показано в отдельной книге по полным ответам генералов на «вопросы Покровского»).

* * *

«В своих действиях Жуков не связан ничем. Так почему он не выполняет свои обязанности?»

*Сам Жуков описал эти первые минуты и часы войны. Вот в кабинет Сталина входит Молотов и заявляет, что имел встречу с германским послом, и тот передал официальные документы германского правительства об объявлении войны Советскому Союзу. Жуков описывает реакцию Сталина на это сообщение, но почему-то не описывает свою собственную реакцию. Сам Жуков якобы давно знает, что война началась, вот еще и Молотов принес официальное подтверждение. Реакция Жукова на слова Молотова должна быть однозначной и мгновенной. Каждая секунда промедления означает все новые захваченные противником мосты, склады оружия и боеприпасов. Каждая минута промедления — это новые километры, намотанные на гусеницы танков Гота, Гудериана, Манштейна. Каждый час промедления означает новые сотни сгоревших на аэродромах самолетов, новые сотни тонн без толку пролитой крови. Поэтому, услышав официальное подтверждение Молотова о том, что война объявлена, Жуков должен был хватать трубку телефона и орать во все адреса: **ВОЙНА! ВОЙНА! ВОЙНА!***

Но мудрый Жуков ходит по кабинету, говорит умные слова, но ничего не сообщает войскам, которые не имеют никаких указаний, кроме категорических требований никаких мероприятий не проводить».

* * *

Директива, которая предписывала округам поднимать войска по боевой тревоге, отправлена была хоть и со скрипом, но все же около 1.00 ночи 22 июня. А перед этим в западные округа (еще около 22.00) звонил оперативный дежурный Генерального штаба в звании минимум полковника и предупреждал окружное командование о том, чтобы те ждали поступление «важнейшей шифровки» из

Москвы! (Маршал М.В. Захаров пишет, что ему и об отправке в ОдВО «Директивы № 1» звонил около 1.15 ночи 22 июня «Ответственный дежурный Генштаба» полковник ГШ Масленников. Указанное сочинение, с. 225).

И звонил этот оперативный дежурный около 22.00 21 июня по команде того, кому оперативный дежурный ГШ подчинен — от начальника Генштаба Г.К. Жукова, который мог поставить такую задачу в это время только из одного места — из кабинета Сталина, где он был вместе с Тимошенко с 20.50 до 22.20. После этого «Директива № 1» была зашифрована, отправлена и поступила в округа, но только около 1 часа ночи. Это очень большая задержка, но даже и в этом случае времени у командования округов вполне хватило бы, чтобы войска поднять, авиацию перегнать на оперативные аэродромы или хотя бы по аэродромам рассредоточить, и выполнить то, что от них требуется. Тем более что после полуночи и нарком, и начГШ звонили в округа и сообщали им о «Директиве № 1» и, как уверяет Жуков, давали команду о приведении войск в полную боевую готовность!

Но «орать во все адреса: ВОЙНА! ВОЙНА!» до того, как на вас напали, — полный идиотизм.

Не уедут вечером 21 июня летчики на выходные с основных аэродромов — смогут перегнать по первому приказу свои самолеты на оперативные (запасные) площадки или «расташить по кустам за хвосты». Не будет авиации на стационарных аэродромах, которые известны врагу, или они будут расташены «за хвосты по кустам» — не будет сгоревших самолетов, как не было их в ОдВО 22 июня. Там только *«на кишиневском аэродроме попали под удар семь самолетов СБ, три Р-2 и два У-2, потому что их командир авиационной бригады А.С. Осипенко не успел выполнить указания о перебазировании самолетов на оперативный аэродром»*¹.

Будут выведены заранее приграничные дивизии из Бреста — не будет избиения спящих и безоружных бойцов в крепости, а танки Гудериана не рванут по прямой и открытой дороге на Минск. Не отберут в стрелковых дивизиях Бреста патроны за несколько дней до 22 июня (видимо,

¹ Захаров М.В. Указ. соч., с. 226.

чтобы оборона крепости стала еще более «героической») — будет чем немцев расстреливать...

Но не забывайте, что Жуков уже вечером 21 июня оповестил командующих округами, что возможны провокации и даже война в эту ночь...

* * *

«Не имея указаний Москвы, командующий Западным фронтом генерал армии Павлов на свой страх и риск, в 5 часов 25 минут отдает приказ: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому».

* * *

Ну что ж, смотрим, как на самом деле выглядит приказ Павлова армиям ЗапОВО в ночь на 22 июня, который тот сочинил от «страха».

**«БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ
КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ОТ 22 ИЮНЯ 1941 г. КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ
3-й, 10-й и 4-й АРМИЙ НА ОТРАЖЕНИЕ НАПАДЕНИЯ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК**

Особо секретно

Командующим 3-й, 10-й и 4-й армиями

Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю:*

Поднять войска и действовать по-боевому.

Павлов Фоминых Климовских

На документе отметка: «Отправлен 22 июня 1941 г. в 5 часов 25 минут».

** Слова «военных действий» дописаны карандашом вместо зачеркнутых — «нарушений госграницы»¹.*

¹ Ф. 208, оп. 2454сс, д. 26, л. 76. Сайт «Боевые действия Красной армии в ВОВ».

Вроде все верно «процитировал» Резун, но самое «забавное», что Павлов в 5 часов 25 минут 22 июня отправил командармам 3-й, 10-й и 4-й армий «Боевое распоряжение» — «Поднять войска и действовать по-боевому...» Но в Москву, однако, его начштаба об этом «боевом распоряжении» доложил еще за час до этого, еще в 4.20 (какой молодец):

**«БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА
ЗАПАДНОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
КРАСНОЙ АРМИИ № 001/оп**

22 июня 1941 г., 4.20.

Первое: 3-я армия — до 60 самолетов немцев бомбят Гродно. Наша авиация завязала воздушный бой.

Второе: 10-я армия — группа диверсантов перешла границу, из них 2 убито, 2 ранено, 3 захвачено в плен, один бежал.

Третье: 4-я армия — в 4.20 началась бомбежка Бреста. Количество самолетов не выяснено.

Четвертое: По всей границе по данным постов ВНОС — артиллерийская перестрелка.

Пятое: Приказано поднять войска и действовать по-боевому.

Начальник штаба

Западного особого военного округа

генерал-майор

КЛИМОВСКИХ»¹.

При этом фраза «массовых нарушений госграницы» в приказе Павлова зачеркнута и написано — «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю: Поднять войска и действовать по-боевому». То есть Павлов формально вроде как не давал ограничений на ответный огонь.

Но Резун ведь не читает подобные журналы...

Все бы ничего в том приказе Павлова, да вот только при получении такого «приказа», «боевого распоряжения» командующим армиями этого округа оставалось разве что пустить себе пулю в лоб. Особенно командирам корпусов

¹ ЦАМО, ф. 344, оп. 5564, д. 10, л. 56. Подлинник. Источник ВИЖ, № 6, 1989, с. 29.

и дивизий в этом округе. При получении подобного приказа командиры должны вроде как вскрыть «красные пакеты» и начинать, согласно приказам в этих «пакетах», «действовать по-боевому» — выполнять «План прикрытия». А вот здесь и произошло то, что привело к разгрому ЗапОВО:

1-е — от Павлова требовалось дать команду, как тому же Кирпоносу в КОВО, — «Приступить к выполнению ЗапОВО-41», но он, видимо, позабыл военный «сленг» и стал («от волнения», видимо) выдавать идиотские команды.

2-е — практически все дивизии и корпуса не имели никакого понятия о том, что им делать и куда выдвигаться. А все потому, что майских уточнений к ПП они не отработывали и «вскрывать» им было нечего — новых «красных пакетов» у них не было, а старые не всегда соответствовали новой обстановке.

Повторюсь. При составлении «Плана прикрытия» каждый командир каждой части, любого подразделения, если его часть указана в этом «плане», должен быть ознакомлен с этим «планом» в части, его касающейся. Если в ПП указан район обороны и план действий для конкретной дивизии, то командир дивизии должен иметь тот самый «красный пакет», в котором эти действия и район обороны будут указаны. В «красных пакетах» дается общее указание и разрешение на выполнение ПП «в части, касающейся» этой конкретной дивизии — куда двигаться, в какие сроки и т.п. Но практически во всех корпусах и дивизиях ЗапОВО новые «красные пакеты» просто отсутствовали — в связи с тем, что армейские «красные пакеты», даже если они и были, находились «под сукном» в штабе округа на утверждении у командующего округом Павлова.

Окружной ПП на 22 июня еще не был утвержден в Москве, однако командиры дивизий и корпусов даже на стадии разработки «Планов прикрытия» не были с ними ознакомлены «в части, их касающейся» и не участвовали в их разработке (смотри ответы генералов в ВИЖ, № 3, 5 за 1989 год, «Фронтовики ответили так!»). Хотя генерал Коробков, командующий 4-й армией в Бресте, по словам его начштаба Сандалова, в полночь с 21 на 22 июня срочно стал выдавать неутвержденные «пакеты» в части! И Сандалов писал об этом еще в 1961 году.

«Красных пакетов» по новым «планам обороны» не было в войсках западных округов, и полная вина за это лежит и на командовании западных округов, и на Жукове с Тимошенко. Окружные ПП представили в ГШ на утверждение не в конце мая — начале июня, а только к 10–20 июня. И из-за этого и в частях не было новых утвержденных в этих округах (но не в ГШ) «красных пакетов». И самое важное — Павловы-Кирпоносы и Кузнецовы как раз и не доводили до подчиненных, что им требуется отработать уточнения к старым ПП в мае 1941 года. При этом в сейфах лежали старые «пакеты». Но если для приграничных дивизий задачи, в общем, не изменились, то для дивизий второго эшелона районы сосредоточения менялись. Но комдивы их не знали. Им «в последнюю минуту» могли выдать новые «пакеты» (как в той же 4-й армии, по словам Сандалова), и из них командир узнавал о совершенно новом районе сосредоточения, который он не изучал и не проводил расчеты для движения к нему — не проводил в нем заранее рекогносцировку.

Болдин, заместитель Павлова, показывает, что около 5.00 «из Москвы» был все же приказ вскрывать «красные пакеты» и действовать по «Планам прикрытия». То есть Павлов около 5.00 получил приказ Жукова вскрывать пакеты, но в 5.25 все же дает свой «странный» приказ — «действовать по-боевому». Но при чем уже в этой ситуации Жуков?

* * *

«Что это означает: действовать по-боевому? Наступать? Обороняться? Отходить? Или вот конкретная ситуация: пограничный мост. Приказано действовать по-боевому. Это значит, пограничный мост удерживать? Или взорвать его? Или по нему двинуть на территорию противника разведывательные батальоны танковых дивизий?»

* * *

В данном случае Павлов должен был дать другую команду. Например, поступить так, как поступил в ОдВО генерал М.В. Захаров, начштаба округа — объявить внятно боевую тревогу во всех гарнизонах и частях округа. После чего каж-

дый командир и сам бы знал, что ему вскрывать и куда двигаться. И не после нападения Германии Павлов должен был дать такую команду, а после того, как получил и расшифровал «Директиву № 1» — около 2.00 ночи еще. А точнее, сразу после общения около 1.00 ночи с наркомом обороны Тимошенко. «Директива № 1» от 21.06. 1941 г. — не более чем бумага к исполнению, которую потом пришивают в дело. А от командующих округами требовалось только одно — поднимать свои гарнизоны по боевой тревоге! В крайнем случае, если, как пишет Болдин, был приказ Павлову около 4 часов утра вскрывать «пакеты» и вводить в действие ПП, то тот и обязан был дать соответствующий приказ.

Почему Павлов выдал именно такой «странный» приказ и именно после нападения? Вот за это его и спросили на следствии и суде... Но он отвечал, что «неправильно понимал директивы наркома». Хотя по получении в Минске «Директивы № 1» и после разговора по телефону с Тимошенко около 1 часа ночи 22 июня Павлов на самом деле дал некие указания по приведению в боевую готовность вверенных ему армий (подробнее об этом — в предыдущих книгах).

* * *

«Приказ действовать по-боевому означал, что каждый может действовать, как найдет нужным. И получился полный разнобой. Каждый командир отдавал свои собственные приказы, понятия не имея, что делают соседи: наступают, обороняются, бегут или прячутся в лесах. Такая ситуация именуется страшным термином: потеря управления».

* * *

Это не более чем дурацкие фантазии Резуна, которые тот навязывает читателю. Потеря управления произошла позже — когда связь с армиями Павлов окончательно потерял. То провода враги порезали в ночь на 22 июня, то Павлова не могли найти — он был на одном КП, а его искали на другом уже после 22 июня... Как искали и командующего ПриБОВО Ф. Кузнецова чуть ли не сутки.

О работе той же связи можно поговорить, а можно ограничиться одним фактом — после «разбора полетов» был «репрессирован», «невинно», Гапич Н.И. — генерал-майор, начальник Управления связи РККА. Арестован 8 августа 1941 г., осужден 26 августа на 10 лет ИТЛ. «Реабилитирован» 28.07.1953 года. Умер в 1964 году. По воспоминаниям наркомы связи СССР Пересыпкина И.Т. Гапич был освобожден от должности вечером 22 июля, в день суда над Павловым¹...

* * *

«Это происходило не только в Западном Особом военном округе, но и во всех остальных.

Одни войска по приказам своих командиров или без приказов отходили. Другие встали в глухую оборону. Среди них 99-я стрелковая дивизия, которую генерал-майор А.А. Власов перед войной сделал лучшей дивизией Красной Армии. Власовцы стояли насмерть, защищая свою родину. Кстати, в ходе войны 99-я стрелковая дивизия первой в Красной Армии была награждена боевым орденом. Это случилось 22 июля 1941 года.

Третьи перешли в решительное наступление. Например, боевые корабли Дунайской флотилии высадили мощный десант на румынских берегах и водрузили красные знамена освобождения на всех колокольнях.

Все это вместе называется хаосом. Ничего хорошего из этого выйти не могло. И не вышло».

* * *

Резун не соврет — видимо, спать спокойно не будет (тем более что он ходит по кругу в своем вранье). Во-первых, любитель малолетних китайнок Власов перед войной, с января 41-го командовал уже 4-м мех. корпусом. Но никому в голову не придет называть этот мех. корпус «власовцами» — за такое можно и нужно точно канделябром по голове. А во-вторых, выше уже приводился такой приказ КОВО, в котором приказывали своим частям:

¹ ...А в бою еще важней. М., 1970, с. 73—74.

«...С рассвета 22 июня немцы начали наступление. Бой идет на границе.

Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года.

Командующий войсками...

КИРПОНОС...

В КОВО данный приказ был отдан конкретным частям, а не «вообще» в армии, как это сделал Павлов. И указали именно конкретно — *«Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 года»*. И, видимо, надо еще раз напомнить — при получении такого приказа командиры и обязаны действовать согласно своим «планам обороны и прикрытия», которые они отрабатывают постоянно и имеют в своих частях в сейфе начальника штаба. И по получении такого приказа им даже вскрывать свои «красные пакеты» нет необходимости — они и так обязаны «знать свой маневр» — куда и как им идти.

Кстати, перечисленные в этом приказе подразделения входили в состав резерва командующего округом и находились в глубине округа. То есть подобные приказы командующий КОВО дал всем частям своего округа — от резервных, у которых было время на подъем по тревоге и на отправку, до дивизий первого эшелона, стоящих на самой границе.

Вы думаете, что В. Резун этого не знает? Ну-ну...

Резун уверяет, что никто из командиров в западных округах не получал команды вскрывать «красные пакеты»? Это правда — по личной команде начальника Генерального штаба РККА никто. На это есть нарком обороны. И также это делается в округах после получения из Москвы соответствующего приказа, и это не обязательно будет «приказ»: «Вскрыть «красные пакеты»!» Также это делается в случае начала войны, по «боевой тревоге» и при введении в действие «Планов прикрытия». Но по Болдину около 4.00—4.30 утра и был отдельный приказ Москвы и на вскрытие «красных пакетов», и на ввод в действие «Плана прикрытия»:

«Наконец из Москвы поступил приказ немедленно ввести в действие «Красный пакет», содержащий план прикрытия государственной границы...». И в этом приказе, похоже, также продублировали и положение из «Директивы № 1»: «Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

На том же сайте «Подвиг народа» выложена «Оперсводка № 01 штаба Северного фронта 22.6.41. 22.00», в которой указано:

«Первое. Войска Северного фронта занимают свои районы плану прикрытия и приступили отмобилизованию по МП-41.

Второе. 14 Армия, части 14 сд приведены боевую готовность и занимают — 325 сп северному берегу КОЛЬСКОГО полуострова, своих районах по плану прикрытия. <...>

122 сд занимает оборонительные сооружения, согласно плана прикрытия в районе КОРЯ, КУОЛАЯРВИ, САМИНЕН, ВУОРИЯРВИ, КАЙРАЛА.<...>

ТРЕТЬЕ. 7 Армия. 168 и 71 сд, закончив сосредоточение к гос. границе, занимает положение, предусмотренное планом прикрытия.<...>

ЧЕТВЕРТОЕ. 23 Армия: части 19 и 50 ск заняли районы обороны, согласно плана прикрытия: 142 сд всеми полками 10.30; 115 сд — 700 сп к 8.40, остальные полки 12.00. <...>

50 ск всеми частями вышел в район обороны по плану прикрытия 41 г., имея все части в боевой готовности.

<...>

НАШФРОНТ СЕВЕРНЫЙ Д. Никитин

[подпись
синей ручкой]

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА

(Тихомиров)

отп. 2 экз.» (ф. 217, оп. 1221, д. 183, л.л. 1–5).

Это к тому, что «резуны» частенько заявляют, видимо, вслед за своим «гуру», что «Планы прикрытия» не вводились ни до начала войны, ни тем более 22 июня и вообще после тоже. Мол, вводить до 22 июня вроде как не решились, а после и смысла не было — каждый начал воевать, как ему в голову взбредет.

И при этом с умным видом заявляют, мол, именно пункт «д») «Директивы № 1» («Никаких других мероприятий без особого разрешения не проводить») прямо запрещает именно вводить ПП в действие!

Но, во-первых. Глянем еще раз в черновик «Директивы № 1», и там будет видно, что на самом деле хотели указать этим пунктом «д) *Эвакуация Никаких других мероприятий без особого разрешения не проводить*».

То есть сначала хотели написать нечто по началу или подготовке к эвакуации, а потом решили не загружать текст, зачеркнули это слово и указали фразу общего свойства.

Во-вторых, данная фраза, конечно, может относиться и к «Плану прикрытия», но ничего криминального в запрете вводить до нападения Германии ПП в принципе нет. Это уже политика...

Точно так же зачеркивали и другие интересные положения в тексте при написании «приказа наркомата» в кабинете Сталина в 22.00 примерно. Например, в п. «г») полностью поменяли текст, заменив его новым. А что-то убрали и «для краткости», зная, что до этого и так эти слова-указания в директивах от 11–12–18 июня есть и нечего их повторять (полный текст «черновика Директивы № 1» показан в книге «Кто проспал начало войны» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»). Или убрали «лишнее», потому что следом слали отдельные указания (убрали слова о Румынии). Но «резуны» в этом одинаковы — стоит начать обсуждать конкретные приказы и документы с фактами — плывут.

Черновик с декабря 2009 года на «Миллитере» прочитали несколько десятков посетителей, дай бог. После его публикации в книге «Кто проспал начало войны», да с учетом того, что глава о «черновике» выложена в сети на сайте «Великая оболганная война» в 2010 году еще, счет на тысячи пошел. Но «резунам»-то ведь пофиг подлинные и утвержденные документы — они предпочитают «тайные» «планы от 15 мая». Ведь СССР-Россия — «Империя зла» и, значит, агрессором однозначно была, есть и будет.

(Примечание: Разбирая в предыдущих книгах черновик «Директивы № 1», я сам допустил одну ошибку. В п. «а») зачеркнуто разрешение занимать «и полевые сооружения вдоль» границы, и я предполагал, что существующий до 18 июня запрет занимать предполья действовал и в ночь на 22 июня. Так как это также могло быть повернуто против СССР — занятие «предполий» («полевые сооружения вдоль» границы) дает Гитлеру возможность обвинить СССР в подготовке агрессии и оправдать нападение Гитлера. Однако разобраться с этим вычеркиванием «помог» М. Солонин в своей статье «Последние мирные дни» часть II. Еще несколько шагов к разгадке «тайны 22 июня». Военно-промышленный курьер № 15 от 18.04.2012 г.

Солонин показал, что 16 июня ВС КОВО, после того как получил 15 июня директиву НКО и ГШ на вывод войск 2-го

эшелона в районы сосредоточения ближе к границе, дал запрос в ГШ на разрешение занимать УРы. И Жуков на этом запросе 18 июня наложил резолюцию «черным карандашом» — «Занятие УРов разрешено, УРы по старой границе подготовить к занятию также УРовскими частями».

То есть Жуков 18 июня дал команду занимать УРы на госгранице и готовить к заполнению так называемую «Линию Сталина». То есть привести УРы в боевую готовность. И когда в том же ПриБОВО полосу обороны начали занимать приграничные дивизии 18–19 июня, то делали они это именно по приказу ГШ — Жукова, который и дал в запокруга ту самую «телеграмму ГШ от 18 июня», «особый приказ наркома» для приграничных дивизий занимать их районы обороны по ПП. А приграничные дивизии и занимают приграничную полосу — предполье, как и гарнизоны укрепрайонов.

Поэтому и вычеркнули из «Директивы № 1» фразу о полевых укреплениях в ночь на 22 июня — они-то уже должны были «по задумке» быть заняты полевыми войсками к вечеру 21 июня! Видимо, сначала вписали это, а потом, когда, скорее всего, Жуков сказал, что приказ на занятие предполой приграничными дивизиями уже отдан, то эту фразу и вычеркнули из черновика в кабинете Сталина. Увы, кроме С.М. Буденного да самого Жукова («каноническая версия») никто об этой ночи подробностей не оставил. Но черновики воспоминаний Жукова об этой ночи не опубликованы, а воспоминания Буденного семья хранит стойко.

Подробнее эту статью Солонина, видимо, стоит рассмотреть в отдельном исследовании в отдельной книге чуть позже.)

А теперь пора посмотреть, что это за такая «Гроза», которой Резун всех пугает столько лет, и что она на самом деле означает. Ведь этот сигнал пришел в западные округа только... после 18.00 22 июня!

Но сначала насчет «сигнала о нападении» на Германию «Гроза» по Журналу боевых действий Западного фронта, кусочек которого выше уже приводился:

***«ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ЗАПАДНОГО
ФРОНТА ЗА ИЮНЬ 1941 г. О ГРУППИРОВКЕ
И ПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК ФРОНТА К НАЧАЛУ ВОЙНЫ!»***

22 июня 1941 г. около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии.

Примерно в 2 часа — 2 часа 30 минут аналогичное приказание было сделано шифром армиям, частям укрепленных районов предписывалось немедленно занять укрепленные районы. По сигналу «Гроза» вводился в действие «Красный пакет», содержащий в себе план прикрытия госграницы.

[Однако] Шифровки штаба округа штабами армий были получены, как оказалось, слишком поздно, 3-я и 4-я армии успели расшифровать приказания и сделать кое-какие распоряжения, а 10-я армия расшифровала предупреждение уже после начала военных действий.

<...>

Войска подтягивались к границе в соответствии с указаниями Генерального штаба Красной Армии.

Письменных приказов и распоряжений корпусам и дивизиям не давалось.

Указания командиры дивизий получали устно от начальника штаба округа генерал-майора Климовских. Личному составу объяснялось, что они идут на большие учения. Войска брали с собой все учебное имущество (приборы, мишени и т.д.) [...]

Заместитель начальника штаба

Западного фронта

генерал-лейтенант

Маландин

Старший помощник начальника

оперативного отдела

майор

Петров

¹Журнал боевых действий войск Западного фронта составлен в августе-сентябре 1941 г., вследствие чего некоторые события и положения отдельных соединений могут оказаться приведенными не точно...»¹.

Этот журнал боевых действий Западного фронта и этот сайт тоже не вчера появились в Интернете (хотя на официальном сайте МО «Подвиг народа» данный ЖБД ЗФ выложен действительно только в 2010 году). Как видите, в журнале указали, что по отдельному «сигналу» Москвы Минском «вводился в действие «Красный пакет», содержащий в себе план прикрытия госграницы». Штаб ЗапОВО вскрывал «Красные

¹ Ф. 208, оп. 355802с, д. 1, лл. 4—10. Сайт «Боевые действия Советской армии в ВОВ».

пакеты» своим сигналом к 3.00, и это была «Гроза». И Москва также дала свой сигнал «Гроза», но он пришел позже.

Что означает сигнал «Гроза»? Резун утверждает, что по этому сигналу СССР и должен был напасть на Германию! Первым! Но это не так. Это совсем не так, и данный сигнал Москвы в принципе не имеет отношения ни к нападению на Германию и даже не совсем к... обороне как таковой. 19 июня 2011 года исследователь С. Чекунов выложил на «Миллитере» шифртелеграмму штаба ЗаОВО в Генштаб от 22 июня 1941 года (выделено и подчеркнуто мною. — О.К.):

«Шифровка № 32652/ш Из Минска

Подана 22.6.41 21.30 Принята 22.6.41 22.10

Поступила в 4 отделение 8 отдела Генштаба Красной Армии 23.6.41 04.00

Начальнику Генштаба КА

*Мобтелеграмма схеме «ГРОЗА» получена штабом округа
18.30 22.6.*

Климовских

№ м/2/122

Расшифровал 23.6.41 06.53 Рудаков

Отпечатано в 2 экземплярах

№ 1 — 8 отделение

№ 2 — Нач. Генштаба КА»¹.

Как видно из этой шифровки, приказ Генерального штаба о начале выполнения «Грозы» в Минск поступил в 18.30 22 июня. Отправили ответную шифровку из Минска в Генштаб (подтвердили получение Директивы ГШ) вообще только в 21.30 22 июня. На самом деле связисты дают подтверждение («квитанцию») сразу же, но в данном случае от командования округов требовали дополнительной телеграммы в Генштаб, чтобы быть уверенными в том, что командующие точно поняли суть данного приказа. Поступила она на узел связи ГШ (в 4-е отделение 8-го Отдела ГШ) в 4.00. И из-за загруженности Генштаба в эти часы

¹ ЦАМО, ф. 48а, оп. 3408, д. 47, л. 47 (<http://militera.b.qip.ru/?1-3-0-00001367-000-0-0-1308472534>).

ее передали на расшифровку как не самую срочную и расшифровали только в 06.53 23 июня!

Также Чекунов привел подобную шифровку по ПриБОВО:

«Шифровка № 32572/ш Из Риги

Подана 22.6.41 22.35

Принята 22.6.41 23.15

Поступила в 4 отделение 8 отдела Генштаба Красной Армии 23.6.41 00.30

Народному Комиссару Оборона

Мобилизационная телеграмма № 2206 схеме ТРЕВОГА получена штабе ПРИБОВО 22 июня 18.28. Приступлено исполнению работ по мобплану 1941 года.

№ ом/684

Сафронов, Радецкий, Гусев.

Расшифровал 23.6.41 01.30

Курдюкова

Отпечатано в 2 экземплярах

№ 1 — 8 отделение

№ 2 — НКО СССР...»

Как видите, в Минск пришла «Гроза», а в Ригу — «Тревога». То есть «Гроза» в «московском исполнении» — это не сигнал о «нападении» на Германию! И даже не сигнал о начале выполнения «Планов обороны и прикрытия» официально (на это действительно давали отдельную команду командующим около 4.00 утра еще). Это сигнал на выполнение мобилизационных планов! В округах. Которые назвать планами нападения можно только в дурном сне. Но до нападения врага тогда и нельзя было давать такие команды на выполнение подобных «Планов». Как и на вскрытие «красных пакетов».

Генштаб согласно «Планам обороны и прикрытия» должен был дать следующую команду (к примеру) на начало выполнения этих планов — «Приступить к выполнению КОВО-41». По этой команде в округах должны пройти свои приказы на выполнение своих «ПП», и согласно этим приказам командиры и вскроют свои «пакеты». Так это должно было работать в мирное время, до нападения врага (если правительство СССР примет такое решение).

В случае состоявшегося нападения врага («внезапного») в округа может быть отдана команда отдельным сигналом. Или командующие дадут такой приказ, не дожидаясь указаний из Москвы. Что, возможно, также происходило и в реальности. Но повторяю, в данном случае сигнал, имеющий наименование «Гроза», даже не о выполнении «Планов обороны». Этот сигнал запускал в действие мобилизационные планы округов!

Далее С. Чекунов пояснил:

«Название схемы — это не связь, это принцип проведения мобилизации. Всего в СССР в 1941 году было предусмотрено три варианта проведения мобилизации — открытая частичная, открытая всеобщая, скрытая. Каждому варианту присваивалось название. В случае объявления мобилизации в округ поступала телеграмма, в которой упоминалось это название.

Разберем случай ЗапОВО. В случае наличия в мобтелеграмме названия «ГРОЗА» округ проводил открытую частичную мобилизацию, в случае наличия названия «ШТУРМ», округ проводил открытую всеобщую мобилизацию (ШТУРМ был общим для всех округов), в случае наличия названия «ПУШКА» ЗапОВО проводил скрытую мобилизацию.

Вот текст Мобилизационной телеграммы, которую отправили с Центрального телеграфа 22.06.1941:

«Мобилизационная схема _____

Президиумом Верховного Совета СССР объявлена мобилизация. Первый день мобилизации 23 (двадцать третье) июня. № 2206»

Вместо прочерка при отправке в конкретный округ представляли свое название схемы. В случае с ЗапОВО отправленный текст (из Генштаба, в ответ на который Минск и отвечал указанной выше шифровкой. — О.К.) был следующий:

«Мобилизационная схема ГРОЗА

Президиумом Верховного Совета СССР объявлена мобилизация. Первый день мобилизации 23 (двадцать третье) июня. № 2206».

Данный текст означал, что на территории Западного Особого военного округа объявлялась **открытая частичная мобилизация...**

И как видно из приведенных шифровок, в разные округа шел сигнал под разными «именами». То есть сигнал «Гроза» шел только в один округ, в ЗапОВО...

«Красные пакеты» вскрываются либо по команде до начала войны (например, тот же сигнал «КОВО-41»), либо после нападения врага (и по устным командам также), и «пакеты» вскрываются автоматически после начала выполнения «Планов прикрытия». И сигнал «Гроза», который так обожают Резун, к этому никакого отношения не имеет! И то, что данный сигнал прошел только вечером 22 июня, никакой роли для подъема войск по боевой тревоге не играло. Округа дали свои команды и на выполнение «Планов прикрытия», и на вскрытие «красных пакетов», как и положено — еще утром и скорее всего по команде ГШ, то есть именно Жукова. После нападения Германии.

Повторим — «Гроза» из Москвы — это не «План нападения», а «условный сигнал», определяющий схему мобилизации в ЗапОВО, частичную мобилизацию на территории ЗапОВО» (Чекунов С.Л.). И кстати, Маландин не «ошибся» с термином «Гроза» по ЗапОВО, по которому вскрывали «красные пакеты». При всем богатстве русского языка этим кодовым словом в ЗапОВО уже по округу и давали команду армиям на вскрытие своих «пакетов».

А теперь почитаем сами воспоминания командира мехкорпуса КОВО К.К. Рокоссовского — он и описывает, как ему прошел приказ о начале войны и как он вскрывал свой «красный пакет» (на самом деле он из обычной серой бумаги, но на нем есть красная полоска). Ему при этом не Жуков звонил, а из штаба армии, в которую и входил его корпус.

Вот что пишет маршал, мемуары которого Резун либо не читал, либо считает, что их никто не читал в России.

9-й мк 5-й армии КОВО генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского входил по «Плану прикрытия» КОВО в состав резерва командующего округом и из штаба округа должен был напрямую получать приказы, но:

*«Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: **вскрыть особый секретный оперативный пакет.***

Сделать это мы имели право только по распоряжению Председателя Совнаркома СССР или Народного комиссара обороны (т.е. Сталина или Тимошенко. — О.К.). А в телефонограмме стояла подпись заместителя начальника оперативного отдела штаба. Приказав дежурному уточнить достоверность депеши в округе, в армии, в наркомате, я вызвал начальника штаба, моего заместителя по политчасти и начальника особого отдела, чтобы посоветоваться, как поступить в данном случае.

Вскоре дежурный доложил, что связь нарушена. Не отвечают ни Москва, ни Киев, ни Луцк.

Пришлось взять на себя ответственность и вскрыть пакет...»¹.

Могу пояснить еще раз — Рокоссовского в этой ситуации «смутило» не столько то, что нет «подписи» Сталина под этим приказом или что ему не из штаба округа (хотя бы) позвонили, а то, что его «подписал» офицер, не имеющий на это право.

Дело в том, что подобные приказы передают оперативные дежурные по армии. И в телефонограмме должна быть указана «подпись» (или стоять ссылка) на лицо не ниже тех, кого указал Рокоссовский, мол, *«вскрыть особый секретный оперативный пакет»*, и далее должно быть указано — «на основании директивы НКО и ГШ (или СНК) такой-то». А в 9-й мк телефонограмму «подписал» всего лишь заместитель начальника оперотдела штаба армии — лицо, имеющее право на передачу таких команд, но не имеющее права их «подписывать» (передавать от своего имени)! И Рокоссовский и пытался это сообщение перепроверить, когда пытался дозвониться до других — пытался выяснить в округе или в Москве подробности. Кстати, похоже, немногие понимают, что телефонограмма — это не более чем надиктованный текст приказа по телефону и тот, кто его передает-диктует и сообщает, кем подписан данный приказ-телефонограмма. И в данном случае Рокоссовскому передал его «дежурный офицер» не более чем записанный в рабочей тетради дежурного текст приказа из штаба армии, в котором и было указано, кто передал этот приказ и кто его «подписал». Фамилия этого заместителя начальника

¹ Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1969.

оперативного отдела 5-й армии — Владимирский. Кстати, он написал одни из самых интересных мемуаров об этих днях — Владимирский А.В. «На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне—сентябре 1941 г.»¹.

Правда, при этом сам Владимирский так об этом написал: «Командующий армией, ознакомившись с содержанием директивы, сам лично в начале четвертого часа по телефону приказал командирам корпусов поднять войска по тревоге, повторив при этом требование директивы НКО «не поддаваться ни на какие провокации», что было понято некоторыми командирами соединений как предостережение — не давать немцам повода для раздувания спровоцированных ими приграничных конфликтов в войну».

То есть командарм-5 Потапов после 3 часов утра якобы сам звонил во все корпуса, однако Рокоссовский принял звонок-телефонограмму от Владимирского, которую тот и передал «от себя», а не со ссылкой на уже поступившую в штаб армии «Директиву № 1», подписанную наркомом и начГШ.

Также, видимо, Резун не читал сроду такой «доклад генерала Борзилова», очень известный среди историков (из доклада командира 7-й танковой дивизии 6-го мк 10-й армии ЗапОВО генерал-майора танковых войск С.В. Борзилова в ГАБТУ от 4.08.1941 г.):

«22 июня в 2 часа был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета». Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога, и в 4 ч. 30 мин. части дивизии сосредоточились на сборном пункте по боевой тревоге...»²

Заметьте, Павлов команду «действовать по-боевому» дал в приказе только после нападения, но он уже после разговора с Тимошенко около 1.00 по телефону обзвонил армии и дал им такую же примерно «команду»... устно. При этом Павлов дозвонился до Белостока, в 10-ю армию, и там уже в 2.00 поднимали дивизии по *«боевой тревоге со вскрытием «красного пакета»*. Но после того как Павлов дозво-

¹ М.: Воениздат, 1989.

² ВИЖ, 1988, № 11, с. 34.

нился после 1.00 до Коробкова, командующего 4-й армией, прикрывавшей Брест, и также ему поставил задачу приводить войска «в боевое состояние», то в Бресте от Коробкова своих «делегатов» дождались только к 3.30 примерно... а саму «Директиву № 1» — аж около 5.30 часов утра. В итоге в Бресте личный состав спал в казармах, и будили их немецкие снаряды и бомбы. Хотя Коробков доложил Павлову, что дивизии в 1.30 у него *«готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить»*. На что Павлов дает команду Коробкову выводить дивизии из города немедленно. А в 3.45 Коробков бодро докладывает Павлову, что дивизии всюю выводятся из Бреста. Смотрим протокол допроса Павлова от 7 июля 1941 года:

**«№ 630. ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
АРЕСТОВАННОГО ПАВЛОВА Д.Г.**

7 июля 1941 г. Допрос начат в 1 час 30 мин.

<...>

В час ночи 22 июня с.г. по приказу народного комиссара обороны я был вызван в штаб фронта.

<...>

На мой доклад народный комиссар ответил: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь и случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». На этом разговор закончился.

Согласно указанию наркома я немедленно вызвал к аппарату ВЧ всех командующих армий, приказав им явиться в штаб армии вместе с начальниками штабов и оперативных отделов. Мною также было предложено командующим привести войска в боевое состояние и занять все сооружения боевого типа и даже недоделанные железобетонные.

На это мое распоряжение Кузнецов ответил, что согласно ранее мною данным указаний, патроны войскам он раздал и в настоящее время приступает к занятию сооружений. (То есть в 3-й армии ЗапОВО в 1.20 примерно войска уже всюю занимали «сооружения»?! — О.К.).

Командующий 10-й армии Голубев доложил, что у него штабы корпусов после военной игры оставлены для руковод-

ства войсками на том месте, где им положено быть по плану. Я предупредил Голубева, чтобы он войска держал в полной боевой готовности и ждал моих дальнейших распоряжений (в 10-й армии действительно поднимали дивизии по тревоге в 2.00, сразу после звонка Павлова. — О.К.).

Коробков, командующий 4-й армией, доложил, что у него войска готовы к бою. Боеготовность Брестского гарнизона он обещал проверить. На это я Коробкову указал, что гарнизон должен быть на том месте, где ему положено по плану, и предложил приступить к выполнению моего приказа немедленно.

Явившиеся ко мне в штаб округа командующий ВВС округа Копец и его заместитель Таюрский доложили мне, что авиация приведена в боевую готовность полностью и рассредоточена на аэродромах в соответствии с приказом НКО (Копец и Таюрский врут, что авиация и приведена в боевую готовность, и рассредоточена на 1.30–1.45 22 июня по приказу наркома Тимошенко. Приказ о приведении в б.г. ВВС был 20 июня, а 21-го Копец его отменил и дал команду распустить летчиков по домам. — О.К.).

Этот разговор с командующими армий происходил примерно около двух часов ночи.

В 3 часа 30 мин. народный комиссар обороны позвонил ко мне по телефону снова и спросил — что нового? Я ему ответил, что сейчас нового ничего нет, связь с армиями у меня налажена и соответствующие указания командующим даны.

<...>

В течение дальнейших 15 минут я получил от командующих следующую информацию:

От командующего 10-й армией — «все спокойно»; от 4-й армии — «всюду и все спокойно, войска выполняют поставленную вами задачу». На мой вопрос, выходит ли 22-я танковая дивизия из Бреста, получил ответ: «Да, выходит, как и другие части»¹.

То есть в 3.45 примерно Коробков докладывает Павлову, что дивизии из Бреста выводятся. А это значит, что подняли их вроде как сразу после первого звонка Павлова, еще в 1.20–1.30. Однако на самом деле Брест в 4.00 будили не приказы Коробкова, а снаряды танковых пушек Гудериана...

¹ 1941 год. Т. 2. М., 1998.

Но тот же Сандалов в своих мемуарах выгораживает Коробкова и, показывая, что около 1.30 связь с Минском была, утверждает, что Павлов Коробкову приказов на вывод этих дивизий из Бреста устно по телефону не давал. Наоборот — запрещал выводить именно в это время! Точно так же и Коробков на суде заявлял, что Павлов приказов о выводе дивизий не давал до 3.30–4.00:

«4. Подсудимый Коробков. Предъявленное мне обвинение понятно. Виновным себя не признаю. Я могу признать себя виновным только лишь в том, что не мог определить точного начала военных действий. Приказ народного комиссара обороны мы получили в 4.00, когда противник начал нас бомбить.<...>

Председательствующий. Подсудимый Павлов на предварительном следствии дал о вас такие показания:

«Предательской деятельностью считаю действия начальника штаба Сандалова и командующего 4-й армией Коробкова. На их участке совершила прорыв и дошла до Рогачева основная мехгруппа противника и в таких быстрых темпах только потому, что командование не выполнило моих приказов о заблаговременном выводе частей из Бреста» (л. д. 62, т. 1).

Подсудимый. Приказ о выводе частей из Бреста никем не отдавался. Я лично такого приказа не видел».

У «председательствующего» ума не хватило, а Коробков это использовал — не поднят был вопрос о том, получал ли Коробков от Павлова команду «действовать по-боевому» около 1.30 и что им, Коробковым, было сделано для вывода дивизий из Бреста. И что вообще сделал Коробков, чтобы поднять по боевой тревоге около 2.00 дивизии в Бресте, как это сделали в той же 10-й армии в Белостоке.

Сандалов в своей книге пишет, что в 1.30 Павлов не решает выводить дивизии из Бреста, но это вранье Сандалова. Ведь он несет такую же ответственность за этот невывод дивизий, как и Коробков. Но в его положении проще валить на Павлова, «как на мертвого», чем признать, что Коробков действительно занимался саботажем, ожидая письменного приказа от Павлова.

Сандалов в данном случае не более чем подельник Коробкова, который чудом избежал стенки.

Командиры 10-й армии вскрывали «красные пакеты» после получения (от «непонятно кого») паролей (сигналов-команд) в 2.00 ночи 22 июня. И, возможно, это было не только по приказу от Павлова. Дело в том, что по своей линии оповещением занимались и члены военных советов армий, которые узнавали о появлении «Директивы № 1» от своего начальника — Л. Мехлиса... около полуночи. Однако в 3.45 дивизии в Бресте не только не выводились, но и не были подняты по тревоге и даже не были разбужены — читайте мемуары начштаба 4-й армии генерала Сандалова...

* * *

«Над приказом генерала Павлова «действовать по-боевому» нас приучили зубоскалить: дурачок отдал приказ, который каждый мог трактовать как угодно. Но мы над Павловым смеяться не будем. Павлов проявил инициативу. Павлов, нарушив указания и директивы Жукова, приказал на провокации поддаваться! Генерал армии Павлов Дмитрий Григорьевич, не имея на то полномочий, не зная, что Германия объявила войну Советскому Союзу, по существу самостоятельно объявил войну Германии. В своем приказе командующий Западным фронтом генерал армии Павлов сказал главное: это война! Войните, кто как знает. Я РАЗРЕШАЮ ВОЕВАТЬ!»

* * *

Судя по тому, что Резун знает об этом приказе Павлова, то, похоже, и документы тех дней почитывает. Так что, похоже, это он и «зубоскалит»... над читателем. Никакой «инициативы» Павлов не проявлял. Он в 1.30 примерно еще дал команду армиям «приводить войска в боевое состояние». В Белостоке в 10-й армии поняли, как надо, и в 2.00 ночи подняли дивизии по боевой тревоге. А вот дивизии Бреста Коробков, командующий 4-й армией, не поднимал до 3.45. Их «подняли» снаряды и бомбы немцев в 4.00. Приказ «действовать по-боевому» от Павлова в 4-й армии получили вообще в 6.00 утра (подписан приказ в 5.25 еще).

Далее у Резуна вообще набор глупостей, рассчитанный на то, что читающий не шибко разбирается в истории вопроса.

«Что он еще мог приказать? Наступать? Но может быть, остальные фронты отступают. Отступать? Но может быть, остальные фронты обороняются. Не зная обстановки на других фронтах и не имея указаний Москвы, Павлов просто разрешил своим войскам воевать, не указывая конкретно, кому и что делать.

Можно сколько угодно смеяться над Павловым и его приказом, но давайте помнить, что гениальный Жуков сидел в Москве, знал, что война началась, но вообще никаких приказов не отдавал. Последнее, что от него слышали: НЕ ПОДДАВАТЬСЯ НА ПРОВОКАЦИИ!»

Начальник Генштаба Жуков не слал утром 22 июня в западные округа своих приказов, потому что это делал нарком обороны Тимошенко, и устно, по телефону в том числе (тогда вообще много команд прошло именно устно). А «Директива № 1», над которой ёрничают Резун — «не поддаваться на провокации», писалась вообще-то в кабинете Сталина. И Жуков ее всего лишь подписал после Тимошенко, наркома обороны. И командиры дивизий на границе если сомневались в странностях указаний павловых, то только в двух округах — в ЗапОВО и в ПриОВО, где действительно не удосужились сообщить в дивизии «разъяснения» по «приказу наркома обороны» (так Павлов обозвал «Директиву № 1»).

Павлов дал команду в армии «привести войска в боевое состояние», в 1.30 примерно сообщил, что «разъяснения» даст «позже», а в Прибалтике командиры звонили за разъяснениями в штаб округа, в Ригу, сразу как получали «Директиву № 1», сразу после 2.30, в штаб округа. Потому что Ф.И. Кузнецов вообще никаких разъяснений в части не дал — за него начштаба Кленов выдал текст «приказа наркомата» в своей интерпретации, и не более того.

Эту директиву передали из полевого управления, но командиры звонили в Ригу, а в Риге заместители генерала армии Ф.И. Кузнецова понятия не имели, о какой такой

директиве идет речь и где находится сам Кузнецов («Директива № 1» поступила из Москвы сразу в полевое управление, но в Ригу уже Кленов «забыл» сообщить о ней).

* * *

«Представьте себя командиром дивизии на самой границе. Есть два указания. Одно от Жукова не реагировать на действия германской армии, которая давит гусеницами ваших солдат, засыпает их снарядами и бомбами. Другое указание от Павлова: действовать по-боевому! Какое из этих указаний вы, командир дивизии, считаете преступным? Автора-мерзавца какого из этих указаний вы бы пристрелили как бешеного пса?»

* * *

Вот интересно, Резун правда недалек умом, как подзревают многие, или, так сказать, придушивается?

«Директива № 1» написана только для командования округов, а не для командиров дивизий: «Военным Советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО Копия Народному Комиссару Военно-Морского Флота».

В ней сообщается:

«1. В течение 22–23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, Приб. ОВО, Зап. ОВО, КОВО, Од. ОВО. Нападение немцев может начаться с провокационных действий» и требуется: «2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников».

А потом идет приказ для войск этих округов, точнее дается общее указание:

«а) в течение ночи на 22 июня 1941 года скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированы;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов».

После чего и дается некое ограничение: «д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков. 21 июня 1941 года».

И уже павловы на местах и должны давать комдивам свои приказы на основании этой директивы.

Но что, собственно, хочет Резун от Директивы, написанной еще в мирное время? Он переживает, что якобы есть приказ *«от Жукова не реагировать на действия германской армии, которая давит гусеницами ваших солдат, засыпает их снарядами и бомбами»*. Но вообще-то война еще не началась в тот момент, когда Сталин утвердил, а нарком обороны Тимошенко, а потом уже начальник Генштаба Жуков около 22.20 21 июня подписали данную директиву. И в это время враг еще не *«давит гусеницами ваших солдат»* и не *«засыпает их снарядами и бомбами»*. В ней вроде нет разъясняющего пункта о применении оружия, но 18 июня уже дали указание: *«Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу»*. Что было совершенно правильно.

Это директива-предупреждение о вероятном нападении в пока еще вероятные дни: *«В течение 22–23 июня 1941 года возможно внезапное нападение немцев»*. И она всего лишь требует быть готовым к этому возможному нападению. После получения которой павловы и должны были действовать, как генерал Захаров в Одесском ВО — поднимать войска по боевой тревоге и приводить их в полную боевую готовность. На что по тогдашним нормативам требовалось пара часов (тем более если войска находятся уже не в казармах). Не более, но и не менее. Тем более что Жуков и обзванивал после полуночи округа и разъяснял, что надо делать по этой директиве, устно. Однако тот же Павлов, посылая «Директиву № 1» по округу, умудрился пункт о приведении ПВО в боевую готовность вообще выкинуть...

Он указал так, совместив пункты «в)» и «г)» московской директивы:

«в) все части привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

г) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»¹.

Кстати, в ВИЖ указали точное время прихода данного «приказа народного комиссара обороны» в Минск и время отправки его в армии ЗапОВО: «(ЦА МО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69. Машинопись. Имеются пометы: «Поступил в штаб Западного Особого военного округа 22 июня 1941 г. в 00–45», «Отправлен в войска 22 июня 1941 г. в 02–25 — 02–35». Подлинник.)»

Павлов выкинул упоминание о ПВО (а что о ней вспоминать, если она почти вся собрана под Минском на полигоне), а вот в ПриОВО для ПВО отдельный пункт посвятили:

«8. Средства и силы противовоздушной обороны привести в боевую готовность номер один, подготовив полное затемнение городов и объектов». «Готовность № 1» для ПВО — полная боевая готовность. Правда, в ПриОВО свое отчебучили — выкинули пункт о рассредоточении и маскировке авиации. Но подробнее об этом — в других книгах-исследованиях.

Кстати, есть категория исследователей или просто любопытных, которые уверены, Павлов что получил, то и продублировал в свои армии. Мол, в директиве, что ушла из ГШ, и были совмещены эти два пункта. Таким показываешь — есть уже черновик «Директивы № 1», и он до запятой совпадает с текстом, что приводит маршал Захаров, который указал, что именно это он и получил в ОдВО около 1.15 22 июня. А ГШ не мог отправлять в разные округа разные тексты. Это просто по времени не получилось бы — изготовление для разных округов разных текстов директив заняло бы много времени. Как уверяет Жуков и прочие мемуаристы, а за ними пишут это и практически все историки

¹ См. ВИЖ 1989, № 5. Документы первых дней войны, с. 44. Или «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Генеральный штаб. Военно-научное управление. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны». Вып. 35, с. 13. 1958 г. М.: Воениздат, 1947–1960 гг. — все есть в Интернете.

«по 22 июня», эту директиву отправили во все округа уже к 0.30. Но мы сегодня точно, по минутам можем вычислить время по отправке этой директивы:

- к шифровальщикам директива поступила в черновике и на бланке шифрблокнота, куда ее переписал Жуков под диктовку Тимошенко, в 23.45;

- там в 23.50, скорее всего, с черновика машинистка перепечатала два экземпляра директивы для наркома ВМФ Кузнецову и для штаба Резервных армий Покровскому;

- шифровальщику требуется на зашифровку такого текста до получаса — итого, к связистам зашифрованный текст должны были отдать в «соседний» кабинет уже к 0.15, что подтверждается мемуарами того же Василевского;

- связист-оператор потратит на отправку такого текста примерно минут 5—7 максимум, после чего он должен дожждаться «квитанции», ответного подтверждения, что на другом конце шифровка принята;

- сегодня точно известно, что в КОВО «Директиву № 1» принимали в 0.25, в ЗапОВО в 0.45, в ПриБОВО около 1 часа ночи и в ОдВО около 1.15 примерно, а это значит, что шифровка была одна и ее отправляли по очереди на разные округа-направления разными аппаратами (отправляли также и в Ленинградский ВО, но с ним время отправки не так важно — примерно в эти же минуты и отправили и, возможно, даже раньше всех — в 0.15 уже).

Если бы были на каждый округ разные шифровки (с разными текстами или одним и тем же — неважно), то по времени их отправили бы во все пять округов практически одновременно. Но если бы отправляли в каждый округ свои шифровки, то сначала потратили бы время на написание в бланк шифрблокнота отдельного текста на каждый округ (а это пять округов, и на каждый текст надо время на такое переписывание), а затем пять шифровальщиков делали бы шифровки по этим текстам. Попробуйте сами — сколько времени вы потратите, переписывая хотя бы под диктовку текст «Директивы № 1» — думаю, за пять минут не управитесь. Сложно представить, что Жуков под диктовку наркома пять раз переписывал бы текст в шифрблокноты, меняя для каждого округа тексты — он до утра

валандался бы. И так же сложно представить, чтобы пять текстов переписывал бы кто у шифровальщиков, да еще и с разными текстами — это тем более просто дурость.

Также есть правила работы с шифровками, по которым никто не имеет права писать в бланк шифрблочнота для шифровальщика текст, отличный от текста черновика. То есть текст в черновике и текст, записанный в шифрблочнот, должны быть полностью идентичны. Вплоть до последней запятой.

Ну и также есть «Докладная записка членов комиссии НКГБ СССР наркому госбезопасности СССР о результатах проверки охраны помещений и хранения военно-оперативных документов в Генштабе РККА» от 30 июня 1941 года, в которой по проверке Шифровального отдела Оперуправления ГШ указано: «Что касается восьмого (шифровального) отдела Оперативного управления, то там существенных недостатков в обработке, прохождении, учете и хранении шифровальных военно-оперативных телеграмм не обнаружено, за исключением того, что отделом иногда принимались для обработки тексты шифртелеграмм, написанные не от руки исполнителем, а отпечатанные в нескольких экземплярах в машинописном бюро»¹.

Проверка проводилась по указанию Берии его подчиненным («зам. начальника 1-го отдела НКГБ Шадриным, пом. начальника 3-го Управления НКО Москаленко и начальником 5-го отдела НКГБ Копытцевым»), который не мог ее провести в Генштабе без указания Сталина. И, как видите, нарушений они при работе с шифровками не выявили. А расхождение в тексте шифровки и в тексте черновика — не просто «нарушение». За это и расстрелять могут...

* * *

«Чем же в эти минуты и часы занят наш великий стратег Жуков?»

Он пишет директиву с указаниями, что войскам надлежит делать. И это позор.

¹ Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т.2. Книга первая (22.06.1941 — 31.08.1941) Ч. 2. М., 2000. Есть в Интернете.

Инструктировать командующих военными округами и армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад и полков надо было до войны. А в момент ее начала надо только передать исполнителям «петушиное слово». В любом подразделении, части, соединении действия в чрезвычайных обстоятельствах всегда отрабатываются заранее. Когда чрезвычайная ситуация возникла, командир отдает совсем короткие приказы: «В ружье!», «К бою!» А уж каждый знать обязан, что ему надлежит делать. Так принято везде, на всех уровнях, от взвода начиная. Но только не у Жукова».

* * *

Похоже, Резун и поднаторел именно в «петушиных словах» — прокукарекал, а там трава не расти...

Выше уже приводился журнал боевых действий Западного округа, которым командовал Павлов, и в нем прекрасно видно, что от командующих западными округами требовалось этой директивой НКО и ГШ «№ 1» на самом деле (потом Павлов на суде «каялся», что «неправильно понял» директиву наркома):

«22 июня 1941 г. Около часа ночи из Москвы была получена шифровка с приказанием о немедленном приведении войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии».

То есть пришедшая в западные округа «шифровка», «Директива № 1», требовала именно этого — **немедленного приведения «войск в боевую готовность на случай ожидающегося с утра нападения Германии»**. Не более, но и не менее. И в этой ситуации в боевую готовность войска приводят простым достаточно способом — объявляют боевую тревогу во всех гарнизонах, как это делал начштаба ОдВО генерал-майор Захаров. По телефону.

И после приведения в боевую готовность командиры уже без Жукова должны знать (из «красных пакетов»), что им делать дальше — наступать, обороняться или сдаваться. Но это «знание» идет не от начальника Генштаба, а от командования округов.

«Директива № 1» — это еще и политический документ, по которому никто не может обвинить СССР в агрессии.

А вот «петушинные» вопли по Резуну — «В ружье!», «К бою!», прокукареканные до нападения Германии, — и могли бы быть расценены как признак агрессии. Привести в боевую готовность и поднять по боевой тревоге (но самой тревоги не объявлять — как указывалось в том же ПриБОВО для танковой дивизии Черняховского, например) — это одно. А вот вопить «В ружье!», «К бою!», пока на вас никто не напал еще, — это совершенно другое...

А вот потом, после того как враг нападет, и можно сочинять приказы и директивы о дальнейших действиях наших войск в западных округах.

«Зачем Жуков пишет директиву? Ведь каждый советский командир уже держит в руках «красный пакет», не смея его распечатать. Нужно только дать разрешение. Но Жуков разрешения не дает. Он сочиняет новые инструкции. 1 января 1941 года он бросил взгляд на карту и тут же предвосхитил германский план войны. Потом почти полгода он составлял какие-то планы, которые в случае нападения противника использовать нельзя. И вот 22 июня нанесен внезапный удар, и великий стратег решил написать директиву войскам. Он решил объяснить командующим фронтами и армиями, что же им надлежит делать в случае нападения, которое уже произошло.

В своей книге Жуков сообщает: «В 7 часов 15 минут 22 июня директива наркома обороны № 2 была передана в округа. Но по соотношению сил и сложившейся обстановке она оказалась явно нереальной, а потому и не была претворена в жизнь» (Воспоминания и размышления. С. 248).

Можно было написать: директива № 2. Но Жуков уточняет: директива наркома обороны № 2. Этим жестом Жуков снимает с себя ответственность и вежливо перекладывает ее на наркома обороны Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Но каждый знает, что любая директива наркома готовится начальником Генерального штаба. В данном случае директива не только подписана Жуковым, но и написана его собственной рукой.

Удивляет и то, что текст самого первого документа войны, который к тому же был написан собственной рукой великого стратега, почему-то в мемуарах Жукова не приводится. Мы только узнаем, что директива эта была нереальной и невыполнимой, т. е. дурацкой».

* * *

Можно, конечно, поиздеваться над безграмотностью Резуна — ведь директивы наркома могут готовить не только в ГШ, но и в других управлениях НКО. И даже в других силовых структурах — например, совместная с НКВД или НКВМФ. Но не станем. Лучше скажем, что к 7.00 «красные пакеты» в западных округах уже распечатывали, как и положено, и, скорее всего, именно по указанию Жукова. Но здесь подробнее рассмотрим текст «Директивы № 2» и сами разберемся в сути документа. Берем ее все из того же сборника документов А. Яковлева, «рупора перестройки», из «малиновки»:

**«№ 607. ДИРЕКТИВА ВОЕННЫМ СОВЕТАМ
ЛВО, ПРИБОВО, ЗАНОВО, КОВО, ОДВО,
КОПИЯ НАРОДНОМУ КОМИССАРУ
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА (СССР)**

№ 2 22 июня 1941 г. 7 ч. 15 мин.

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО

МАЛЕНКОВ

ЖУКОВ

ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Лл. 1, 2. Машинопись, незаверенная копия.

«Невыполнимой» и «дурацкой» она стала после 7.15 только потому, что павловы (во всех округах, кроме одного — ОдВО) утром 22 июня, не перегнав ночью самолеты (как требовала «Директива № 1») на полевые (оперативные) аэродромы, подставили под уничтожение почти всю истребительную авиацию своих округов, и к этому времени ее почти не существовало практически. При этом время 7.15 — это время подписания данной Директивы в Москве Тимошенко, Жуковым и Маленковым. С учетом времени на зашифровку отправка ее из ГШ состоялась около 8.00, а то и после 8.00. Пока ее расшифровали да среагировали окружными приказами, было уже «после 9.00», т.е. в армиях данную директиву получали дай бог к 10.00. А к этому времени основная масса самолетов западных округов догорала на стационарных приграничных аэродромах...(в той же 10-й Армии ЗапОВО в это время только «Директиву № 1» принимали...)

Войска западных округов не могли *«всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу»*, так как павловы не удосужились сначала повысить боевую готовность своих войск перед 22 июня, а в ночь на 22 июня не удосужились поднять их по тревоге до нападения врага в том же Бресте. Есть ли вина в этом Жукова? Конечно, есть. Но не такая, как навязывает читателю Резун.

Кстати, очень часто (и не только «резуны») заявляют, что данная «Директива № 2» запрещала нашим войскам переходить границу. Как видите, ничего подобного в этом

варианте «от Яковлева» нет. Но в Интернете можно найти и «черновик Директивы № 2», в котором данный пункт выглядит так:

«1) Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили Советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить».

Как видите — тут «запрет» есть. На сайте «Подвиг народа» в 2011 году выложен такой документ по ПриБОВО (сохранены все знаки препинания, выделено мною. — О.К.):

«НАЧАЛЬНИКАМ ШТАБОВ И ОКРУЖНЫХ УПРАВЛЕНИЙ.

Передаю директиву Главного Военного Совета № 2 от 22.6. 41 г. 7.15

«22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация, без всякого повода, совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские войска и уничтожить их. В районах, где не нарушали Советскую границу, впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить».

Подписали директиву НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СССР МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. ТИМОШЕНКО, тов. МАЛЕНКОВ и НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА — ГЕНЕРАЛ АРМИИ тов. ЖУКОВ

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ ОКРУГА ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (Ф. КУЗНЕЦОВ)

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ОКРУГА КОРПУСНОЙ КОМИССАР (ДИБРОВА)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОКРУГА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (П. КЛЕНОВ)

отпечатано 20 экз. и разослано по списку 22.6.41 года, вб.»¹.

¹ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 2, л. 2.

Как видите, тут фраза «о границе» выглядит несколько иначе и, кстати, вполне разумной на тот момент. И совершенно как продолжение указания ГШ от 18 июня: *«Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу»*.

То есть там, где враг границу переходил, и «мочить» можно и нужно, и можно преследовать, добивая. А вот там, где враг границу к утру 22 июня так и не пересек, — нечего самим начинать пальбу по той стороне! Ведь на границе с той же Венгрией или Финляндией и даже Румынией утром 22 июня перехода массированного границы немецкими войсками еще не было. Впрочем, точный текст «Директивы № 2», что была отправлена в округа из ГШ, можно узнать, только если опубликовать саму шифровку, которую и отправляли в западные округа утром 22 июня. Ведь в ПрибОВО и ее урезали, опять убрав положения пункта «2)» о действиях авиации. А ведь Кенигсберг и Мемель находятся в полосе ответственности именно ПрибОВО. Но сами шифровки архива 8-го Управления ГШ так просто не рассекречивают...

* * *

«Нам постоянно напоминают, что «печатать личности Жукова, его полководческого таланта лежит на ходе и исходе важнейших стратегических операций Советских Вооруженных Сил». Вот это верно. Печать личности Жукова и его великого полководческого таланта лежит на разгроме Красной Армии в июне 1941 года. И эта печать несмываема».

* * *

Это точно — после «резунов» сложно отмываться... Такого нагородят в своем стремлении «вылить самосвалы блевотины» на СССР, что целым институтам не разгрести и не отмывать эту «блевотину». Чтобы разобрать (не сильно углубляясь в документы и мемуары, которые опровергают начисто Резуна) одну только главу из его книги, пришлось написать втрое больше. Вот поэтому и не занимаются серьезно разбором перлов Резуна настоящие историки — это ж надо каждое его слово разбирать.

Но для того чтобы показать вранье Резуна, достаточно знаний простого любителя истории, уважающего свою страну и ее тогдашнее руководство. Понимающего, где действительно виноват тот же Жуков, а где Резун просто вываливает на маршала свою «блевотину»...

Надеюсь, теперь понятно, почему никто не спешит «опровергать» творчество В. Резуна? Ведь чтобы разобрать только небольшой текст «лондонского сидельца», пришлось столько информации выложить в виде комментариев. В каждой фразе у Резуна либо вранье, либо безграмотность, либо передерг. Но вы думаете, Резун не знает того, что я, простой обыватель («любитель и дилетант»), здесь показал?! Прекрасно знает. Однако он так и будет все это писать и дальше. Так что — «никто и никогда не опровергнет В. Суворова». И не стоит... В конце концов кому нужен этот «индеец Джо»... Тем более что В. Резуну умудряются «подгадить» его же сторонники и поклонники, когда начинают делать то, что сам Резун сроду не делал и делать не станет — лезут в предвоенные документы.

Часть 3

Как В. Резуну подгадил М. Солонин

В апреле 2012 года в «Военно-промышленном курьере» (ВПК № 13 от 4.04.2012 г.), который часто публикует статьи М. Солонина, была напечатана статья Солонина: «Последние мирные дни — часть I. Еще несколько шагов к разгадке «тайны 22 июня», в которой было такое (все выделено мною — О.К.):

«Сбивать или не сбивать?

Одним из самых распространенных и живучих является миф о немецких самолетах-разведчиках, которые накануне войны безнаказанно летали над советской территорией, всю систему базирования советской авиации (да и не только авиации) досконально выявили, а сбивать облаглевших от безнаказанности фрицев нашим соколам-летчикам не разрешали. А еще, бывало, не выдержит душа у какого летчика, бросится он к своему верному И-16, поднимется в небо да и свалит меткой очередью фашистского стервятника. Так вот, после посадки героя этого хватают «особи-

сты» и волокут в расстрельный подвал — не провоцируй, мол, немцев, не нарушай «приказ Сталина, который хотел оттянуть войну».

Есть еще подвариант этого мифа — пресловутый приказ, запрещающий сбивать нарушителей, отдал не Сталин (Сталина подло обманули), а кровавый сатрап Берия...

(Примечание: Берия действительно отдавал приказ с запретом сбивать самолеты-нарушители. Приказ для пограничников. — О.К.)

В подлинных документах история эта выглядит по-другому. Не так красочно.

«Доношу о нарушении госграницы германскими самолетами 25 мая сего года.

1) В 11–23 в районе поста ВНОС 2063 Велиново, 40 км юго-западнее г. Бельск (то есть 5–7 км от линии границы того времени. — М. С.) один самолет тип До-17 на большой высоте [пересек границу] и прошел над пунктами (следует перечень хуторов и местечек. — М. С.) и в районе Следяново в 11–51 ушел на свою территорию. При нарушении производилось оповещение аэродромов Бельск (в 11–23), Тарново (в 11–23), Белосток (11–41). Вылет нашей авиации произведен с аэродрома Бельск (в 11–26), Тарново (в 11–26) и Белосток (в 11–43). Самолет нашей авиацией обнаружен не был.

2) Один самолет тип До-17 на высоте Н=1000 м пересек границу и находился над нашей территорией 2 минуты.

3) В 13–05 один самолет 2-моторный, неустановленного типа, на высоте Н=7000 м нарушил госграницу в районе Домачево (южнее г. Брест), прошел по курсу 360 град. до Бреста, повернул на 180 град. и в 13–37 ушел на свою территорию в районе Приборово (южнее Домачево 10 км). При нарушении произведено оповещение аэродрома Брест в 13–06. Вылет нашей авиации произведен с аэродрома Брест в 13–08. Самолет нашей авиацией обнаружен не был».

Это — текст телеграммы, отправленной 26 мая 1941 года начальником штаба Западного ОВО генерал-майором Климовских начальнику Генштаба Красной армии генералу армии Жукову.

Вот еще одна телеграмма, подписана Военным советом Западного ОВО в полном составе:

«Заместителю предсовнаркома тов. Молотову.

Наркому обороны тов. Тимошенко.

По донесению командира 10 САД (дивизия базировалась в полосе Брест, Кобрин, Пинск. — М. С.) полковника Белова в 19–30 26 мая самолет Ме-110 в районе Семятыче (приграничный поселок в 60 км северо-западнее Бреста. — М. С.) на высоте $H=8500$ м нарушил госграницу. Вылетевший на перехват нарушителя капитан Савченко, командир эскадрильи 123 ИАП, на самолете И-153 на высоте $H=8600$ м эволюциями потребовал от экипажа Ме-110 следовать на наш аэродром. Нарушитель открыл заградительный огонь. В свою очередь капитан Савченко открыл ответный огонь. Нарушитель с большой скоростью ушел на свою территорию. Капитан Савченко произвел посадку благополучно на аэродроме Лыщицы. Повреждений на нашем самолете нет. Для детального расследования на месте в 4–00 27 мая вылетел зам. начальника штаба 10 САД майор Тимченко. Результат донесу.

Одновременно докладываю, что 25 и 26 мая немецкие самолеты подозрительно часто, в ясную погоду, теряли ориентировку и залетали на большой высоте на нашу территорию, следуя вдоль границы на незначительном удалении (3–10 км), а один самолет 25 мая прорвался до н. п. Боюки (10 км юго-западнее Бельск). С подъемом наших самолетов нарушители сразу уходят на свою территорию.

Павлов, Фоминых, Климовских».

30 мая. Телеграмма, подписанная Ватутиным, летит из Москвы в штаб Ленинградского ВО:

«Шифротелеграммой № 40/оп от 30 мая начальник штаба ЛВО [генерал-майор] Никишев донес о нарушении госграницы финским самолетом. Из донесения видно, что ни истребительная авиация, ни зенитная артиллерия не имели попытки противодействовать нарушителю. Нарком обороны приказал:

1) Повысить готовность истребительной авиации и зенитных средств. Нарушителей границы уничтожать, не допуская нарушения границы нашими самолетами.

2) Донести через Генштаб — почему не вылетели истребители 29.5 для уничтожения нарушителя».

(Примечание: М. Солонин, видимо, забыл указать, что если подобная телеграмма с приказом «Нарушителей границы унич-

тожать» идет в один приграничный округ, то с вероятностью в 99,9% такая же ушла и в другие приграничные и тем более западные округа. — О.К.)

6 июня. Начальник Оперативного отдела штаба Западного ОВО генерал-майор Семенов докладывает начальнику Генштаба Жукову:

«6 июня сего года по донесению пограничного поста № 2087 Студенично в 13–05 в районе Августов была нарушена госграница германским самолетом типа разведчика на H=2000. Самолет находился над нашей территорией до 13–11 и в пункте Студенично (10 км северо-восточнее Августов) ушел на свою территорию. При нарушении производилось оповещение аэродрома Новый Двор (42 км от Августова. — М. С.) в 13–05, взлет был в 13–06. Германский самолет обнаружен северо-западнее пункта Грузки. Посадить самолет не удалось ввиду перехода последнего на свою территорию».

9 июня 1941 года. Начальник штаба Одесского ВО генерал-майор Захаров шлет телеграмму в Генштаб. Ситуация стандартная: в 12–00 самолет-нарушитель пересек границу, в 12–26 ушел обратно на румынскую территорию. *«В 12–04 с площадки Куза-Вода (2 км севернее Этулия) подняты два истребителя И-16, обнаружившие в воздухе указанный самолет курсом на юго-запад. Преследование закончилось безрезультатно».*

Синим карандашом на документе резолюция с подписью Жукова:

«Молния. Тов. Захарову. Что значит «преследование закончилось безрезультатно» не можем (далее неразборчиво. — М. С.). Вам ставлю на вид за такое безответственное донесение. Донести с исчерпывающей полнотой для доклада наркому и правительству. Кто виновен?»

На этом прервемся, внимательно перечитаем и обдумаем прочитанное. Прежде всего оценим интервал времени между оповещением аэродромов и взлетом дежурного звена. Никто не спит на «мирно спящих аэродромах»: система ВНОС, связь наблюдательных пунктов с аэродромами истребительной авиации работают, как часы. Перехватить, принудить к посадке или уничтожить самолет-нарушитель не удастся — но вовсе не из-за вредительских козней са-

трапа Берии. Все гораздо проще и банальнее — хотели, но не смогли. А не смогли потому, что техника той эпохи для решения такой задачи соответствовала мало.

Типовому самолету-истребителю начала 40-х годов требовалось 6—7 минут для того, чтобы забраться на высоту 5 километров. Очень хорошему, такому как советский И-153 или немецкий Bf-109F, хватало 5,3 минуты. Дальше — хуже, с ростом высоты полета скороподъемность поршневых истребителей падает, и для подъема на 8 километров может потребоваться минут 10. Но даже одна минута — это 60 секунд, за которые разведчик типа Me-110 может, отнюдь не насилая моторы, удалиться на 8 километров. За пять минут — на 40 километров. После этого и при отсутствии системы радиолокационного наблюдения и наведения истребителя на цель перехват становится едва ли возможным.

А если командиру эскадрильи 123 ИАП капитану Савченко удалось догнать Me-110 да еще и на высоте 8600 метров — так ведь это не простой полк и не простой капитан. Сформированный в марте 1940 года 123-й ИАП еще в довоенное время стал одним из лучших в составе ВВС Западного ОВО, а его летчики к моменту начала боевых действий успели налетать 7600 часов. В первый день войны 123-й ИАП стал самым результативным истребительным полком во всей группировке советских ВВС — реально сбито или повреждено 8—10 самолетов противника. Результат тем более невероятный, что на своих действительно устаревших «Чайках» истребители 123-го ИАП сражались с элитной эскадрой Мельдерса (JG-51), перевооруженной к тому времени на новейшие «Мессершмитты» Bf-109 серии F. После того как в полдень 22 июня командир полка майор Сурин погиб на четвертом боевом вылете, командование уцелевшими остатками 123-го и 33-го истребительных полков взял на себя капитан Савченко. 22 июня он сбил (скажем аккуратнее — заявил) два самолета противника, 23 июня — еще два. Увы, судьба была к нему немилосердна — через несколько дней капитан Савченко погибнет при штурмовке немецкой мехколонны в районе Бобруйска...»¹.

¹ Солонин М. Военно-промышленный курьер № 13 от 4.04.2012 г.

Тут стоит сделать поправки к тексту Солонина. Дело в том, что именно для того, чтобы перехват немецких самолетов-нарушителей был более эффективным и успешным, от истребительных полков у самой границы, часто буквально в нескольких километрах от нее, на боевом дежурстве находилось дежурное звено истребителей, которые и поднимались первыми на перехват нарушителей-разведчиков. И как видите, от них требовалось и принуждать к посадке, и давалось разрешение сбивать немецкие самолеты. А глупые и лживые байки Резуна умудряются опровергать его же сторонники. Вот такие вот случаются «казусы», когда «резуны», не подумав, начинают делать то, что сам В. Резун не делает — начинают изучать «проблему 22 июня» по документам предвоенных дней, а не по байкам...

Но более интересной оказалась последняя часть статьи Солонина, в ВПК № 16 за 24 апреля 2012 г. — **Последние мирные дни — часть III. Еще несколько шагов к разгадке «тайны 22 июня»**. В ней он решил «разобраться» с последними сутками и тем, какие директивы шли в округа 21–22 июня. И зря... Но эту часть статьи Солонина стоит разобрать отдельно в отдельной книге на самого М. Солонина чуть позже.

Но вы думаете, что я также хоть в чем-то переубедил сторонников и поклонников Резуна? Да ни в коей мере. Этот разбор сделан не для них, и тем более не для того, чтобы «переубедить» самого В.Б. Резуна, и тем более не для того, чтобы переубеждать «резунов» исследованиями их же собратьев. Подобные разборы перлов (точнее бреда) «резунов» надо делать только для того, чтобы читающий имел представление о том, «как оно на самом деле». Ну а кому интересно — могут подробнее почитать о событиях тех дней в книгах нормальных на голову историков (например, историка А. Мартиросяна... ну и мои скромные книги — «Кто проспал начало войны?», «Адвокаты Гитлера» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»). Потом почитать перлы Резуна и его поклонников и сторонников и выводы делать самим. При этом надо читать и мемуары, и тем более появляющиеся и давно опубликованные документы тех дней. И кстати, стоит читать и самого Г.К. Жукова. Если сопоставить его

сочинения и «размышления» с фактами и документами, то можно увидеть, что маршал написал почти всю правду, «как оно было»... ну, может, чуток приврал...

В этом плане гораздо адекватнее такие историки, как А. Исаев.

Еще недавно Исаев всячески уходил от вопроса — что же планировали в СССР в случае войны с Германией. Отрицал (да и сейчас отрицает) факт того, что советская разведка докладывала Кремлю всю необходимую информацию вплоть до сообщения точной даты нападения начиная с 11 июня, после того как Гитлер 10 июня 1941 года подписал приказ о нападении на СССР с 22 июня. А «сегодня» уважаемый историк А. Исаев в интервью тем же «Аргументам недели»¹ выдает следующее:

«У Сталина действительно была запланирована наступательная операция. Но только для разгрома главных сил противника, стоявшего у наших границ.

С точки зрения военной стратегии претензий к ней нет. Идет подмена понятий между наступательным военным планом и политической агрессией против другого государства. Это чушь и полное непонимание базовых вопросов военной стратегии...»

На что такой активный и слегка странный поклонник В. Резуна, как «К. Закорецкий» (очень ревнующий к Резуну другого поклонника «лондонского сидельца», М. Солонина, который, похоже, уже сам не знает, что делать с документами предвоенных дней, которые он находит в ЦАМО), радостно возопил:

«Наконец-то! Наконец-то А. Исаев, годами протирающий штаны в читальном зале ЦАМО, признал, что оборонительных планов в СССР к июню 1941 года НЕ БЫЛО! Не найдено ни одного! А что было? Оказывается — планы наступления».

О чем Исаев тут сказал? Так о том, о чем уже много лет пишет и говорит историк А.Б. Мартиросян. О подмене официально утвержденных Сталиным планов СССР по на-

¹ 22 июня 2011 г. «Аргументы недели», беседовал Иван Конев.

чалу войны, в которых предусматривалось ведение именно оборонительных боев войсками западных округов (в случае нападения Гитлера) в течение времени, необходимого для подготовки главных сил РККА. Время это определялось до 15 суток от начала мобилизации, то есть от начала войны.

Если бы мобилизацию объявили в СССР загодя, собираясь нанести упреждающий удар с целью сорвать сосредоточение и развертывание немецких войск «в Восточной Пруссии и в Варшавском районе», то можно было бы говорить о намерении СССР-Сталина организовать агрессию. Но зимой 1940/41 года СССР нападать никак не мог, а вермахт свое сосредоточение и развертывание вел уже активно. И к весне, к маю 1941 года наносить удар, чтобы «сорвать» это сосредоточение, СССР тем более не мог. Ибо нечем было — наши войска в западных округах тем более не были ни развернуты, ни сосредоточены для такого удара к маю 41-го! Так что воевать СССР мог только в режиме обороны от возможного нападения Германии. При этом мобилизацию вводить было к маю уже просто «поздно». В этом случае СССР тут же получает обвинение в подготовке агрессии против Германии, которая хоть и имеет свои войска и отмобилизованными, и развернутыми (у Гитлера в этом случае «алиби» — он в это время воюет, хоть и «странно», с Англией и может иметь отмобилизованными свои войска), но выводит свои дивизии к советской границе исключительно «для отдыха»...

Так что СССР уже «опаздывал» от Германии в готовности к войне, и поэтому единственно верным решением было, основываясь на «Соображениях» Шапошникова—Мерецкова, готовить западные округа к обороне, а главным силам РККА после начавшейся только после нападения врага мобилизации и потребуются эти «15 суток» для полной готовности к ответному удару.

После этого главные силы РККА начнут ответное наступление на напавшего врага, который, возможно, дойдет до «старой границы», но будет неминуемо разгромлен нашей армией. Мощным ответным ударом.

Однако наши военные в лице наркома обороны и начальника Генштаба, видимо, решили, что такая тактика не самая умная и что гораздо лучше врезаться по нападшему

врагу сразу, перенеся войну с первых дней на его территорию. То есть это военные, а не Сталин запланировали наступательные операции на напавшего врага из КОВО. И в этом Исаев, что традиционно для нашей исторической науки валит все на «усатого тирана», «несколько» не прав.

Хотя, в принципе, можно «понять», как военные смогли «убедить» Сталина в том, что такой немедленный встречный удар вроде как «возможен» и будет «успешным». Ведь главные силы РККА начали свое выдвижение в западные округа уже в середине мая. Эти части и «дома» на местах доукомплектовывались и, прибыв на место, дополучали недостающий личный состав в РВК с техникой из народного хозяйства приграничных республик. То есть время «15 суток» после начала мобилизации вроде как было сокращено, и по факту мобилизационные мероприятия начали проводиться задолго до нападения Гитлера (те же учебные сборы позволили в мае-июне 41-го резко повысить общую численность РККА).

Так что у Жукова в принципе вроде как были «основания» считать, что его авантюра с немедленным ударом из КОВО в попытке окружить до «100 немецких дивизий» в Польше может удалиться. Но это была именно что авантюра. И дело вовсе не в том, что павловы сорвали приведение в боевую готовность к исходу 21 июня и «украли» у Жукова такую «красивую победу». Даже если бы приведение в б/г состоялось, все равно попытка нанести встречный (фланговый) удар, не имея в тылу готовых к войне главных сил РККА, становилась именно преступной и гибельной авантюрой. На это даже Уборевич Тухачевскому указывал в свое время.

Главные силы РККА в тылах готовы к 22 июня еще не были, но, видимо, Жуков решил, что они «дозреют», пока он будет лихо громить врага на его территории силами западных округов. И даже если при этом войска западных округов полягут в этих наступлениях (примерно так Тухачевский Уборевичу и отвечал) — ничего страшного. Главные силы успеют подготовиться и врежут по уже ослабленному противнику. Это была авантюра с непредсказуемым результатом, ну а павловы эту авантюру только усугубили! Когда сорвали приведение своих войск в боевую готовность

и на направлении главного удара вермахта открыли фронт врагу. И особенно когда подставили под разгром Брестское направление!

Следующее, что поведал газете Исаев, так это то, что стало происходить в середине июня в РККА и СССР. До сего дня события последних двух недель, а точнее примерно с 10 июня, когда Гитлер подписал приказ о нападении на СССР с 22 июня, никто из историков особо не разбирал действия СССР. Знали ли в Кремле о дате нападения, проводилось ли повышение боеготовности войск западных округов в эти дни — не рассматривалось. И тот же Исаев писал, что слишком поздно узнали в Кремле о возможном нападении и поэтому слишком поздно «нажали красную кнопку тревоги». При этом Исаев раньше говорил вроде как о буквально паре дней перед 22 июня.

Однако сегодня он говорит уже несколько другое:

«В середине июня начинается паника. Советское руководство принимает лихорадочные меры по приведению страны в боеготовность. И в числе этих мер начинается выдвижение глубинных корпусов особых округов, выдвижение армии из внутренних округов. Это движение, естественно, не успевает завершиться до 22 июня...»

То есть Исаев вроде как «Америку открыл» — «в середине июня» (примерно с 15 июня?) «начинается паника» и *«Советское руководство принимает лихорадочные меры по приведению страны в боеготовность. И в числе этих мер начинается выдвижение глубинных корпусов особых округов»* в сторону границы.

Но, во-первых, никакой «паники» вообще-то не было, а во-вторых, никакой особой «лихорадки» тоже не было в выдвижении этих войск, что и являлось повышением боевой готовности. А в-третьих, войска западных округов вполне успели бы к 22 июня и выйти на исходные, и быть приведены в боевую готовность, если бы не саботаж павловых на местах.

Ведь есть пример одного округа, где командование в лице начальника штаба округа генерала М.В. Захарова действительно «успело» за эти же дни и боевую готовность

своих войск повысить, и авиацию убрать до нападения с открытых аэродромов, и выйти на исходные рубежи обороны.

Писал ли об этом раньше Исаев? Писал. Но очень уж обтекаемо. Наподобие того, как писал об этом тот же Г.К. Жуков — «нарком обороны рекомендовал провести тактические учения в сторону границы»... Без указания сроков и дат начала этих «учений». А теперь Исаев прямо привязал начало этого выдвижения к важному событию — к «Сообщению ТАСС» от 13–14 июня, на которое Гитлер не ответил, что и стало основанием для начала выдвижения наших войск в западных округах! С 15 июня! Это же он написал и в книге «1941 в сослагательном наклонении. Великая отечественная альтернатива» (М., 2011, с. 71).

Дело в том, что по моей просьбе Исаеву еще в 2010 году дали почитать черновой вариант моей книги «Кто проспал начало войны?», в которой и показано, что именно после 15 июня в западных округах началось выдвижение войск второго эшелона директивами НКО и ГШ «от 12 июня» в «районы, предусмотренные планом прикрытия». **Что автоматически и однозначно означает приведение войск западных округов в повышенную боевую готовность!** И это означает, что фактически начали вводить в действие «Планы прикрытия». Не на 100%, частично, но вводили в действие именно «Планы обороны и прикрытия госграницы». И сам Исаев это нехотя признает в своих книгах.

Исаев, похоже, за это время это «переварил» и теперь выдает как «азбучную» истину, которая «всем известна» (до лета 2011 года в его книгах «о 22 июня» ничего такого еще не было). Однако на самом деле выдвижение войск в западных округах началось гораздо раньше «середины июня» (в моем черновике на тот момент этой даты еще не было указано). **Выдвижение войск в Западном Особом военном округе, где командовал будущий «невинная жертва сталинизма» Д.Г. Павлов, выдвижение «глубинных дивизий» в «районы, предусмотренные планом прикрытия», началось вообще в 7.00 утра 11 июня (а в ОдВО — вообще 8 июня)!**

Как быстро бежит время. Еще год, полгода назад то, что уже много лет говорит историк А.Б. Мартыросян — о том, что наша разведка за 10–12 дней до нападения сообщила

точную дату нападения Гитлера на СССР, воспринималось, мягко говоря, с «недоверием». А сегодня, после публикации статьи Мартиросяна в «Красной звезде» в феврале 2011 года («Что знала разведка?») и тем более после выхода книги коллег Мартиросяна по внешней разведке «Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки РФ 1939–1941 гг.» (М., 2011), это постепенно становится «давно известным фактом»... Или, по крайней мере — «в этом что-то есть». (Впрочем, составители сборника умудрились показать донесения разведчиков о точной дате только с 17 июня, и так, что не совсем и понятно — что это за разведчики и имеют ли данные документы архивные реквизиты.)

Кстати, 21 июня 2011 года в официальной газете Российской Федерации — «Российской газете» было опубликовано интервью генерала Л. Соцкова, в котором тот, анонсируя книгу «Агрессия...», сообщает, что «нападение Гитлера на СССР 22 июня 1941-го было вероломным. Но не внезапным». Что о дате нападения Сталину докладывали загодя. И Соцков также указал о сообщениях, поступавших только после 17 июня из Финляндии.... В отличие от Мартиросяна, который указывает, что подобные сообщения пошли уже 11 июня как минимум из той же Финляндии.

А еще Соцков выдал такую глупость: «Сталин настолько боялся обвинения в агрессии и трудностей, которые возникнут, что игнорировал разведсообщения. Когда даже день нападения был назван, авиацию не рассредоточили. А морской флот, по распоряжению его руководителя, рассредоточить успели, и он понес минимальные потери...»

Интересно, Соцков кого обвиняет в том, что авиацию не рассредоточили даже 21 июня, и верит ли сам, что адмирал Кузнецов мог по «личной инициативе» привести флот в полную боевую готовность в ночь на 22 июня? Но похоже, что старый генерал так и не понимает, что начавшееся в западных округах активное выдвижение войск в сторону границы с 11–15 июня и было повышением боевой готовности войск в связи с поступавшими после 10 июня сообщениями разведки о том, что Гитлер официально подписал приказ с датой нападения — 22 июня. (Напоминаю — ре-

ально первые дивизии начали выдвижение в ОдВО уже 8 июня, а в ЗапОВО вопрос о начале выдвижения первых дивизий также подняли еще 8 июня...)

А ведь о том, что точную дату нападения в Кремле знали загодя, говорил и тот же Молотов в своих «140 беседах» с Ф. Чуевым на диктофон, который и о «Воспоминаниях» Жукова высказался очень резко и дал свою оценку тому, как командующие западными округами выполнили приказы Москвы:

«У Жукова в книге много спорных положений. И неверные есть. <...>

Что не знали, неправда (Молотов тут явно злится и однозначно говорит о дате нападения, которую в Кремле примерно за неделю до 22 июня знали точно. — О.К.).

Ведь Кирпонос (командующий КОВО) *и Кузнецов* (командующий ПриБОВО) *привели войска в готовность, а Павлов — нет...* (А тут Молотов говорит о том, что не только знали в Кремле точную дату нападения, но и довели ее командующим западными округами и те, кроме Павлова, привели-таки, худо-бедно, свои войска в боевую готовность. Более подробно воспоминания Молотова рассмотрим позже. — О.К.).

Военные, как всегда, оказались шляпы. Ну, конечно, мы тогда были очень слабы по сравнению с немцами. Конечно, надо было подтягивать лучше. Но на этом деле лучшие военные у нас были. Жуков считается неплохим военным, он у нас был в Генштабе, Тимошенко тоже неплохой военный, он был наркомом обороны... (А тут Молотов говорит о том, что именно военные и должны отвечать за то, что они не смогли выполнить свои собственные обязанности. — О.К.).

Так что оставим на совести Соцкова глупое утверждение о том, что «Сталин настолько боялся обвинения в агрессии и трудностей, которые возникнут, что игнорировал разведсообщения». Именно на доклады разведок и опирался Сталин, когда дал разрешение начать вывод войск западных округов в районы, предусмотренные «Планами прикрытия», почти за две недели до 22 июня.

Еще год, полгода назад о выдвижении войск западных округов либо вообще не говорили, либо говорили «сквозь зубы». А ведь это выдвижение и подтверждает, что повы-

шение боевой готовности приграничных войск проводилось весьма активно. А теперь уже выдают как нечто «давно известное». И тот же Исаев, похоже, решил стать в этом «первооткрывателем». При этом он все еще уверяет окружающих, что «разведка все проспала», ну думаю, почитает работы Мартиросяна на эту тему и вскоре станет уверять всех, что он всегда говорил, что «разведка доложила точно и вовремя».

Когда Ю.И. Мухин писал, что 18 июня 1941 года из Генштаба в западных округах получили приказ о приведении войск этих округов в боевую готовность (но генералы сорвали это приведение), то «оппоненты» хихикали и крутили пальцем у виска. А летом 2011 года уже вышел 1-й, обзорный том двенадцатитомника о Великой Отечественной войне, подписанный президентом РФ Д. Медведевым, в котором сказано следующее:

«18 июня последовала телеграмма Генерального штаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность»⁶⁰.

И в указанной ссылке сообщается: **«⁶⁰ О телеграмме начальника Генерального штаба 18 июня 1941 г. о приведении войск Западного особого военного округа в боевую готовность известно из материалов следственного дела на командующего округом, а затем (июнь 1941 г.) Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова. См.: Ямпольский В. ...Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945. М., 2009. С. 509. Оригинал телеграммы или ее копия остаются неизвестными».**

А вот что написали уже во 2-м томе в 2012 году, на стр. 639:

«18 июня полковник Г. Н. Захаров со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым совершили на самолете У-2 разведывательный облет белорусского участка государственной границы протяженностью 400 км к югу от Белостока с посадками через каждые 50 км для передачи донесений об увиденном через пограничников наркому внутренних дел Л.П. Берии и И.В. Сталину. Донесения Захарова свидетельствовали о массовой переброске немецких войск к советской границе²⁷.

В тот же день Генштаб по распоряжению председателя СНК отдал приказ командующим западными военными округами о принятии мер по повышению боевой готовности войск. Командующие Прибалтийским, Ленинградским, Западным, Киевским и Одесским военными округами, а также Балтийским, Черноморским и Северными флотами получили соответствующий приказ за подписью начальника Генерального штаба РККА генерала армии Г. К. Жукова. Данная шифротелеграмма не обнаружена в архивах РФ, но упоминание о ней содержится на 70-м листе 4-го тома следственного дела по обвинению командования ЗапОВО, где зафиксировано показание начальника связи ЗапОВО генерал-майора А. Т. Григорьева: «И после телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность...»²⁸ Аналогичные свидетельства содержатся также в ответах опрошенных после войны генералов, командовавших перед войной в западных округах (материалы комиссии под руководством генерал-полковника А. П. Покровского)²⁹.

²⁷ Захаров Г. Н. Я — истребитель. М., 1985. С. 80.

²⁸ ЦА ФСБ. Архивно-следственное дело № Р-24000. Рукопись. Подлинник.

²⁹ Крикунов В. П. Фронтовики ответили так! // Военно-исторический журнал. 1989. № 3, 5»¹.

Так что время не стоит на месте...

Заканчивая «защиту маршала Жукова» от «резунов», стоит все же вспомнить такой сериал о маршале, как «Жуков», снятый в 2011 году и регулярно показываемый по ТВ, автором и вдохновителем которого является такой «деятель телевизионных искусств», как А. Пиманов. В начале некоторых кинофильмов иногда пишут примерно так — «фильм основан на реальных событиях». В начале же этого «сериала» о маршале стоило бы пимановым сразу указать — «фильм основан на грязных сплетнях и нездоровых фантазиях продюсеров», которые такую «личную неприязнь» испытывают к советскому времени, к Сталину, да и к само-

¹ Исходная нумерация сносок сохранена.

му Жукову, что не то что кушать — спать спокойно не могут... В общем, поливание Жукова помоями продолжается.

Читатель может удивиться — с чего это О. Козинкин, сам достаточно резко критикующий и даже ругающий Г.К. Жукова, стал за него «заступаться»? Все просто. Как сказал когда-то А.С. Пушкин (не дословно), я могу сколько угодно ругать и критиковать мою страну, но пусть попробует это сделать при мне иностранец. Так же и с Жуковым — ругать и критиковать маршала можем мы, но «резунам» это делать не позволено. Тем более что критиковать Жукова надо по делу, за его личные прегрешения и проступки, а не за то, чего он не совершал. А «резуны» этого как раз и не умеют.

Впрочем, стоит все же читателей «напугать» — «творчество» В.Б. Резуна еще будет рассмотрено очень подробно в одной из следующих книг. А пока продолжим разбирать интересный вопрос — мог ли Сталин нападать первым на Гитлера.

ТРОЙСТВЕННЫЙ (БЕРЛИНСКИЙ) ПАКТ ОСИ БЕРЛИН — РИМ — ТОКИО,

**или Почему Сталин не мог напасть на Гитлера
«превентивно» и зачем Гитлер объявил войну
США в декабре 41-го**

Разбирая вопрос, мог или не мог Сталин нападать на Гитлера первым летом 1941 года, не так уж часто исследователи и историки разбирали такой вопрос в проблеме — а не мог ли СССР оказаться втянутым в войну на два фронта в этом случае? Что нам пришлось бы делать с той же Японией, в случае если СССР нападёт на Германию первым?

Сторонники и поклонники Резуна хором заявляют — да ничего бы не произошло. Япония не напала бы в этом случае на Советский Дальний Восток. Потому что сама Япония собиралась воевать в Юго-Восточной Азии и СССР ее не интересовал.

Как говорится, достали умники... И чтобы не быть голословным, просто разберем документы, договоры и соглашения стран Оси и СССР на июнь 1941 года, к чему они обязывали страны, их подписавшие, или не обязывали.

Начнем с Договора о взаимной помощи между Германией, Италией и Японией:

**«ТРОЙСТВЕННЫЙ (Берлинский) ПАКТ
между Японией, Германией и Италией.**

Заключен 27 сентября 1940 г.

Стороны договорились о следующем: «Правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии, признавая предварительным

и необходимым условием долговременного мира предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире, считают основным принципом создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания всех заинтересованных наций, выражают решимость взаимно сотрудничать и предпринимать согласованные действия в указанных районах в отношении усилий, основывающихся на этих намерениях.

Правительства трех держав, преисполненные стремления к сотрудничеству со всеми государствами, которые прилагают подобные усилия во всем мире, полны желания продемонстрировать свою непреклонную волю к миру во всем мире, для чего правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе, если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического курса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. Договаривающиеся Стороны по требованию одной из держав, заключивших пакт, обсудят вопрос пересмотра настоящего договора в любой момент до истечения этого периода»¹.

Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трех держав 1940 года, или Тройственный пакт,— международный договор, заключенный 27 сентября 1940 года между главными странами — участниками Антикоминтерновского пакта: Германией (в лице министра иностранных дел Рейха Иоахима фон Риббентропа), Италией (в лице министра иностранных дел Галеаццо Чиано) и Японской империи (в лице министра иностранных дел Сабуро Курусу) сроком на 10 лет.

Этот Пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении «нового мирового порядка» и военной взаимопомощи в случае нападения на одну из стран третьей стороны, не участвующей на тот момент в войне. Германии и Италии предназначалась ведущая роль в Европе, а Японской империи — в Азии. К Берлинскому пакту присоединились также такие «европейские страны», зависимые от Германии, — Венгрия (20 ноября 1940 года), Румыния (23 ноября 1940 года), Словакия (24 ноября 1940 года) и Болгария (1 марта 1941 года). Также к данному Пакту присоединились такие страны, как Испания, Финляндия, Хорватия в Европе и в Азии — Маньчжоу Го, Сиам, Таиланд, правительство Ван Цвинвэя в Китае.

А вот как оценивал это Пакт В.М. Молотов:

**«ЗАПИСКА В.М. МОЛОТОВА
«БЕРЛИНСКИЙ ПАКТ О ТРОЙСТВЕННОМ СОЮЗЕ»
[Не позднее 30 сентября 1940 г.]**

27 сентября в Берлине заключен пакт о военном союзе между Германией, Италией и Японией. Нет нужды распространяться о содержании этого пакта, так как текст его был опубликован в печати. Пакт не является для Со-

¹ Легко находится в Интернете.

ветского Союза чем-либо особенно неожиданным, как потому, что он представляет собой, по сути дела, оформление уже сложившихся отношений между Германией, Италией и Японией — с одной стороны, Англией и Соединенными Штатами Америки — с другой стороны, так и потому, что Советское правительство было информировано Германским правительством о предстоящем заключении тройственного пакта еще до его опубликования.

Переходя к вопросу о значении пакта, следует прежде всего отметить, что он знаменует собой вступление в новую фазу войны, более широкую, чем до заключения пакта. Если до последнего времени война ограничивалась сферой Европы и Северной Африки — на Западе и сферой Китая — на Востоке, причем эти две сферы были оторваны друг от друга, то теперь этой оторванности кладется конец, ибо отныне Япония отказывается от политики невмешательства в европейские дела, а Германия и Италия, в свою очередь, отказываются от политики невмешательства в дальневосточные дела. Это несомненно означает дальнейшее обострение войны и расширение сферы ее действия. Тов. Молотов был прав, когда он говорил в своем выступлении на последней сессии Верховного Совета СССР, что создалась «опасность дальнейшего расширения и дальнейшего разжигания войны, с превращением ее во всемирную империалистическую войну».

Чем вызвано появление пакта, чем оно стимулировалось?

Нет сомнения, что оно стимулировано прежде всего последними фактами из области усиления и расширения военного сотрудничества между Англией и Соединенными Штатами Америки. Сюда относятся: все более усиливающаяся военная помощь США Англии; передача военноморских баз Англии в западном полушарии Соединенным Штатам Америки; объединение военных усилий Англии, Канады и Австралии с Соединенными Штатами Америки и включение южноамериканских стран в сферу влияния США; согласие Англии на передачу своих дальневосточных и австралийских баз Соединенным Штатам Америки. Конечно, США еще не вступили формально в войну на стороне Англии против Германии, Италии и Японии. Но это не столь важно, поскольку США на деле находятся в одном

общем военном лагере с военными противниками Германии, Италии и Японии в обоих полушариях.

Одна из важных особенностей пакта состоит в том, что он открыто признает сферы влияния его участников и раздел этих сфер между ними с обязательством взаимной защиты этих сфер влияния от покушений со стороны других государств и, конечно, прежде всего со стороны Англии и находящихся в сотрудничестве с ней Соединенных Штатов Америки. Согласно пакту Японии предоставляется «великое восточно-азиатское пространство», а Германии и Италии — «Европа». Другой вопрос — удастся ли участникам пакта реализовать на деле подобный раздел сфер влияния. Несомненно, что реализация подобного плана будет зависеть от реального соотношения сил воюющих стран, от хода и исхода настоящей, все более обостряющейся войны.

Другую важную особенность пакта составляет имеющаяся в нем оговорка о Советском Союзе.

В пакте сказано: «Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом».

Эту оговорку надо понимать, прежде всего, как уважение со стороны участников пакта к той позиции нейтралитета, которую Советский Союз проводит с первых дней войны.

Ее надо понимать, далее, как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о ненападении между СССР и Италией.

Верный своей политике мира и нейтралитета, Советский Союз может, со своей стороны, подтвердить, что эта его политика, поскольку это будет зависеть от него, остается и будет оставаться неизменной»¹.

То есть страны Оси уважают позицию СССР, но до тех пор, пока СССР остается нейтральным и ни на кого не нападает. Ну а СССР в этой статье в «Правде» подтвердил,

¹ РЦХИДНИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1161. Лл. 66–75. Опубликовано без подписи в качестве передовой в газете «Правда» 30 сентября 1940 г. Рукопись, автограф. Есть в Интернете.

что желает оставаться нейтральным в мировых разборках между Германией и Англией с США.

Для тех, кто еще не понял сути этого пакта и ситуации вокруг СССР, можно пояснить — СССР и на сентябрь 1940 года, и на июнь 41-го не участвовал ни в какой войне. Ни в Европе, ни в Азии и ни с кем из подписантов «Берлинского пакта». И таким образом, если СССР нападает либо на Германию, либо на Японию, то все участники «Берлинского пакта» обязаны напасть на СССР! По крайней мере, у них нет причин не нападать для «помощи» союзнику и тем более по просьбе жертвы агрессии СССР. И та же Япония может в любой удобный для себя момент напасть на СССР.

В той же «ВИКИПЕДИИ» сказано так о сути пунктов пакта, и это очень нравится поклонникам Резуна:

«Берлинский пакт, согласно статье 3, изначально был настроен антиамерикански; в то же время статья 5 предусматривала благожелательное отношение к СССР. Пакт учитывал также право договаривающихся сторон иметь свои собственные отношения с Советским Союзом...»

Мол, Япония ни за что не напала бы на СССР, даже если СССР и ударил первым по Гитлеру. Ну что ж, посмотрим еще раз на эти пункты:

«Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического курса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом».

Не знаю, что уж там узрел тот, кто вписал в «ВИКИ» свое «мнение», но этот пункт говорит только о том, что в это время Сталин пудрил мозги этой компании — выдвигал невыполнимые требования для якобы вступления в их «Союз». Чего они в принципе очень желали, так это втянуть СССР в «Союз» против Англии и США. Или хотя бы, чтобы СССР оставался нейтральным. Переговорами о вступлении Сталин тянул время, и данный пункт — всего лишь о той конкретной ситуации вокруг СССР.

Но если бы СССР напал на одного из участников «Союза», то начхать они хотели на этот пункт с большой колокольни... Это пункт никого и ни к чему не обязывает, если кто-то из стран, не участвующих в войне со странами Оси, не нападет на одну из стран. И вопрос, кто на кого первым нападет — не имеет для участников Оси никакого значения! Это в равной мере касалось как США, так и СССР.

«Указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического курса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом».

Да, страны Оси заигрывали с СССР-Сталиным, желая видеть его если не союзником против Англии и США, то хотя бы нейтральным, но к вышеуказанным статьям и относится пункт № 3, в котором сказано:

«если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами».

То есть, если СССР окажется агрессором, то странам Оси придется свое «благожелательное» отношение к СССР забыть...

Но СССР весной 41-го опять всех уел — заключил с Японией договор о нейтралитете, что позволяло быть уверенным, что в случае, если СССР станет жертвой агрессии со стороны Германии (участницы «Берлинского пакта»), у Японии будут связаны руки и она не сможет напасть на СССР. Японского премьера упоили напоследок на вокзале, он спел с Молотовым «Шумел камыш», на вокзал приехал Сталин, еще раз с ним облобызался, и пьяного и счастливого японца закинули в вагон... (Гитлер был дико обижен такой выходкой Японии — подписанием договора о нейтралитете с СССР.)

Смотрим этот договор:

**«ДОГОВОР НЕЙТРАЛИТЕТА
МЕЖДУ СОЮЗОМ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
И ЯПОНИЕЙ**

**Пакт о нейтралитете
между Японией и Советским Союзом**

(Подписан 13 апреля 1941 года)

Великая Японская Империя и Союз Советских Социалистических Республик, руководимые желанием укрепить мирные и дружественные отношения между обеими странами, решили заключить пакт о нейтралитете и договорились о нижеследующем:

Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими договаривающимися сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио также в возможно короткий срок.

Вячеслав Молотов
Юсуке Матсуота
Юшитсугу Татекава¹

¹ *Источник:* Внешняя политика СССР: сборник документов. Т. 4. М., 1946, с. 550. Есть в Интернете.

Пункт, который не давал Японии возможности помогать Гитлеру в случае его нападения на СССР, если СССР не агрессор — п. 2. Надеюсь, «переводить» его на человеческий язык не надо — и так все понятно и доходчиво. Понятно, почему Гитлер обиделся на Японию за этот договор? По этому пункту Япония не могла напасть на СССР, если тот не агрессор. И СССР не помогал США в войне с Японией. Точнее, СССР не считал себя обязанным помогать США, пока вел войну с Гитлером. Но так как Япония формально стала агрессором в декабре 41-го, разбомбив Перл-Харбор, то СССР мог в любой момент нейтралитет в отношении Японии нарушить.

Также этот договор о нейтралитете с Японией не позволял СССР стать союзником США на Тихом океане. И когда Сталин стал покупать у США (по «ленд-лизу») самолеты и их решили перегонять своим ходом через Аляску-Камчатку-Сибирь, то на предложение-просьбу США гнать самолеты американскими летчиками чуть не до Урала Сталин ответил отказом. Никаких «военных тайн» американцы не увидели бы над тундрой и тайгой, но у Японии появился бы шанс выразить протест по этому поводу. Ведь Япония воюет с США, но СССР должен был оставаться нейтральным и не помогать Америке. В итоге американские самолеты перегоняли с Камчатки наши летчики, а американских, совершавших вынужденные посадки в Приморье после бомбардировок Японии, в СССР интернировали и держали на территории СССР до конца войны.

Думаете, американцы предлагали своих летчиков для перегона над нашей тайгой из «альтруизма»?! Шас! Уже зимой 1941/42 года США делали запросы — не сможет ли Сталин нанести удар по Японии, чтобы помочь США? Ответ был примерно таким: закончим с Гитлером — поможем. Но если бы Сталин согласился, что те самолеты будут гнать сами американцы, то появляется шанс втравить СССР в войну с Японией...

Заклучив с Японией договор о нейтралитете, Сталин прикрывал свою спину, на случай если первым нападет Гитлер. Но этот договор о нейтралитете с Японией не играл бы роли, если СССР нападет на Германию первым — Япо-

ния, связанная более ранним пактом с Берлином и «союзническим долгом», все равно имеет право напасть на СССР для помощи своему союзнику Гитлеру. А вот если СССР не агрессор, а жертва, то Япония сама решает, помогать Гитлеру или нет. Япония помогать Гитлеру не стала.

На это на одном из форумов сомневающийся возразил:

«По поводу Вашего примера с подписанием договора о нейтралитете с Японией я не понял. Этот факт-то в мою сторону играет. На кой ляд Сталину этот договор, если он хотел быть «жертвой агрессии»? Если Сталин «жертва», то Япония так и так не нападет. Но Сталин такой договор заключает, да еще демонстративно японского посла провожает. И выясняется в итоге, что если Сталин нападет на Гитлера, то Япония будет издалека посматривать. Разве не так?» (Вы поняли, что «резун» спросил? Я — нет.)

Придется еще раз объяснять хитрости международных отношений (хотя надеюсь, специалисты меня не сильно за это раскритикуют).

У Японии договор о взаимной помощи с Гитлером, если на того нападут. И он окажется выше для Японии, чем договор с СССР о нейтралитете, если СССР окажется агрессором! СССР не нападает первым, Япония имеет моральное право не нападать на СССР, и это подкреплено договором о нейтралитете с СССР.

Но если нельзя, но очень хочется — то можно. Если бы Япония захотела, то, конечно же, напала бы на СССР, нарушив международные договоры. В случае нужды придумали бы в Японии, как напасть даже не на агрессора Россию. Мол, совсем «охренели» эти русские! Мало того что на бедного Гитлера напасть хотели вероломно, а он, слава богам, успел ударить первым, так еще и на нас задираются, провокации на границе устраивают да наших японских пограничников в Китае и Корее обстреливают... Или типа — отобрать хотят наши концессии на Сахалине. Но Япония на это не пошла. Предпочла соблюдать договоры относительно СССР. Ну а Сталин сделал все возможное, чтобы Япония начала летом-осенью 41-го поход на юг, в английские колонии. После этого Японии было уже не до СССР. Хотя до Сталинграда, а точнее, после погрома Красной Армии под Харьковом, у Японии некий зуд и желание напасть пытался появиться...

(Примечание: Между прочим, эти совместные фирмы (концессии) по добыче нефти и угля качали нефть с углем Сахалина чуть не до лета 1945 года. При этом никто и никогда за все эти годы не посмел еще попрекнуть СССР-Сталина за эти концессии. Ведь в данном случае СССР и Япония нейтральны в этой Мировой войне, и поставки нефти и угля в Японию не более чем бизнес. Точно так же никто же не попрекает Швецию за то, что та, «нейтральная», продавала Гитлеру руду. Да и кто посмеет попрекнуть Сталина и СССР, если те же США через подставные фирмы «гондурасов» гнали нефть Гитлеру чуть не до весны 45-го. И кстати, эти «концессии» Сталин также использовал для сохранения мира с Японией. Когда Гитлер пытался втянуть СССР в «Тройственный союз», то одним из условий вхождения Сталин выдвинул требование — «национализировать» эти концессии в пользу СССР.

Как и остальные «предложения» Сталина по «вступлению» в этот союз, они были заведомо неприемлемы для участниц «Берлинского пакта». Сталин это понимал и выставлял эти требования именно для того, чтобы СССР не приняли в союз. Вот что писал Гальдер в своем служебном дневнике 3 декабря 1940 года:

«ж. Наши предложения Молотову: Мы предлагаем один открытый договор и два секретных соглашения сроком на десять лет. Русские согласны присоединиться к Тройственному пакту в случае заключения пяти секретных протоколов:

1. Относительно Финляндии, с которой они хотят прийти к соглашению без применения силы.

2. Относительно Болгарии, которая должна заключить с Россией пакт о взаимопомощи (в этом случае Болгария может присоединиться к Тройственному пакту).

3. Об аренде опорных пунктов на Босфоре.

4. Относительно Турции, которой следует предъявить требование о присоединении к Тройственному пакту; в случае согласия — гарантия ее границ. Если последует отказ, то «дипломатическое и военное давление со стороны Германии, Италии и России». Япония должна отказаться от своих концессий на Сахалине.

5. Относительно русской сферы влияния южнее линии Батуми, Баку. Мы еще не ответили на эти предложения».

«Предложения» Сталина приняты не были, концессии сохранились, Япония не напала на СССР...)

Дополнительный договор о нейтралитете с Японией давал СССР усиленную и закрепленную гарантию, что Япония не рискнет напасть, даже если ее Гитлер умолять нач-

нет. То есть этот договор о нейтралитете крепче вязал руки Японии и давал лишнюю приличную гарантию от войны на Дальнем Востоке. Ведь и СССР, подписав нейтралитет, должен его соблюдать. А это давало возможность Японии нацеливаться на юг, будучи уверенной, что СССР не нападет на них, пока они начнут там гонять англичан и прочих французов-голландцев, отбирая у них колонии. И кстати, СССР сделал все возможное, чтобы Японию толкнуть именно в Юго-Восточную Азию. Это ж политика...

Но если, имея договор о нейтралитете с Японией, СССР все же сам первым нападет, то у Японии руки будут развязаны. А нейтралитет же между СССР и Японией аннулируется ввиду того, что СССР — агрессор, а у Японии договор о помощи с Гитлером.

Короче, для СССР будет хреново по-любому, если он агрессор. Япония в случае нападения СССР на Германию в любой удобный момент «забудет» про нейтралитет по своему усмотрению, как вполне законно отбросил его СССР в 1945 году, кстати, когда верный союзническому долгу и пр. «бла-бла» СССР официально нанес удар по японской армии, предупредив Японию о денонсации нейтралитета за несколько месяцев, а потом красиво объявив войну. А вот в 41-м было бы наоборот.

Сталин в принципе сам «повязал» СССР этим договором с Японией, ведь теперь СССР никак не мог напасть первым на Германию. Но Сталин ведь был умным политиком...

Японские дипломаты подписали договор о нейтралитете с СССР 13 апреля 1941 года. Однако сделали они это на обратном пути из Берлина, куда приехали в марте... через Москву. Все дело в том, что это была вторая часть переговоров Японии и СССР. В середине марта министр инodel Японии прибыл в Москву на переговоры, на которых стал требовать продать Японии северный Сахалин. После чего вся нефть острова отошла бы Японии. Это был зондаж, проверка Сталина на прочность. Сталин проявил твердость, японцы уехали в Берлин, а по возвращении подписали договор о нейтралитете с СССР.

Сталин был, конечно, доволен таким договором, который давал дополнительную юридическую защиту от возможного нападения Японии в случае агрессии Гитлера. Ведь подписав пакт о нейтралитете, Сталин сильно снизил вероятность войны на два фронта одновременно против Германии и Японии. Сразу после этого началось формирование резерва Главного командования, и в конце апреля ГШ дал команду на выдвижение первых дивизий из ЗаОВО и ДВО к западным границам.

А сразу после отъезда японцев Сталин дал команду Л. Берии готовить операцию «Снег» по втягиванию США в войну с Японией, после чего Японии тем более будет не до СССР — как бы Гитлер ни умолял японцев ударить по нашему Дальнему Востоку.

Вот почему стоит вспомнить, как Гитлер вроде как ни с того ни с сего объявил войну США 7–8 декабря 1941 года. Сразу после налета японской авиации утром 7 декабря 1941 года на военно-морскую базу США Перл-Харбор (англ. Pearl Harbor — Жемчужная гавань, также Перл-Харбор или Пирл-Харбор — гавань на острове Оаху, Гавайи. Большая часть гавани и прилегающих территорий заняты центральной базой тихоокеанского флота военно-морских сил США).

В связи с этим на одном из исторических форумов мною был задан такой вопрос любителям и «знатокам» истории: «Почему Гитлер объявил США войну в эти же дни? Связь можете уловить — почему он это сделал? Зачем Гитлеру объявлять войну США, что кроме проблем ему лично и Германии, воюющей в это время в России, ничего не даст точно?»

Ответ «знатоки» дали примерно такой: «Потому что США выступали невоюющим союзником Англии и СССР», а также «чтобы топить американские суда, идущие в помощь Англии».

С одной стороны, вроде как верно — США на тот момент вроде как «союзник» СССР. Но скорее «моральный», ведь договор на бумаге США подписали с СССР только весной 1942 года! США действительно союзник Англии, но и это не самая важная причина.

Решение об объявлении войны США Гитлер огласил на самом деле не из-за этого. В эти дни он уже начал получать

по зубам в Битве под Москвой. Для него стало ясно, что без помощи Японии он СССР-Россию не победит и Москву точно не возьмет, но Япония же всячески отбивалась от приглашения Гитлера поучаствовать в войне с СССР и ударить по Дальнему Востоку. Ведь она уже ввязалась в войну с Англией на островах Юго-Восточной Азии. И тот же «п. 2» договора о нейтралитете руки связывал.

Гитлеру, который в июне и до этого сам же японцев всячески толкал в сторону английских колоний на юг (того же английского Сингапура), чтобы в случае победы над СССР не делиться «трофеями», к зиме 41-го нужна была любая помощь от Японии. Пусть даже Япония и не ударит всеми силами, но если на границе начнутся затяжные приграничные бои с Красной армией, то Сталин не сможет перебрасывать дивизии с Востока. Ведь на тот момент у СССР «общая граница» с Японией в том же Китае была ну очень большая, и Сталин там держал до 40 дивизий в прикрытие этой границы.

Так чего добивался Гитлер этим объявлением войны США в данном случае? А расчет был простой, и связано было это именно с Берлинским пактом от сентября 1940 года. Ведь по нему страны Оси должны были помогать и военной помощью в том числе тому, на кого нападет третья страна, не участвующая в этот момент в войне. США формально вроде как не напали на Японию. Но Гитлер, таким образом, сделал Японии «жест доброй воли».

С одной стороны, Япония нанесла свой удар по Гавайям в ответ на провокации США в виде отказа выполнения договоров о поставках нефти в Японию. И назвала «агрессором» именно США. А Гитлер этим своим объявлением войны США вроде как признал, что Япония «жертва агрессии». Ведь «формально» то, что США сделали по поставкам нефти (металлолома?) в Японию, нарушив долгосрочные торговые контракты на большие суммы, можно расценивать и как агрессию со стороны США. А с другой — Гитлер, таким образом, показал Японии — мол, я ж пошел на некоторое нарушение Берлинского пакта, так почему бы и вам не пойти на такие же «нарушения» и не объявить войну СССР!? Тем более что в этом случае действительно вовсе не обязательно начинать крупномасштабные боевые действия на границе с СССР и пытаться оттяпать себе Приморье или весь Сахалин

или Сибирь. Один факт объявления войны СССР вынудит Сталина держать на этих границах большие силы и не перебрасывать их под Москву! Гитлеру не хватило тех 20 дивизий вермахта, что оттягивали на себя партизаны Югославии, чтобы взять Москву, а Сталину не хватает тех дивизий, что он в итоге и отправил с Дальнего Востока и Сибири, чтобы разгромить и отбросить немцев от Москвы.

А вот тут и оказалось, что Япония уже ввязалась к этому времени в войну в Юго-Восточной Азии и СССР ее уже не интересовал — ей самой война на два фронта была не нужна.

Япония нанесла разовый удар по Перл-Харбору, США объявили войну Японии, и Гитлер, как и положено союзнику, объявил США войну, давая понять Японии, что считает ее «жертвой американской агрессии». Надеюсь, что теперь и Япония похерит свой договор о нейтралитете с СССР и начнет воевать в ДВО. Но у Японии хватило ума не херить.

Однако оппоненты пытаются это опровергать: «Японцы рассматривали вариант нападения на СССР. И остановило их не наличие договора с СССР о нейтралитете, а отсутствие сырья для промышленности».

Но вообще-то войск у нее в северном Китае хватало, чтобы оттянуть на себя значительные силы СССР, чтоб помочь Гитлеру взять ту же Москву или Сталинград, что еще хуже, но ума хватило не лезть. Кто сказал, что, начав боевые действия в ДВО, Япония должна была переть до Урала? От нее потребовалось бы только отвлекать на себя достаточные силы РККА на границе «местными боями», что в итоге не ушли бы на Запад, и Гитлер добил бы СССР к лету 42-го точно. На это сил у Японии хватило бы. Посчитайте, сколько сил перебросили с ДВО «под Москву», и прикиньте, что было бы, если бы их не было... Черчилля попросили бы прислать солдат? Но Япония в данной ситуации просто не желала воевать на два фронта — зимой 41-го она один уже получила...

Но есть еще один аспект: почему Сталину также нужен был «имидж жертвы агрессии» для СССР в войне с Гитлером. И о нем поговорим в следующей главе.

ГАЛЬДЕРЫ И ГОТЫ О «ПЛАНХ» СТАЛИНА

(Из протоколов допроса немецких генералов американцами после войны, или Почему Гитлер не напал на СССР 15 мая и были ли у вермахта «Планы прикрытия»)

Гитлер, нападая на СССР, заявил в своем меморандуме, что делает это исключительно для защиты Запада и Европы от агрессивных планов Сталина-СССР. Нападает первым только потому, что защищается от СССР, который сам собирается напасть первым. «Адвокаты Гитлера» все эти годы строили свои «доказательства агрессивных планов» Сталина, в основном опираясь на неутвержденные «планы от 15 мая» 1941 года да на красноармейских песнях с коминтерновскими воззваниями (деятельность которого Сталин к концу 1930-х сильно прижал, да так, что Троцкому пришлось спешно собирать новый «Коминтерн» для осуществления похеренной Сталиным «Мировой революции»). Ну, может, пытались притянуть как доказательство «агрессии СССР» то, что в РККА разработали военные разговорники к 1940 году на всех языках по всему периметру СССР.

Но буквально «на днях», в октябре 2011 года на военном форуме любителей истории¹, некто под «ником» «Patriot» выложил собственный перевод допросов Гальдера и Гота, немецких генералов, на Нюрнбергских процессах от 1948 года.

«Отправлено: 17.10.2011 г. 09:23. Заголовок: Гальдер о русских планах в 1941 (из протокола допроса 9 сентября 1948)»:

«Вот, на мой взгляд, интересные комментарии Гальдера относительно расположения советских войск в первой половине 1941. Сходство с открытиями основоположника

¹ <http://militera.borda.ru/?1-3-0-00001385-000-0-0-1318822122>.

поражает (Гальдер как Предтеча?). Имя допрашивающего в источнике не указано. Перевод с немецкого мой собственный (и не надо стрелять в пианиста, он играет как может!).

Из протокола допроса генерал-полковника Гальдера, ответы на вопросы Комиссии I военного трибунала IV (дело 11) в Нюрнберге, 9 сентября 1948 (стр. 20526f)

...Вопрос: Когда вы лично впервые обсуждали с Гитлером планы в отношении России?

Ответ: Это было 31 июля 1940, когда в его присутствии я разговаривал с фон Браухичем. Гитлер сообщил, что весной 1941 года возможно наше нападение на Россию, и высказал некоторые практические соображения о том, как такая атака могла быть проведена.

Вопрос: Была ли какая-то внешняя причина для такого решения Гитлера?

Ответ: Военные, без сомнения, много раз информировали его о все возрастающей силе русской армии, концентрирующейся против нашего восточного фронта. Я не могу наверняка сказать, какие именно политические причины привели Гитлера к такому решению, потому что я был не в курсе этих вещей в деталях. Я помню, впрочем, что отношение России к Румынии в это время играло важную роль, вопрос Бессарабии, Буковины и т.д.

Вопрос: Вы говорили о наращивании сил русской армии. Когда началась концентрация русских войск на границе?

Ответ: Это трудно определить. Даже первоначальное участие России в польских событиях может быть оценено неоднозначно: в восточной Польше был сконцентрирован непропорционально большой контингент войск. После того как ситуация с Польшей стабилизировалась, численность русских войск не уменьшилась, а наоборот, постоянно росла.

Вопрос: Как вы считаете, в момент вашего разговора с Гитлером в середине 1940, какова была численность русских войск на восточном фронте?

Ответ: Я не могу ответить на этот вопрос со всей определенностью. В то время мы использовали систему радиоразведки на Востоке, потому что наши силы там еще не были значительны. Насколько я помню, в докладах радиоразведки говорилось не менее чем о 100 дивизиях.

Вопрос: Какое количество немецких войск находилось в то время на Восточном фронте?

Ответ: Армия насчитывала около полдюжины дивизий, и не первого сорта. Кроме того, там находились силы многих организаций, включая полицию, таможенную службу, СС и т.д. Всего, если все эти неармейские силы сложить, мы имели примерно 20 дивизий.

Вопрос: Так что в общей сложности можно говорить о силах на Восточном фронте в размере примерно 25 дивизий?

Ответ: Насколько я помню. Я не могу сказать с уверенностью, без документов.

Вопрос: Как эти силы соотносились с силами и характером сосредоточения русских войск?

Ответ: Этих сил было совершенно недостаточно для обеспечения безопасности границы, это можно легко доказать фактами беспрепятственного перемещения русской агентуры, контрабандистов и т.д. Это значит, что об адекватном военном обеспечении границы тем более нельзя говорить (стр. 20530f)

Вопрос: И когда был отдан окончательный приказ?

Ответ: Приказ был отдан ОКВ 18 декабря. Он известен как так называемый «Приказ Барбаросса».

Вопрос: Каково было содержание Приказа Барбаросса в целом?

Ответ: Если говорить в целом, там содержался приказ вермахту подготовиться к тому, что все имеющиеся ресурсы будут предназначены для использования на Востоке. Никаких конкретных сроков и окончательных оперативных распоряжений там не содержалось.

Вопрос: Отдача приказа о проведении Барбароссы означала окончательное решение о нападении?

Ответ: Нет. Я могу здесь сослаться на раздел IV, который является последним разделом приказа Барбаросса. В этом разделе прямо сказано, что все приказы главнокомандующего армией и другими вооруженными силами должны трактоваться как меры предосторожности, то есть ставились в зависимость от последующих действий русских.

Вопрос: А кто получил этот приказ?

Ответ: Этот приказ был отдан армии, флоту и военно-воздушным силам.

Вопрос: Что произошло потом?

Ответ: Затем на основе этого приказа были разработаны планы сосредоточения и оперативные планы для армии. Вероятно, то же самое происходило и во флоте и в военно-воздушных силах, но это уже за пределами моих полномочий.

Вопрос: Что Гитлер предпринял далее?

Ответ: Развертывание и оперативные приказы, которые я только что упомянул, были представлены Гитлеру на рассмотрение 3 февраля. В этот день Гитлер отдал письменное распоряжение о начале процесса концентрации войск (стр. 20535f)

Вопрос: А что Гитлер говорил на ваших с ним встречах? Пожалуйста, начните обсуждение со стадии планирования нападения.

Ответ: Он вновь подчеркивал ненадежность политики России, которая никогда не будет мириться с сильной Германией. Далее, Гитлер говорил о необузданной экспансии русской политики, которая стала для него очевидной на встречах с Молотовым. В-третьих, он также дал понять, что оказался в затруднительном положении после того, как Запад не прекратил военных действий. Он неоднократно подчеркивал это. Он не мог бы допустить, чтобы русские сами определили точный момент начала неизбежной конфронтации Германии с Россией, потому что иначе эта конфронтация могла бы начаться в тот момент, когда военные действия на Западе снова активизировались, а эту ситуацию, ситуацию войны на два фронта, он должен был избегать любой ценой.

Вопрос: Отмечал ли Гитлер — мы все еще говорим о ваших с ним первых двух обсуждениях, что Россия готова к войне и будет нападать?

Ответ: Да. Продолжающееся численное превосходство русских войск было также упомянуто в связи с обеспокоенностью по поводу политической позиции русских.

Вопрос: Сколько сил русские сосредоточили за эти несколько месяцев, по-вашему?

Ответ: С точки зрения цифр, угроза, которую представляло собой сосредоточение русских войск на нашей восточной границе, не вызывает сомнений.

Вопрос: Могли бы русские атаковать в любое время?

Ответ: Да.

Вопрос: Могли ли я сделать вывод, что вы лично считали угрозу серьезной; вы ранее сообщали о заявлениях Гитлера по этому поводу.

Ответ: Я описал соотношение сил. Это была, — говоря в военном смысле, — скрытая постоянная угроза, ее острый характер, конечно, определялся политическими факторами. Картину не меняет и тот важный факт, что наши войска после прекращения военных действий во Франции зимой 1940/41 начали переброску на Восток. Мы всегда были против того, чтобы оставаться в столь значительном меньшинстве против русских.

Вопрос. Я вернусь позже к этим переброскам. Какова была ситуация в связи с балансом сил в начале 1941 года?

Ответ: В моих записях, сделанных в марте этого года, ситуация с военной точки зрения названа «опасной». Баланс был достигнут только в апреле 1941 в ходе нарастающего развертывания немецких войск».

Ну что ж, тут можно заглянуть и в дневник Гальдера за март 1941 года и сравнить, есть ли там подобные записи и называл ли он сам в марте 41-го ситуацию «опасной». Или немного приукрасил это на допросе в 1948 году, когда он и другие генералы пытались обелить себя. Эти дневники сами по себе интереснейший исторический материал, и поэтому стоит привести как можно больше записей из него. Тем более что сам Гальдер и расскажет, насколько они опасались нанесения СССР превентивного удара по Германии.

За 3 марта 1941 года:

«Этцдорф:

а. Результаты нашего сообщения русскому правительству о вступлении немецких войск в Болгарию. Изложены причины. Русские явно озабочены этим. Молотов вручил немецкому послу письменное заявление примерно следующего содержания:

1. События развернулись не так, как предлагали русские. Заслуживает сожаления, что в ответ на предложение русских от 25 ноября 1940 года, которое германское правительство считало приемлемым, последнее избрало путь нарушения интересов безопасности России. Вступление немецких войск

в Болгарию не соответствует точке зрения русских на их зону безопасности, в которую входит и эта страна (927. Советское правительство 3 марта 1941 года в последний раз попыталось предотвратить превращение Болгарии в сателлита Третьего рейха. В своем ответе Советскому Союзу царское правительство Болгарии пыталось охарактеризовать свой шаг как не нарушающий дружественных отношений между Болгарией и СССР. — Прим. ред.)¹.

2. Имперское правительство не может рассчитывать на поддержку со стороны России его действий в Болгарии (под этим, конечно, понимается дипломатическая поддержка)».

За 7 марта:

«4-й обер-квартирмейстер и начальники отделов иностранных армий Востока и Запада: Доклады об обстановке. В Англии — ничего существенно нового. В России картина группировки войск несколько прояснилась».

За 8 марта:

«Хойзингер: 3. Сосредоточение и развертывание русских войск на фронте и в глубине».

За 10 марта:

«Хойзингер:

а. Текущие вопросы.

<...>

г. Своевременно и в достаточном объеме начать окопные работы на русской границе. Усилить пропагандистскую работу в тыловых частях (949. Это были дезинформационные мероприятия, рассчитанные на введение в заблуждение советского командования. — Прим. нем. изд.)».

За 11 марта:

«Утреннее совещание: Имеются сведения о переброске русских войск из Московского военного округа в Смоленск и Минск. Сведения о новых дорогах в России. Дорожная сеть в России, видимо, лучше, чем мы до сих пор предполагали».

¹ Исходная нумерация примечаний сохранена.

А вот за 13 марта очень интересная запись о торговых отношениях с СССР в эти месяцы — это о том, как СССР тупо «дарил» Гитлеру сырье и продовольствие и гнал «эшелоны с зерном даже в ночь на 22 июня»:

«Вагнер (генерал-квартирмейстер):

а. В министерстве экономики состоялось совещание: Русские начинают становиться скупыми. Нефть поступает лишь небольшими порциями, за зерно затребовано 40% надбавки в цене. Мы прекращаем поставки угля и задерживаем поставку крейсера [«Лютов»]. Румынское производство полностью в наших руках. Годовое производство нефти должно увеличиться с 1,5 до 5,9 млн тонн.

б. Горючее. Авиационного бензина имеется в достаточном количестве на один год (в прошлом году нам было выделено 200 тыс. тонн). С автобензином и дизельным топливом очень туго.

Без русских поставок мы сможем на имеющихся запасах в случае крупного наступления прожить два-два с половиной месяца, после чего должны будем базироваться на наше собственное производство и на Румынию...»

За 14 марта:

«4. Операция «Барбаросса». Отправлено 2500 поездов с войсками 1-го эшелона.

<...>

Работники оперативного отдела (Хойзингер, Трольман, Гелен): Доклад об оперативных планах, разработанных штабами армий по операции «Барбаросса»:

12-я армия: Изолированное наступление одной дивизии на левом фланге в направлении Черновиц неверно. Необходимо задействовать на левом фланге (четыре) румынские горные бригады.

17-я армия: Венгерские и словацкие части должны быть отобилизованы за два дня до начала операции и подтянуты к фронту. На участке фронта между Тарнувом и Карпатами следует произвести демонстрацию (охранная дивизия и т. д.).

6-я армия: В целом я согласен с идеей массированного использования сил, но левый фланг следует нацелить несколько севернее (Ковель).

4-я армия: Все еще несколько ослабляет в отношении пехоты свою южную группировку и слишком близко располага-

ет центральную группировку к Белостоку. В остальном согласен.

9-я армия: Наступление на Ломжу — бесполезная трата сил. На северном фланге еще не обеспечено взаимодействие с 3-й танковой группой. Здесь между командованием танковой группы и армии еще не достигнута согласованность. Очевидно, командование армии не может договориться с командующим танковой группой и не хочет подчинять ему пехотные соединения.

18-я армия: Наши возражения учтены лишь в незначительной степени. И здесь вопрос о взаимодействии танковой группы Гепнера и пехотных корпусов требует дальнейшего урегулирования в духе наших требований.

16-я армия: Все еще очень широкий фронт; Необходимо усилить ее, по крайней мере, путем подтягивания резервов.

4-й обер-квартирмейстер и начальники отделов иностранных армий Востока и Запада: Доклад об обстановке:

<...>

Россия: Имеются данные о мобилизации четырех возрастов (речь идет только о пополнении соединений, так как специалисты уже находятся на службе). Отмечено подтягивание войск к границе в Прибалтике. Имеются сведения о перебросках войск из района Москвы через Минск к границе...»

16 марта — в эти дни немецкое командование на самом деле прикидывало возможность нападения на СССР с 16 мая:

«3. Наступление на Египет: Подготовить пополнение для одного танкового корпуса после высвобождения сил из операции «Барбаросса». Требуемое время — три-четыре месяца; начало поступления пополнений — в конце зимы.

«Барбаросса»:

1. Начало операции — 16. 5 (971. Так называемый день «Б» — установленный срок начала операции «Барбаросса». Срок был установлен директивой № 21 от 18 декабря 1940 года. — Прим. нем. изд.) — гарантируется сухопутными войсками, если 3-й эшелон войск, участвующих в операции «Марита», сможет начать сосредоточение 10.4.

2. Противник: Воздействие на Прибалтийские государства. Смоленск, Минск. — Транспортные перевозки по требованию [немецких] ВВС начаты раньше. Поэтому внимание [русских] уже усилилось. — Общая картина...»

Возможно, дату нападения на СССР «16 мая» и установили в декабре 1940 года, но в данном случае Гальдер привязывает ее к окончанию операции «Марита».

Операция «Марита» — это военные действия против Греции и экспедиционного корпуса англичан, высадившегося там (Гитлер потом плевался на эту дурную войнушку Муссолини, из-за которой ему пришлось переносить нападение на СССР). И тут Гальдер четко показывает, что «если 3-й эшелон войск, участвующих в операции «Марита», сможет начать сосредоточение 10.4.», то военные действия против СССР возможны в мае 1941 года. Закончить к 10 апреля операцию «Марита» не получилось... Она началась 6-го и завершилась 20 апреля 1941 г. А переворот в Югославии 27 марта только усугубил ситуацию.

Ну а далее Гальдер описывает дезинформирующие мероприятия на границе с СССР:

«Контрмероприятия: Окопно-земляные работы — также и в генерал-губернаторстве. Местное население — на тыловые рубежи! Всеобщее языковое упорядочение!..»

Проводились дезинформационные мероприятия для якобы подготовки обороны на границе — в случае нападения окопы по-«настоящему» как раз не копают для себя на самом деле. И уж тем более не строят бетонные огневые точки. Что немцы на самом деле и не делали, а вот в СССР именно строительством бетонных линий обороны активно в эти месяцы и занимались.

Если в СССР были «Соображения» о стратегическом развертывании войск на Западе и разработанные на их основе «Планы прикрытия и обороны» предусматривали именно оборону госграниц на случай возможного нападения Германии и прикрытия своих границ на время мобилизации и развертывания главных сил РККА, то у немцев в принципе не было никаких «планов прикрытия». Был

«Вариант Барбаросса» и были «Соображения» о стратегическом развертывании вермахта по этому «плану». Но никаких оборонительных мер там не предусматривалось в принципе. Только как дезинформация.

«3. Соотношение сил: Дополнительно (1972. Здесь речь шла. об усилении немецкой восточной армии за счет подтягивания румынских и венгерских дивизий. — Прим. нем. изд.) — Румыния: три отборные дивизии, одну мотомеханизированную дивизию, четыре кавбригады, четыре горные бригады — в Буковину. Остальные дивизии — для оккупации.

Венгрия: одна горная бригада — на левом фланге; остальные три бригады — резерв.

Изъятие сил без ущерба для операции «Барбаросса» невозможно.

Противник: 100 стрелковых дивизий, 25 кавалерийских дивизий, 30 моторизованных соединений. Итого — 155 дивизий.

Mw — 101 пехотная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 32 подвижные дивизии. Итого — 134 дивизии (1973 — Это соотношение сил записано на полях и подчеркнуто красным карандашом. О фактической группировке сил в период стратегического развертывания см.: Philippi, A. und Heim, G. (ibid.), S. 52; Erickson, J. (ibid.), S. 589. — Прим. нем. изд.)

4. Резервы ОКХ: Всего 21 дивизия (включая две танковые дивизии + одну моторизованную дивизию): из них девять дивизий участвуют в операции «Марита». Следовательно, гарантировано участие только 12 дивизий. Очень мало! [Еще] пять дивизий с Запада [из 12].»

Реально соотношение после окончания войны на Балканах оказывалось вполне сопоставимым: слишком большого превосходства СССР в войсках немцами на границе пока не наблюдается.

За 17 марта:

«Фюрер:

1. Операция «Марита»: Операцию следует проводить до тех пор, пока не будет захвачен плацдарм для обеспечения господства в воздухе над Восточным Средиземноморьем. Это,

следовательно, обуславливает необходимость овладения Атикой, а возможно, даже и Пелопоннесом. Провести операцию следует возможно скорее.

<...>

Вывод [начальника генерального штаба]: Нельзя рассчитывать на использование в операции «Барбаросса» тех войск, которые предназначены для операции «Марита».

2. [Высказывания Гитлера по поводу] операции «Барбаросса»:

а. Мы должны с самого начала одержать успех. Никакие неудачи недопустимы.

б. Нецелесообразно включать в план операции те силы, на которые мы не можем определенно рассчитывать. Что касается сухопутных войск, то мы можем с уверенностью рассчитывать только на немецкие войска.

Финские войска: От них можно лишь ожидать, что они атакуют Ханко и лишат русских [русский флот] возможности отхода в район Прибалтики.

На Румынию рассчитывать нельзя. Румынские соединения не имеют наступательной силы.

От Швеции ожидать нечего, так как мы ей не можем ничего предложить.

Венгрия ненадежна. Она не имеет никаких причин для выступления против России. Ее цели ограничиваются Югославией, и здесь ей будет кое-что предложено.

Словаки — славяне. Речь об их использовании, вероятно, пойдет позже (в качестве оккупационных войск).

в. Болота в районе Рокитно, по-видимому, не являются труднопроходимым районом (!). Очевидно, армии смогут здесь передвигаться (!) (1985. Восклицательным знаком Гальдер отмечал места, которые считал преувеличением в речи Гитлера. См.: Philippi, A. (ibid.), S. 19. — Прим. нем. изд.).

г. Группы армий «Север» и «Центр» должны продвинуться до р. Днепр, а затем под прикрытием Днепра развернуть свои силы на север. Захват Москвы не имеет никакого значения! (1986. После выхода наступающих немецких войск к Днепру Гитлер намеревался повернуть главные силы группы армий «Центр» на север для быстрого захвата Прибалтики. По другому его варианту предполагалось повернуть силы от Днепра на юг для захвата Украины, Донбасса и Кавказа. ОКХ,

однако, считало, что всех целей, в том числе и тех, о которых говорил Гитлер, можно будет достигнуть, если удастся занять Москву. Поэтому ОКХ настаивало на том, чтобы после выхода к Днепру продолжать наступление на московском направлении. — Прим. ред.).

д. Группа армий «Юг»: «Наступать повсюду — в принципе ошибочно» (1987. Дословная запись высказываний Гитлера. — Прим. нем. изд.). Реки Прут и Днестр — такие преграды, на которых задержится любое наступление. Оборона на Днестре гораздо прочнее, чем оборона на Рейне. Поэтому не следует наступать через Прут. «Этим мы только отгоним здесь русских, тогда как нам нужно сделать так, чтобы они остались».

е. Вывод: В районах, прилегающих к Румынии, следует задействовать ровно столько войск, сколько будет необходимо для ее обороны. Все остальное должно быть использовано севернее Карпат: фронтально, с дальнейшим усилением ударной группировки на северном фланге путем подтягивания новых подвижных соединений. По возможности скорее вывести танковые части из Румынии! <...>

Необходимости держать в Румынии слишком большую наступательную группировку не было, так как в случае успеха вермахта в Прибалтике, Белоруссии и на Украине советские войска на этом участке просто отойдут сами. А надо было, чтобы они остались на месте... В реальности ОдВО-ЮФ стал отводиться уже в первых числах июля. После того как КОВО-ЮЗФ стал разваливаться вслед за Западным фронтом Павлова....

«в. На Западе опасности нет. Налеты днем невозможны; возможность высадки десантов на Западе исключена. Отсюда можно выделить дополнительные силы для Норвегии (две-три дивизии).

<...>

д. Таким образом [переброской по морю] следует заменить одну горную дивизию. Другую дивизию можно попытаться подвезти морем в порты Ботнического залива незадолго до начала войны. Эти две дивизии не должны допустить высадки и укрепления англичан в Мурманске, а также использования противником пролива, ведущего в Белое море.

<...>

5. [Высказывания Гитлера] о тыловых районах: В Северной России, которая будет передана Финляндии, никаких трудностей. Прибалтийские государства отойдут к нам со своим местным самоуправлением. Русины будут нас приветствовать (Франк); Украина — неизвестно; донские казаки — неизвестно. Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан.

В Великороссии необходимо применить жесточайший террор. Специалисты по идеологии считают русский народ недостаточно прочным. После ликвидации активистов он расслоится. Кавказ позже будет отдан Турции (при условии его использования нами)...»

За 18 марта:

«Хойзингер: Обсуждение оперативных возможностей на основе изменений, касающихся операций «Барбаросса» и «Марита» (994. Так как Гитлер 17 марта намекнул на необходимость захвата всей Греции, соединения 12-й армии не могли быть использованы на Востоке ни в середине, ни в конце мая. Следовательно, ее задачи нужно было передать другой, 11-й армии. — Прим. нем. изд.).

Отвод 16-й танковой дивизии можно начать 25.3.

К 16.5 можно будет сосредоточить все подвижные соединения групп армий «Юг» в районе севернее Карпат; кроме того — туда же и дивизию СС «Викинг». Тогда танковая группа Клейста будет иметь в своем составе пять танковых дивизий, три моторизованные дивизии и лейбштандарт «Адольф Гитлер». Девять дивизий резерва ОКХ составят 2-й эшелон (группы армий) «А» [то есть группы армий «Юг» в Восточной кампании] и прибудут туда между 16.5 и 5.6.»

То есть уже в эти дни руководству Германии было ясно, что нападать «15 мая» Германия никак не сможет. Так 18 марта срок нападения переносился уже на июнь. И не из-за переворота в Югославии, который еще не произошел — он произойдет только 27 марта.

За 22 марта:

«Хойзингер и Грольман: Обсуждение оперативного плана Листа. Офицеры связи. Румыния. Оборона на Востоке. Вопрос об оборонительных мероприятиях на Востоке на случай русского превентивного наступления выходит на первый план. Однако мы не должны допустить принятия каких-то слишком поспешных мер. Я не думаю о том, что русские проявят инициативу...»

Как видим, сам Гальдер никакой опасности в концентрации советский войск на границе не видел. То есть меры, конечно, принять оборонительные можно, но увлекаться ими не стоит.

Однако 24 марта Гальдер вроде как обеспокоился некой «опасностью»:

«Паулюс, Хойзингер, Борк:

а. Ускорить подтягивание подвижных войск после ухода 14-го корпуса, а также 13-й и 16-й танковых дивизий из Румынии. Нельзя недооценивать опасности недостатка здесь немецких войск.

<...>

в. Требуется скорейшее извещение Румынии о необходимости создания сильной обороны на р. Прут (998. О политике Гитлера, державшего Румынию в неведении относительно готовящейся операции «Барбаросса», см.; Hillgruber, A. (ibid.), S. 131, 134. — Прим. нем. изд. — Румыния не находилась в неведении относительно планов Гитлера. Еще в середине января 1941 года Антонеску заявил Гитлеру о своей готовности участвовать в войне против СССР. Вскоре был подготовлен специальный документ, в котором говорилось, что «Румыния хочет участвовать всеми своими силами в военных действиях». — Прим. ред.).

г. 5.4 начинается отправка пяти дивизионов береговой обороны в Румынию...»

За 25 марта:

«Хойзингер:

а. Изменение в директиве по стратегическому развертыванию («Барбаросса») в связи с новым положением на южном крыле (на Балканах. — О.К.). Изменения в требованиях к ВВС.

б. Сравнение русских и германских сил в отношении готовности. До 20.4 мы гораздо слабее русских (1001. На Востоке в апреле и мае 1941 года имелось только 75 немецких дивизий. — Прим. нем. изд.). После 20.4 дивизии начнут поступать в таком количестве, что эта опасность будет полностью устранена. Наши базы снабжения, естественно, находятся под угрозой. Я думаю, однако, что, несмотря на это, не следует допускать заметного скопления войск в 1-м эшелоне...»

За 27 марта:

«12.00 — Вызов в имперскую канцелярию для совещания в связи с государственным переворотом в Югославии (1007. В ночь на 25 марта югославский премьер Цветкович и министр иностранных дел Маркович тайно выехали в Вену и там подписали Тройственный пакт. Когда об этом стало известно в стране, югославский народ выступил против правительства Цветковича. Массовые митинги, забастовки и демонстрации показали ненависть народов Югославии к фашизму. Радикальные круги югославской буржуазии, воспользовавшись ситуацией, совершили государственный переворот. Вместо прежнего кабинета был сформирован кабинет во главе с командующим военно-воздушными силами генералом Симовичем. Коммунисты Югославии после переворота активизировали антифашистскую деятельность. 5 апреля был заключен договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. — Прим. ред.).

13.00—14.30 — Совещание в имперской канцелярии: Фюрер требует возможно быстрейшего вступления в Югославию...»

Часто историки заявляют, что переворот в Югославии 27 марта привел к тому, что Гитлеру пришлось отложить нападение на СССР с 15 мая на середину июня. Как видите, это не так. Решение напасть на СССР не в мае, а в июне сложилось еще до этого переворота в связи с начавшимися ранее боевыми действиями в Средиземноморье, на Балканах. То есть Гитлер планировал нападение на СССР только после решения вопроса с Грецией и островами в Средиземном море. А переворот в Югославии, за которым стояли спецслужбы Англии, должен был сорвать, по замыслу ан-

гличан, продвижение Гитлера через Грецию далее в Турцию и Иран с Ираком. Нацелить того на именно нападение на СССР. Однако организованное коммунистами Югославии военное сопротивление Германии отвлекало на себя до 20 дивизий вермахта, которых как раз потом и не хватало Гитлеру в России. Но это было уже позже. Хотя некоторую обеспокоенность этот переворот и ввод в Югославию немецких войск вызвал:

«Я вел переговоры с оперативным отделом относительно возможностей проведения операции против Югославии и ее последствий для операции «Барбаросса»...»

За 29 марта опять появляется некая обеспокоенность, которую при этом сложно назвать существенной, и оценка штатов «танковых корпусов» РККА неверная:

«Кинцель: Сведения из Финляндии:

а. В европейской части России имеется на 15 дивизий больше, чем мы до сих пор предполагали.

б. Русский танковый корпус, расположенный в районе Пскова, состоит из двух танковых дивизий (по два танковых полка и одному мотострелковому полку в каждой).

в. Русские парашютно-десантные части: 10 бригад трех-батальонного состава.

<...>

Приказ об операции против Югославии отдан.

Из плана перевозок на Восток («Барбаросса») выпали две маршрутные переброски (1017. То есть была задержана переброска двух дивизий 2-го эшелона по плану стратегического сосредоточения. — Прим. нем. изд.).»

А далее интересная информация по Японии и о том, что 29 марта срок нападения на СССР ориентировочно уже был установлен — на 22 июня:

«Этцдорф: Переговоры с Мацуокой, по-видимому, идут успешно (1020 — Гитлеровское руководство пыталось склонить Японию к наступлению в южном направлении, то есть на Юго-Восточную Азию, чтобы связать там силы Англии, а в даль-

нейшем и США. По замыслу Гитлера, первым объектом усилий Японии должна была стать ключевая позиция англичан — Сингапур. Кроме того, в Берлине надеялись привлечь японский флот к борьбе против британского судоходства и, воспользовавшись успехами своего союзника, получать с Дальнего Востока стратегическое сырье, в частности каучук. Эти вопросы стояли в центре дипломатических переговоров Японии и Германии весной 1941 года. 26 марта японский министр иностранных дел Мацуока прибыл в Берлин. Его беседы с Риббентропом с 27 марта по 5 апреля охватывали широкий круг вопросов предстоящей агрессии Японии на Дальнем Востоке, и в частности вопрос о нападении на Сингапур. — Прим. ред.). Очевидно, намечено наступление на Сингапур. Сроки, однако, не установлены. Мацуоке было сообщено, что мы не заинтересованы в заключении русско-японского пакта о ненападении; достаточно заключения рыболовной конвенции и т. п. Статс-секретарь министерства иностранных дел уведомлен о сроке наступления против Югославии и сроке начала операции «Барбаросса» (1021. Это обстоятельство учитывалось в связи с запланированным воздушным налетом немцев на столицу Югославии. — Прим. нем. изд.)...»

Как видите, к 29 марта срок начала операции «Барбаросса» уже установлен, об этом поставлено в известность министерство иностранных дел Германии, и это точно не «15 мая».

После визита в Берлин японцы все же посетили Москву в апреле 1941 года и подписали с Москвой договор не о ненападении, а о нейтралитете. С одной стороны, Япония Гитлера «не обидела» — Договор о ненападении не подписала с Кремлем. А с другой — Сталин добился самого важного — в случае нападения Германии на СССР, СССР становится жертвой агрессии и Японии, «верной союзническому долгу» перед Гитлером, не придется нападать на СССР. Вот почему Гитлер настаивал, чтобы Япония не заключала подобные договоры о ненападении или нейтралитете с СССР. Ведь по «Берлинскому пакту» от 27 сентября 1940 года Япония обязана была напасть на того, кто нападет на Германию. А если Япония заключит с СССР подобный

договор, то в случае нападения на СССР Гитлеру будет намного сложнее «убедить» Японию ударить по Советскому Дальнему Востоку (подробнее об этом пакте и о том, почему Япония в июне 41-го так и не напала на СССР, говорилось в предыдущей главе).

Также из этой записи Гальдера видно, что срок нападения на СССР установлен был уже 29 марта. Историк А. Мартиросян пишет, что сам Гитлер озвучил эту дату уже 30 марта на большом совещании и об этом стало известно в Кремле Сталину. Также Гитлер озвучивал дату нападения на СССР 22 июня на некоем банкете 30 апреля, и об этом также стало известно в Кремле.

В «Соображениях» по стратегическому развертыванию немецких войск по плану «Барбаросса», подписанному 31.01.1941 года, первоначально на месте даты окончания развертывания (срока нападения) стоял прочерк. И в январе этот «прочерк» заполнен не был. Это установил в своей книге «Досье Барбаросса» (М.: Рейтар, 2011) исследователь В. Голицын. Но получается, что окончательную дату нападения на СССР вписали в эти «Соображения...» именно в конце марта 1941 года: «**«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день «Б») могло быть начато 21.6»**. А скорее всего даже в апреле 1941 года, когда этот самый день «Б» был окончательно узаконен.

За 30 марта. Как раз показано то самое совещание, на котором, возможно, Гитлер и озвучил вероятную и достаточно окончательную дату нападения на СССР — 22 июня. Эта запись очень интересна, и стоит ее привести достаточно полно:

«11.00 — *Большое совещание у фюрера (1027. См. высказывание Гитлера от 30 марта 1941 года, которое приводится в тексте, но не содержит того, о чем уже говорилось в записях Гальдера от 27 сентября 1939 года. См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Т. I, запись от 27.9 1939 г., а также: Greiner, A. (ibid.), S. 370; Hillgruber, A. (ibid.), S. 130; Von Bocks Tagebuch, vom 30. 3 1941 r. (Bundesarchiv Koblenz). — Прим. нем. изд.). Почти 2,5-часовая речь следующего содержания. Обзор положения после допущенной Англией 30 июня 1940 года ошибки,*

заклучавшейся в отказе от представившейся возможности заключить мир. Описание дальнейших событий. Острая критика итальянской дипломатии и военного руководства. От неудач Италии выигрывает Англия.

Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию.

Максимальный уровень производства в США будет достигнут только через четыре года (1028. Наивысшего уровня производство во всех отраслях экономики в Соединенных Штатах и Советском Союзе, по мнению Гитлера, могло достигнуть не раньше чем через четыре года. — Прим. нем. изд.). Транспортная проблема (1029. Видимо, имеется в виду проблема перевозки живой силы и техники из США на Европейский театр военных действий. См.: Мэтлофф, М. и Снэлл, Е. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., Изд-во иностранной лит-ры, 1956. — Прим. ред.)

Роль и возможности России: Обоснование необходимости [военного] разрешения русской проблемы. Только при условии окончательного и полного решения всех сухопутных проблем мы сможем выполнить стоящие перед нами задачи (в отношении техники и личного состава) в воздухе и на море в течение ближайших двух лет.

Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство (1030. Эти высказывания Гитлера отражают планы германского фашизма, монополий и военищины, направленные на уничтожение Советского Союза. В общих чертах они были сформулированы Гитлером еще в 20-х годах и стали основным содержанием внешнеполитической программы нацизма. — Прим. ред.).

Высказывание о русских танках (заслуживают уважения). 47-мм пушка, неплохие тяжелые танки, но в своей массе — устаревшие типы. По численности танков русские сильнее всех в мире, однако они имеют лишь небольшое количество новых гигантских танков с длинноствольной 105-мм пушкой (танки-колоссы весом в 42—45 тонн)».

Тут стоит прерваться — данная запись от 30 марта ясно показывает — немцы уже знали о существовании наших тяжелых танков типа «КВ» («танки-колоссы весом в 42—45 тонн»). Так как опытные образцы СССР уже применял в финскую кампанию. Немцы ошиблись с калибром танка? Да нет. Именно

в это время замнаркома по вооружению РККА маршал Кулик и начал носиться с идеей вооружить КВ подобным орудием. В это же время создавался «КВ-2», танк с орудием в 152 мм. И на самом деле этих танков на апрель 1941 года было очень немного... Несколько сотен всего. О существовании «КВ» немцы знали — его испытывали на «линии Маннергейма», однако о существовании «Т-34» немцы так и не узнали, пока не столкнулись с ними на поле боя.

«Русская авиация велика по количеству, но многие ее самолеты — устаревших типов, и лишь незначительное число — современные машины».

Тут как раз немцы «прошляпили», что в СССР в это время на вооружение активно поступали новые МиГ-1, МиГ-3, Як-1, Пе-2, Ер-2 и прочие. И счет шел на сотни и тысячи машин нового образца. Другое дело, что не все летчики успевали освоить новые машины к 22 июня.

«Проблема русской территории: Бескрайние просторы делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. Массированное использование авиации и танков на решающих направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район. В начале войны она должна установить господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому использовать ее нужно в тесной связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Никаких иллюзий по отношению к союзникам! Финны будут храбро сражаться, но их мало, и они еще не оправились от поражения [зимняя война 1939—1940 гг.]. От румын вообще ничего нельзя ожидать. Возможно, они будут в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать (1031. Эта точка зрения Гитлера нашла выражение в тех коррективах к директиве № 21, внести которые он распорядился после совещания 17 марта 1941 года. См.: Greiner, A. (ibid.), S. 365. — Прим. нем. изд.). Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить. Судьба крупных германских соединений не может быть поставлена в зависимость от стойкости румын.

Проблемы, связанные с Пинскими болотами: охранение, оборона, минирование. Мины!

Вопрос об отходе русских войск: Отвод (в Белоруссии? — О.К.) маловероятен, так как иначе теряется связь с Прибалтикой и Украиной. Если русские намереваются отойти, то они сделают это заблаговременно, иначе уже не смогут привести себя в порядок».

Стоит напомнить — основным фактором успеха по варианту «Барбаросса» было именно окружение и уничтожение советских войск, сконцентрированных на границе. В тех самых «выступлениях», Львовском и Белостокском...

«После разрешения задач на Востоке будет достаточно оставить там 50—60 дивизий (танки) (1032. См. докладную записку оперативного отдела генштаба от 15 июля 1941 года об оккупации и обеспечении русской территории: 56 дивизий, включая оперативную группу, предназначенную для операции на направлении Кавказ — Иран, считалось вполне достаточно для выполнения этой задачи. См. микрофильм Национального архива в Вашингтоне: ОКХ. Документы оперативного отдела, 1941 г. — Прим. нем. изд.). Часть сухопутных войск можно будет расформировать для перевода личного состава в авиационную промышленность и на военно-морские верфи; другая часть потребуется для новых военных задач, например для Испании (1033. Имелась в виду операция против Гибралтара, от проведения которой полностью еще не отказались. Последующая запись в дневнике, вынесенная на поля («Колониальные задачи!»), относится к замечанию Гитлера по поводу той политики, которую он хотел проводить на оккупированных территориях России и которая бы в смысле организации и обращения с населением этих территорий ничем не отличалась от старой колониальной политики Германии. — Прим. нем. изд.). Колониальные задачи!

Борьба двух идеологий: Уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет

о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника.

Будущая картина политической карты России: Северная Россия отойдет к Финляндии; протектораты в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии (1034. О планах территориального расчленения СССР см.: Поражение германского империализма во второй мировой войне. М., 1960, стр. 225—240. — Прим. ред.).

Борьба против России: Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции.

Новые государства должны быть социалистическими государствами, но без собственной интеллигенции. Не следует допускать, чтобы у них образовалась новая интеллигенция. Здесь будет достаточно лишь примитивной социалистической интеллигенции. Следует вести борьбу против яда деморализации. Это далеко не военно-судебный вопрос. Командиры частей и подразделений должны знать цели войны. Они обязаны руководить этой борьбой. Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и лица, принадлежащие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать как с преступниками. Поэтому командиры должны прочно держать в руках свои войска. Командир обязан отдавать свои приказы, учитывая настроения войск (1035. Это лишь краткое содержание отданного перед началом агрессии против Советского Союза чудовищного «приказа о комиссарах». Его полный текст см.: Нюрнбергский процесс. Документы и материалы. Т. 1. М.: Госюриздат, 1960. — Прим. ред.).

Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость — благо для будущего. Командиры должны пожертвовать многим, чтобы преодолеть свои колебания.

Приказ главкома сухопутных войск (1036 — Гальдер хотел предложить Браухичу отдать приказ о соблюдении дисциплины в качестве противовеса «приказу о комиссарах». Такой приказ был отдан 24 мая 1941 года. — Прим. нем. изд. — Это замечание западногерманских издателей можно рассматривать лишь как неудачную попытку снять хотя бы часть

ответственности с высших генералов вермахта. Никакие приказы «о соблюдении дисциплины» не могли даже в малой степени стать «противовесом» той идеологической обработке, которой подвергся вермахт перед нападением на СССР и в которой пресловутый «приказ о комиссарах» был лишь последней каплей. — Прим. ред.).

В середине дня — общий завтрак.

<...>

6. Операция «Барбаросса»: Доклад командующих группами армий и отдельных нижестоящих командующих (Гудериан). Ничего нового. За идею использования венгерских войск для наступления через Карпаты и за наступление с форсированием р. Прут выступил только Рундштедт, и притом очень умело¹.

Обеспокоенность Гальдера о количестве советских войск проявилась не в марте, а в апреле:

4 апреля:

«Доклад о положении в России: Отдел «Иностранные армии — Восток» теперь признает, что численность русских сухопутных войск в европейской части России следует считать большей, чем предполагалось до сих пор. (Это уже давно утверждали финны и японцы.) Предполагается, что войска русских насчитывают 171 стрелковую дивизию, 36 кавалерийских дивизий и 40 мотомеханизированных бригад (1068. Приведенные здесь данные свидетельствуют о том, насколько неполными были сведения гитлеровской разведки о численности советских войск в приграничной зоне. В данном случае (на начало апреля. — О.К.) количество стрелковых и кавалерийских дивизий указано неверно. Что же касается «мотомеханизированных бригад», то таковых приграничные округа вообще не имели. У западных военных округов были не бригады, а моторизованные корпуса в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий каждый. — Прим. ред.)

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. — М.: Воениздат, 1968—1971. Март 1941 года — есть в Интернете.

Вновь сформированный танковый корпус в составе трех дивизий дислоцируется, очевидно, в районе Ленинграда...

После окончания операции «Марита» будет произведена перегруппировка» (в целях обеспечения базы снабжения в Молдове)».

То есть подготовку к нападению на СССР прямо увязали с захватом Греции...

«Гальдер позаботился о том, чтобы его дневник не попал в руки гестапо. Вскоре после окончания войны, 5 июня 1945 года, дневник был передан американцам, которые направили его в центральный архив документов Нюрнбергского суда. Дешифровка дневника была поручена группе специалистов. Пользуясь консультациями Гальдера, они полностью воспроизвели текст дневника на немецком языке к 1947 году. В этом же году исторический отдел армии США в Европе размножил дневник на ротаторе на немецком и английском языках и разослал его во многие военные инстанции союзников. Семь тетрадей дневника охватывают период с 14 августа 1939 г. по 24 сентября 1942 года. Судьба же остальных тетрадей, относящихся к довоенному времени, пока неизвестна.

Подлинник дневника до настоящего времени хранится в архиве исторического отдела министерства армии США в Вашингтоне.

В 1956 году в распоряжение Гальдера была предоставлена полная фотокопия дневника (семь тетрадей). Сличив копию с размноженным на ротаторе текстом, Гальдер сделал заключение, что работа выполнена хорошо, но в некоторых местах требуются исправления.

В 1962—1964 гг. в ФРГ издан полный выверенный текст дневника Гальдера в трех томах. Редактировал и комментировал издание Г. А. Якобсен, причем над первым томом он работал совместно с бывшим офицером оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск А. Филиппи. В подготовке дневника к публикации принимал участие и сам Гальдер. Он внес в дневник некоторые дополнения и пояснения, а также отдельные новые замечания» (предисловие к «Дневнику»).

Как указал «Patriot», «Немецкие генералы вели такие Kriegstagebuch с 1850 года в обязательном порядке, как от своего имени, так и от имени боевых частей. Они предназначались для служебного пользования (из предисловия к немецкому изданию дневника Гальдера: «...состоит из семи книг с собственноручными, преимущественно стенографическими (габельсбергский шрифт), записями, предназначавшимися для текущего служебного пользования». Кстати, нечто подобное, некие служебные дневники вели и наши жуковы...

Последняя запись за март — от 31 марта. Как видите, в ней нет ничего касающегося «страха» немецких генералов или Гитлера перед «концентрацией» советских войск на западных рубежах СССР и того, что они ожидали удара от СССР в те дни. Но смотрим дальше, что рассказывал Гальдер американцам в 1948 году, вернемся к протоколу допроса Гальдера...

«Вопрос: Что Россия предпринимала в мае?»

Ответ: Основываясь на большом количестве данных, русские войска перебрасывались на запад и концентрировались в непосредственной близости от нашей восточной границы. Небольшой военный контингент концентрировался на румынской и финской границах».

Тут Гальдер не врёт — войска советские действительно в мае начали выдвижение из внутренних округов в западные, но все же в противовес выдвижению немецких войск, а не наоборот. Так что разведка немецкая вполне не зря свой хлеб ела. Однако стоит учитывать, что немцы часто принимали наши кавалерийские части по такой радиоразведке за танковые. Опять же, они смогли достаточно точно вычислить общее количество наших войск, но вот как раз в определении состава и структуры ошиблись...

«Вопрос: Я хочу показать вам схему, которую вы уже видели, это схема расположения советских войск в зоне действий 3-й танковой группы. Могу я попросить вас высказать свое мнение относительно этой схемы, имеет ли расположе-

ние советских войск оборонительный или наступательный характер, и если я могу попросить уточнить, на основе какой информации была эта карта составлена и насколько надежной была эта информация.

О т в е т : Сбор данных осуществлялся с помощью радиоразведки, которая позволяла нам определять местоположение радиотехнических средств командных подразделений противоположной стороны, как это делали и другие армии. Анализируя этот радиообмен, можно определить, кто кому был подчинен, а также некоторые сведения о количестве командных пунктов. Другая часть этой информации о численности войск противоположной стороны была собрана с помощью агентуры, которой располагало верховное командование вермахта.

В о п р о с : А теперь перейдем к характеру сосредоточения советских войск — было ли это наступательное или оборонительное развертывание?

О т в е т : Я считаю, что никакой военный специалист не сможет охарактеризовать это развертывание как оборонительное. Я, может быть, смогу кратко объяснить почему: немецко-русская демаркационная линия такова, что оккупированные Россией территории вклинивались на территорию Германии в западном направлении, и такие «балконы», например, как Белостокский, или недалеко от Лемберга (Львов. — О.К.) — особенно характерны. Есть также «выступы» и в других местах. Эта схема показывает хорошо выраженное сосредоточение русских войск в этих «выступах», вклиниющихся на запад. Никакие оборонительные силы не были бы сосредоточены в таких районах, вдающихся на территорию противника, где особенно высок риск оказаться отрезанным. Я хотел бы отметить, что взгляды русского командования, с которыми мы знакомы из русских руководств и уставов, полностью соответствуют немецким взглядам. Кроме того, характерно, что именно в этих областях на западе располагалась масса русских кавалерийских частей. Это можно объяснить характером использования «балконов» и только тем, что кавалерия должна была быть готова двинуться на запад. В случае обороны никто не будет располагать кавалерию в непосредственной близости от линии фронта. Характерно также и то, что моторизованные части также находились

на этих выступлениях в непосредственной близости от линии фронта. В случае обороны моторизованные части следует держать гораздо дальше от линии фронта для того, чтобы использовать их в том месте, где возникнет кризис. На этой схеме не все отражено, а именно, что русские строили и расширяли свои имеющиеся аэродромы в этих районах».

Тут Гальдер почти прав. Именно для наступления (не путать с нападением) и концентрировали наши генералы наши войска в этих «выступлениях» («балконах»). Для наступления после того, как враг нападет. Планировали и превентивный удар, но в итоге от него отказались. Но подготовку и концентрацию войск для немедленного ответного наступления готовили действительно.

Вопрос: Возвращаясь к этим «балконам», как вы их называли, могу я вас попросить разъяснить, были ли там сконцентрированы только кавалерийские и моторизованные части, или имело место массовое сосредоточение других частей?

Ответ: Крупнейшее сосредоточение войск наблюдалось на всей территории этих выступов, замечу, что эта карта показывает ситуацию с размещением советских войск на 23 апреля и на 1 июня, и при сравнении видно, что больше всего растет число войск именно в этих, вдающихся на запад районах (стр. 20539f)

Вопрос: Учитывая важность вопроса, я должен снова задать вопрос. Можно ли сбрасывать со счетов возможность, что сосредоточение имело своей целью подготовку русских не к нападению, а для целей обороны? Не было ли у вас другой информации о намерениях русских кроме сведений о характере их сосредоточения?

Ответ: Я полагаю, уже сказал, что развертывание русских войск в случае их оборонительных намерений должно было быть структурировано совершенно по-другому. В любом случае это технический вопрос, который потребует длительной лекции. Я не думаю, что вы хотели бы услышать такую лекцию сейчас. Помимо этой концентрации, которая в соответствии с нашими взглядами — и это мнение не только мое личное, но и моих сотрудников — была совершенно ясна, в нашем распоряжении были и несколько других источников

информации, важной для оценки фактов, которые проливали свет на уточненные оперативные планы русского нападения.

***Вопрос:** Что это были за источники?*

***Ответ:** Эти сообщения поступали из разведслужбы верховного командования.*

***Вопрос:** И в какой степени донесения об оперативных планах русских и информация о сосредоточении русских войск соответствовали друг другу, они полностью соответствовали друг другу, или давали повод для сомнений?*

***Ответ:** Их согласованность поражает.*

***Вопрос:** Знаете ли вы, откуда поступала эта информация?*

***Ответ:** Насколько я помню, эта информация поступила из Финляндии, и она давала действительно очень хорошее представление о русских, частично из Турции, — то есть, конечно, из наших источников в этих странах».*

На самом деле грань между подготовкой нападения первыми и подготовкой наступления встречного, но после того, как враг границу перейдет, практически незаметна. В книге «Адвокаты Гитлера» суть такого наступления силами приграничных округов была показана — она при общей объективной неготовности главных сил РККА в тылах на момент вражеского нападения должна была привести именно к тому, что и произошло — к разгрому Красной армии в первые же недели войны.

По замыслу «Соображений по стратегическому развертыванию РККА...» от августа-сентября 1940 года — марта 1941 года и разработанных на их основе «Планах прикрытия» госграницы предусматривалось следующее. В случае нападения находящиеся загодя в повышенной боевой готовности приграничные дивизии по боевой тревоге (или отдельным приказом, отданным заранее) приводятся в полную б/г и выводятся на свои рубежи обороны. Срок — до 30 часов для полной готовности этих дивизий умереть героически на границе на своих рубежах обороны. В помощь им в мае создали противотанковые бригады (около 10 бригад), которые выдвинули к границе к середине июня, и 19–20 июня их уже поднимали по тревоге и отправляли на их рубежи обороны для выбивания танков вермахта на танкоопасных направле-

ниях. И некоторые из них действительно 22 июня уже принимали бой, находясь именно на отведенных им по Планам прикрытия рубежах, на своих рубежах в обороне.

Еще до развертывания приграничных дивизий дивизии второго эшелона и резервы в составе мехкорпусов второй линии должны были приводиться в повышенную боевую готовность и выдвигаться в районы сосредоточения, и эти районы были определены от границы до 100 км. Как верно сказал Гальдер — «моторизованные части следует держать гораздо дальше от линии фронта для того, чтобы использовать их в том месте, где возникнет кризис».

В реальности дивизии второго эшелона западных округов получили приказ Генштаба и начали выдвигаться в свои районы сосредоточения задолго до 22 июня.

ЗапОВО (Белоруссия) — 11 июня 1941 года, директивой НКО и ГШ, подписанной 11 июня, в которой было указано: «Для повышения боевой готовности войск округа все глубинные стрелковые дивизии и управления стр. корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859/сс/ов)». Директива НКО за № 503859/сс/ов — это директива НКО от 5 мая на разработку новых (уточненных) планов прикрытия ЗапОВО.

КОВО (Украина) — 15 июня 1941 года, директивой НКО и ГШ № 504205 от 12 июня. В данной директиве указывалось несколько другое — касающееся не только стрелковых дивизий и корпусов как для ЗапОВО: «Для повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии и управления корпусов с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря, согласно прилагаемой карты».

ПриОВО (Прибалтика) также 14–15 июня получил свою директиву НКО и ГШ от 12 июня на выдвижение «глубинных дивизий и корпусов» в сторону границы (она пока не опубликована).

При этом по директиве для ЗапОВО видно, что округ готовят для обороны — выводят дивизии в районы, предусмотренные Планом прикрытия госграницы. ПриОВО, скорее всего, также выводили «в районы, предусмотренные ПП». А вот КОВО точно выводили для нанесения наступательного удара. Как только враг границу перейдет.

В директиве для ЗапОВО указали: «Приграничные дивизии оставить на месте, имея вывод их на границу в назначенные им районы, в случае необходимости будет произведен по особому моему приказу». То есть приграничные дивизии ЗапОВО должны были выводиться для обороны в районы, предусмотренные для них в Плане прикрытия, «в назначенные им районы». А вот для приграничных дивизий КОВО было указано: «Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к госгранице, в случае необходимости, может быть произведен по моему особому приказу». Приграничные дивизии КОВО также должны были участвовать в наступлении сил округа на врага. И это было самым дурным в идеях Тимошенко—Жукова — оставить на границе слабое прикрытие из стрелковых батальонов с отдельными артдивизионами для усиления против возможных танковых клиньев вермахта. А все силы округов готовить именно для встречного наступления!

Достаточно подробно данные директивы — о чем они и в чем их суть — разобраны в книгах «Кто проспал начало войны?», «Адвокаты Гитлера» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?», и поэтому отдельно останавливаться на них не будем.

Готовили ли эти дивизии для превентивного нападения? Нет. Дело в том, что если до 10—11 июня о дате нападения знали в Кремле как о возможном сроке, не подтвержденном документами (приказами Гитлера), и таких сроков до 10 июня Москва получала с разными датами нападения, то начиная с 11 июня точную дату нападения Германии уже знали как подписанный приказ, факт. Ведь Гитлер 10 июня приказ о нападении на СССР подписал, и 11—12 июня он пошел в вермахт. И это стало известно в Москве. И времени подготовить превентивное нападение у Сталина просто технически не оставалось после 11 июня.

После того как Берлин промолчал на «Сообщение ТАСС» от 13—14 июня, подписанные 12 июня директивы НКО и ГШ о выдвижении дивизий второго эшелона западных округов в сторону госграницы были вечером 14 июня отправлены в Киев и Ригу. Согласно дневниковым записям Гальдера же от 20 июня Молотов 18 июня напрашивался на встречу с Гитлером — для выяснения ситуации: «г. Моло-

тов хотел 18.6 говорить с фюрером». То же самое о Молотове указал в своих дневниках и Геббельс: «21 июня 1941 г. Суббота. Вопрос о России с каждым часом становится все драматичнее. Молотов (вчера) попросил визита в Берлин, но получил резкий отказ...» Геббельс указал другую дату запроса Молотова (наркома иностранных дел СССР), и либо Геббельс ошибся с датой, либо Молотов не один раз пытался встретиться с Гитлером по команде Сталина, что вполне возможно. Хотя официальные немецкие источники подтверждают только один запрос от Молотова на эту встречу.

11–15 июня приводились в повышенную боевую готовность дивизии второго эшелона западных округов, и в эти же дни привели в повышенную б/г и флот СССР. И Геббельс это также отметил в своем дневнике: *«15 июня 1941 г. (воскресенье). (...) Из перехваченной радиogramмы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский военно-морской флот. Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать. Но подготовка проводится крайне дилетантски. За настоящую акцию ее всерьез принимать нельзя...»* (Приведение в повышенную б/г на флоте началось примерно с 14 июня для проведения «учений», а 18 июня всем флотам, кроме ТОФ, дали команду перейти в готовность № 2.)

Однако у Гальдера практически ничего не указано о том, что в западных округах шло повышение боеготовности войск РККА и выдвижение войск из глубины округов в сторону границы. 8 июня он отписал:

«8 июня 1941 года (воскресенье).

Английские войска вступили в Сирию.

Берлин. Визит к Лейхеррам. Съёмки на цветную пленку.

Полет на самолете вдоль восточной границы через Варшаву (фон Хобе), Бяла-Подляска, Брест-Литовск до Тильзита. Обратный полет через Фришес Хафф, Данциг, Гдыню.

Совещания с начальниками штабов 12-го армейского корпуса (Вальденбург), 47-го армейского корпуса (Бамлер) и офицерами службы генштаба в этих дивизиях. Все хорошо проинструктированы, у всех превосходное настроение. Подготовка будет закончена к 22.6...»

То есть приказ на нападение Гитлером на 8 июня еще не подписан, но, как планировали в «Соображениях» к «Барбароссе» 29—30 марта, подготовка должна закончиться именно к 22 июня, и немцы сроки выдержали.

Впрочем, о повышении боеготовности советских войск Гальдер также отписал:

«13 июня 1941 года.

Обсуждение обстановки:

<...>

Из Румынии сообщают о скоплении кораблей, которые находятся в боевой готовности, юго-западнее Одессы. С железнодорожного моста [у Чернавода] сняты рельсы...

Маленькое примечание — немцы рельсы с мостов не снимали, планируя нападать. А мы снимали... Читаем далее за 13 июня:

«Совещание с главкомом после его возвращения с Востока:
а. Общее впечатление отрадное. Войска в хорошем состоянии. Все вопросы, связанные с подготовкой операции, в общем продуманы хорошо.

Нерешенный вопрос — время начала наступления. Часть командиров корпусов предлагает начать наступление на рассвете, а не в 3.30. Действия в случае наступления противника до того, как мы нападём сами.

Обращение к войскам в связи с наступлением на Россию.

Причины! (1331. В обоснование начинавшейся 22.6 1941 г. войны против Советского Союза Гитлер издал приказ (известен как «Обращение к немецкому народу»). Текст его см.: Der großdeutsche Freiheitskampf, Bd. III. Hrsg. v. P. Bochler, München, 1944, S. 51, а также записи от 21 июня 1941 года. — Прим. нем. изд.)»

Начало выдвижения войск в Белоруссии с 11 июня немцами пока не замечено.

«14 июня 1941 года.

<...>

После обеда фюрер произнес большую политическую речь, в которой мотивировал причины своего решения напасть на

Россию и обосновал то положение, что разгром России вынудит Англию прекратить борьбу.

<...> При этом было решено, что начало наступления переносится с 3.30 на 3.00».

Время указано берлинское, то есть — на границе будет 4.00. Так что когда говорят, что война началась в «4 часа утра», то это совершенно верно — война началась по приграничному, советскому времени, в 4 часа утра и в 4 часа утра по Москве. Но первые авианалеты начались даже в 3.30 утра. А боестолкновения с пограничниками, те самые «провокации», на которые нельзя было поддаваться, начались и в 2.00 ночи.

«16 июня 1941 года.

Донесения об обстановке:

<...>

б. Оперативная зона русского флота. Деятельность русских сторожевых кораблей в районе Ханко и у западного выхода из Финского залива.

<...>

Буле: Подготовить 900-ю бригаду (1339. О 900-й учебной моторизованной бригаде см.: Müller-Hillebrand, B. Das Heer. Bd. II, S. 181. — Прим. нем. изд.)

Использовать ее в районе Остроленки в интересах группы армий «Б» с задачей не допустить прорыва русских войск из «мешка» под Белостоком. В дальнейшем использовать как резерв ОКХ».

«20 июня 1941 года.

<...>

Вечером поступило воззвание фюрера к войскам по поводу «Барбароссы». Нарочито политический тон воззвания, слишком многословного для призыва!

<...>

Совещание с разбором обстановки:

а. Условный сигнал «Дортмунд!» [приказ о начале наступления], означающий проведение операции, передан.

<...>

Сведения о противнике: На отдельных участках замечена повышенная внимательность русских. (Перед фронтом 8-го армейского корпуса противник занимает позиции.) В Финляндии официально объявлена мобилизация».

«VIII АК» располагался в аккурат напротив 86 сд и 113 сд 5 ск 10 Армии юго-западнее Белостока!

Далее Гальдер приводит соотношение сторон на 20 июня:
«Общий состав сил

<i>Германия (для операции «Барбаросса»)</i>		<i>Россия (на всей европейской территории)</i>
<i>Пехотные дивизии + горнопехотные</i>	<i>102*</i>	<i>154</i>
<i>Танковые дивизии</i>	<i>19</i>	<i>10</i>
<i>Моторизованные дивизии</i>	<i>14**</i>	<i>37 мехбригад</i>
<i>Кавалерийские дивизии</i>	<i>1</i>	<i>25S</i>
<i>Спецсоединения</i>	<i>5***</i>	<i>—</i>
<i>Итого</i>	<i>141 соединение дивизионного состава</i>	<i>213 соединений дивизионного состава +</i>
<i>* В том числе 4 легкие пехотные и 2 горноегерские дивизии.</i> <i>** В том числе 4 дивизии СС.</i> <i>*** В том числе 3 охранные дивизии и 2 дивизии 15-й линии. + 37 механизированных бригад пересчитаны в меньшее количество соединений дивизионного состава».</i>		

Как видите — ничего о повышении б/г РККА запокругов нет. Впрочем, в датах большие пропуски между числами. По несколько дней Гальдер ничего не писал. В это время он либо разъезжал с проверками готовности войск к нападению, либо эти дни в свое время изъяты при публикации — «М.: Воениздат, 1968—1971».

Возвращаемся к протоколу допроса Гальдера:

«Вопрос: Мы уже довольно подробно поговорили о характере сосредоточения русских войск, я хочу теперь, чтобы мы перешли к вопросу о времени. В какой момент противник, учитывая его ситуацию, мог бы начать нападение, и, возможно, вы примете во внимание не только самый последний момент, который мы только что обсуждали, но посмотрите на весь период времени начиная с 1939 года.

Ответ: С чисто военной точки зрения атака была возможна в любое время. Нападение русских было бы возможно

в 1939 году, было возможным в 1940 году и было бы все еще возможно после завершения нашего развертывания, потому что была также обеспокоенность относительно того, что русские могли бы захватить инициативу и наше развертывание должно это предусматривать».

Судя по дневниковым записям Гальдера, по горячим следам видно — в июне 41-го немцы не ждали нападения РККА. Также они даже теоретически не ждали нападения ни в 1939-м, ни в 1940-м. Что и писал Гальдер в то время...

Вопрос: *Знаете ли вы, разделял ли Гитлер эту точку зрения?*

Ответ: *Да, я знаю, что он ее разделял, потому что один раз он даже потребовал изменить наше сосредоточение, потому что оно, как ему показалось, не обеспечивает достаточную защиту от атаки русских на запад с территории Белостокского выступа.*

Вопрос: *Если я правильно понимаю, он боялся нападения русской стороны во время продолжающегося сосредоточения немецких войск?*

Ответ: *Да, это так».*

Для подобных утверждений желательно иметь какие-то факты. Хотя если рассматривать «с чисто военной точки зрения», то это нормально — опасаться удара с нашей стороны, пока идет только сосредоточение немецких войск на границе. Ведь в этот момент войска наиболее уязвимы. Как оказались потом уязвимы наши войска, которые после 22 июня продолжали сосредотачиваться в то время, когда немцы всюду атаковали.

Но самое интересное, что даже Гитлер говорил такие слова насчет того, что он ждет от России. В беседе с Муссолини еще 20 января 1941 г. Гитлер заявил:

«...Самая большая угроза — огромный колосс Россия. Хотя Германия подписала с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, все же лучше полагаться на свои силовые средства. Но при этом весьма значительные силы связаны на русской границе, не позволяя направить достаточ-

ное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота. Пока жив умный и осторожный Сталин, никакой опасности нет. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас отошли на задний план, могут вновь выдвинуться на первый план...»¹.

Как видите — «с чисто военной точки зрения» опасения, конечно, были, и это нормально. Но с политической точки зрения — нет.

Далее «Patriot» приводит показания генерала Германа Гота, сделанные 10 июля 1948 года, и карту расположения советских войск, которую показывали ему и Гальдеру. В этих показаниях Гот более точен в оценке того, к чему готовились, по мнению немцев, РККА и СССР:

«Показания генерал-полковника Гота

Я, нижеподписавшийся Герман Гот, родившийся 04/12/1885, в настоящее время находящийся в тюрьме Нюрнбергского трибунала, поставлен в известность, что я буду привлечен к ответственности, если я сделаю ложное показание под присягой. Я заявляю под страхом наказания за лжесвидетельство, что я убежден в справедливости моей экспертной оценки относительно предъявленных мне материалов. Я осознаю, что мое мнение будет использовано в качестве свидетельства на заседаниях трибунала IV, проходящего во Дворце правосудия в Нюрнберге, Германия, заслушивающего дело 11.

I.

В 1940 году в звании генерала от инфантерии я занимал должность командующего XV армейским корпусом, и в 1941 году в звании генерал-полковника я занимал должность командира 3-й танковой группы.

II

Первое. Прилагается приложение к подписанному мной докладу, а именно фотокопия карты «Оперативная карта расположения частей Красной Армии», составленная отделом Ic 3-й танковой группы. Этот отдел занимался сбором всех све-

¹ Цитируется по Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. М. 2008, с. 347.

дений о противнике. Информация была рассортирована по папкам, которые были запрошены представителями обвиняемых военным судом V по делу номер 12 и доступны для рассмотрения. Доклад содержит сообщения, которые поступили с начала 1941 года относительно танковых частей Красной Армии, противостоящих 3-й танковой группе. Карта была направлена нам верховным командованием вермахта и отображает состояние Красной Армии на 23 апреля 1941 и 1 июня 1941 года. Карта была составлена на основе данных радиоразведки.

Второе. 23 апреля 1941 на западной границе России от Арктики до Черного моря на глубину до примерно 300 км были идентифицированы:

106 пехотных дивизий, 20 кавалерийских дивизий, 22 моторизованные бригады (в составе бронетанковых войск, находящихся на стадии реорганизации). Эти силы были в это время довольно равномерно распределены по всей линии фронта. Исходя из характера развертывания, установить их конкретные оперативные цели не представлялось возможным. В то же время в Польше и Восточной Пруссии немецкие войска были слабее по сравнению с силами Красной Армии, находящимися в глубине русских позиций.

Третье. На 1 июня 1941 года русские войска насчитывали 132 пехотные дивизии, 21 кавалерийские дивизии, 36 моторизованных бригад (см. выше). Даже на этот момент было обнаружено всего пять танковых дивизий».

Гальдер тоже показал соотношение сторон на 20 июня в своем дневнике, но он 20 июня хотя бы указал — немецкие войска на границе или непосредственно на ней и для действий по «Барбароссе», а советские — на всей европейской территории СССР. То есть можно считать — от Бреста до Москвы...

«Сейчас уже видно сосредоточение русских войск за линией Черновиц—Вильно. Здесь находились: 76 пехотных дивизий, 15 кавалерийских дивизий, 21 моторизованных бригад, почти две трети от общего количества выявленных частей. Единственная возможная интерпретация — подготовка Россией нападения на генерал-губернаторство. Степень и характер

сосредоточения этих сил позволяет предположить, что это нападение нельзя было ожидать ранее, чем через две недели.

На Белостокском выступе в очень ограниченном пространстве находились 32 пехотные дивизии, 6 кавалерийских дивизий, 10 моторизованных бригад, некоторое количество танковых дивизий. Они составляли сильную угрозу вторжения в южную Восточную Пруссию, вследствие этого нападения восточная часть Пруссии была бы отрезана».

Не совсем понятно — это Готу «сейчас уже видно», в июле 1948 года, или было «видно» и в июне 1941-го?

«Четвертое. Большая часть немецких войск прибыла на восточную границу до 20 апреля 1941 года. Танковые дивизии были переброшены только в последние недели перед атакой.

Нюрнберг, 10 июля 1948 года.

Подпись генерал-полковника Германа Гота в связи с вышеизложенным мнением и прилагаемой картой настоящим удостоверяется.

Подпись: д-р Юстус Кох».

Далее «Patriot» ответил на вопросы:

«-- Почему документ датирован 1948, а не 45--46?

— После процесса 1945—1946 американцы провели еще 12 судов в своей оккупационной зоне, которые также прошли в Нюрнберге. Дело 11 называется неофициально «Ministries Trial» или официально «The United States of America vs. Ernst von Weizsäcker, et al». Слушания начались 6 января 1948, и приговор был оглашен 13 апреля 1949. Наиболее известный подсудимый по этому делу — Вальтер Шелленберг.

— А когда и где американцы все это опубликовали?

— Это не американцы. Это из Серафима (нет, не ангела, скорее наоборот). Вот такой вот источник:

«Hans-Gunther Seraphim. Die Deutsch-Russischen Beziehungen 1939—1941, Hamburg 1949». Допрос Гальдера, например, приведен на стр. 62—68.

Но на самом деле американские протоколы в архивах тоже существуют, конечно. Только вряд ли они опубликованы полностью. Там, наверное, тонны этого добра —

говорили долго и много. И на самом суде, и на предварительных допросах. Я поищу оригиналы, если попадется, посмотрим, кто и что говорил про 22 июня. Серафим мог действовать и так: все, что ему понравилось — упомянул, а что нет — забыл. Я бы и материалы суда над Манштейном с интересом посмотрел бы, по слухам, он рассказывал там, как заступался за русских военнопленных. Но что-то ему не сильно поверили. Тоже все в архивах пока, кроме выдержек. А архивы в Лондоне, потому что его англичане судили. Но это уже другая тема.

И наконец, на закуску выписка из показаний под присягой бывшего группенфюрера СС Рихарда Хильдебрандта (Нюрнбергский военный трибунал IV, дело 11):

«...В 1942 году в Берлине в частной квартире состоялось заседание, на котором присутствовало кроме меня и русского генерала Власова несколько других людей, в том числе бывший советник нашего посольства в Москве, г-н Хильгер.

По этому поводу я задал вопрос Власову, собирался ли Сталин атаковать Германию и когда такая атака должны была начаться. Власов ответил, что нападение было запланировано на август / сентябрь 1941 года. Русских сильно задерживало плохое состояние их железнодорожной сети. Гитлер видел ситуацию совершенно правильно и ударил прямо в центр русского развертывания. Власов также видел в этом причину первоначальных немецких успехов. Это заявление Власова было настолько конкретным и точным, что я ни тогда, ни сейчас не имел ни малейшего сомнения, что это соответствовало действительности.

Власов добавил, что нападение на Германию было частью программы большевизма, а затем продолжил, и я передаю его слова как можно точнее: «Будьте уверены, г-н Хильдебрандт, эта программа была и остается программой России. Советский Союз может менять, исходя из соображений целесообразности, свою точку зрения, но цель остается той же самой».

Затем он описал русский менталитет как смесь имперских и мессианских целей, заявив, что «Россия действительно уверена в том, что мир может быть спасен посредством его завоевания...»

— Да, это явно посильнее, чем Фауст Гете. «Мир может быть спасен посредством его завоевания»....

— До начала войны Власов был командиром не того уровня, которому бы довели план войны, если бы такой был разработан — так что здесь он явно набивал себе цену». (Форум «Милитера», 17.10.2011 г.)

Также некто «К. Закорецкий» на своем сайте <http://zhistory.org.ua/keitel.htm> выложил «ФРАГМЕНТЫ МАТЕРИАЛОВ ДОПРОСА ФЕЛЬДМАРШАЛА КЕЙТЕЛЯ 17.06.1945 (Опубликовано в газете «Киевские новости», № 21 за 15.05.1998)», в которых показан допрос Кейтеля, но уже советскими следователями (выделено мною. — О.К.):

«Совершенно секретно.

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР

Комиссару Государственной Безопасности 2 ранга

Товарищу И.А. Серову.

Согласно Вашего указания, 16-го июня с.г. я прибыл в г. Франкфурт-на-Майне для переговоров с начальником штаба Эйзенхауэра о допросе находящихся в плену у союзного командования членов германского правительства и военных руководителей гитлеровской армии.

Мне было дано письмо генерал-полковника тов. Малинина на имя начальника штаба Эйзенхауэра генерал-лейтенанта Митта и удостоверение, уполномочивающее на ведение переговоров. В качестве переводчицы при мне находилась майор госбезопасности Френкина. Одновременно, по указанию тов. Малинина, со мной во Франкфурт выехали полковник разведотдела штаба маршала Жукова Смыслов, капитан Безыменский и полковник разведотдела военно-морского флота Фрумкин.

В тот же день я был принят генерал-лейтенантом Смиттом и, передав ему письмо, изложил цель своего приезда.

...

На второй день нас принял генерал-лейтенант Стронг.

...

После этого мы в сопровождении майора Мак-Каски и лейтенанта Бертолиуса выехали в Люксембург, к месту

содержания военнопленных, где были встречены начальником специального лагеря полковником Эндриусом.

Оказалось, что пленные — члены гитлеровского правительства и военные руководители Германии — содержатся в одном из лучших отелей курорта Мондорф, что в 15 километрах от Люксембурга. Прекрасно оборудованное четырехэтажное здание с окнами, заделанными легкими решетками, огорожено колючей проволокой. В этом здании каждый заключенный имеет отдельную комнату с хорошими постелями и другими бытовыми удобствами. Изоляция друг от друга условная, так как в течение дня они имеют возможность несколько раз встречаться друг с другом во время приема пищи, а также во время игры в шахматы.

...Созданная нам обстановка и условия для работы были такие, что ожидать серьезных признаний от арестованных было нельзя. Постоянное присутствие на допросах англо-американских офицеров дало возможность арестованным держать себя независимо и от правдивых ответов уклоняться.

Все они дают показания военно-исторического характера, но совершенно уклоняются от дачи показаний по конкретным вопросам, связанным с местопребыванием военно-политических преступников Германии, а также относительно злодеяний, которые осуществлялись немецкими солдатами и офицерами по отношению к советским гражданам.

...Свою преданность Гитлеру и активное участие в войне они объясняют, с одной стороны, принятием на себя присяги, с другой — якобы тем фактом, что Гитлер сумел внушить не только народу, но и им — высшим генералам — уверенность, что к войне Германию вынудил Советский Союз, готовивший на границах военные мероприятия в широких масштабах.

Геринг, безусловно, много знает, но показаний при такой обстановке не дает. Он улучил момент и шепнул переводчику, что хотел бы, чтобы его допросили без представителей союзников, так как может сообщить кое-что важное. Однако такой возможности у нас не было.

Начальник
5 отдела 3 управления НКГБ СССР,
полковник Госбезопасности Поташев

24 июня 1945 года. (Из докладной записки.)

**Краткая запись результатов допроса германского
генерал-фельдмаршала Кейтеля Вильгельма**

От 17 июня 1945 года.

Кейтель Вильгельм — генерал-фельдмаршал, 62 лет, начальник генерального штаба Вооруженных сил Германии.

— Когда вас назначили на пост начальника генерального штаба Вооруженных сил Германии?

— Я являюсь начальником генштаба Вооруженных сил Германии с 1935 года и, исполняя эти обязанности, руководил разработкой, организацией и проведением операций Вооруженных сил страны — сухопутной армией, ВВС и ВМФ...

...

— С какого времени Германия начала подготовку к войне против Советского Союза и какое участие вы принимали в этой подготовке?

— Вопрос о возможности войны с Советским Союзом впервые встал с некоторой определенностью к концу 1940 года. В период осень 1940 — зима 1940/41 года никаких конкретных мероприятий генштабом не предпринималось. В период зимы 1941 — весны 1941 года война на Востоке считалась почти неизбежной, и генштаб начал подготовительные мероприятия и разработку планов войны.

Генштаб располагал данными, что с ранней весны 1941 года Советский Союз приступил к массовому сосредоточению своих сил в приграничных районах, что свидетельствовало о подготовке СССР если не к открытию военных действий, то, по крайней мере, к оказанию открытого вооруженного давления на внешнюю политику Германии.

Для нас было очевидно, что аналогичная подготовка ведется Советским Союзом и по дипломатическим каналам. Я считаю, что решающим событием в этом отношении явился визит Молотова в Берлин и его переговоры с руководителями германского правительства (ноябрь 1940 г. — О.К.). После этих переговоров я был информирован, что Советский Союз поставил ряд абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике. С этого времени можно считать, что вопрос о войне с СССР был решен.

Под этим следует понимать, что для Германии стала ясной угроза нападения Красной Армии.

Я утверждаю, что все подготовительные мероприятия, которые проводились нами до весны 1941 года, носили характер оборонительных приготовлений на случай возможного нападения Красной Армии. Конечно, при подготовке этих мероприятий мы решили избрать более эффективный способ. А именно — предупредить нападение Советской России и неожиданным ударом разгромить ее вооруженные силы.

К весне 1941 года у меня сложилось определенное мнение, что сильное сосредоточение русских войск и их последующее нападение на Германию может поставить нас в исключительно критическое положение в стратегическом и экономическом отношении. В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия. Наше нападение явилось непосредственным следствием этой угрозы.

— Осветите общий оперативно-стратегический замысел немецкого Верховного командования в войне против СССР.

— При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке я исходил из следующих предпосылок:

а) исключительный размер территории России делает абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно — линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь — от нефти.

Я должен подчеркнуть, что в наши расчеты не входило полное завоевание России. Мероприятия в отношении России после разгрома Красной Армии намечались только в форме создания военной администрации, так называемых рейхскомиссариатов.

— Какие основания у вас были рассчитывать на «молниеносный разгром» Красной Армии?

— Безусловно, мы надеялись на успех. Ни один полководец не начинает войну, если не уверен, что ее выиграет, и плох тот солдат, который не верит в победу».

Не стал Кейтель говорить, почему они были так уверены в легкой победе... а жаль.

«Мне трудно указать точно сроки, в которые планировалось проведение кампании, однако приблизительно можно сказать, что мы рассчитывали закончить операции на Востоке до наступления зимы 1941 года.

— Когда вам как начальнику штаба стало ясно, что война для Германии проиграна?

— Оценивая обстановку самым грубым образом, я могу сказать, что этот факт стал для меня ясным к лету 1944 года. С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия — дело оставалось за политиками. Необходимо учитывать, что даже в 1944—1945 годах военно-экономическое положение Германии и положение с людскими резервами не было катастрофическим. Производство вооружения, танков, самолетов сохранялось на достаточном уровне, который позволял поддерживать армию в нормальном состоянии.

Можно сказать, что военно-экономическое положение Германии стало безнадежно только к концу 1944 года, а положение с людскими ресурсами — к концу января 1945 года.

...

— Где находятся в настоящее время государственные и военные архивы Германии?

— Местонахождение государственных архивов мне неизвестно. Военный архив располагался ранее в г. Потсдам. В феврале-марте 1945 г. я отдал приказ о вывозе архива в Тюрингию, в район Ордруф. Были ли они вывезены куда-нибудь дальше, мне неизвестно.

Допросил

Начальник 5 отдела

3 Управления НКГБ СССР

полковник Госбезопасности

Поташев.

В допросе принимали участие

Пом. нач. разведуправления ВМФ

полковник

Фрумкин.

Начальник Отделения разведотдела штаба

1 Белорусского фронта полковник

Смыслов.

Переводили и вели запись

Майор Госбезопасности

капитан

Френкина.

Беземенский.

Комментарий к мнению Кейтеля насчет советских «абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике», выдвинутых в ноябре 1940 г.: после возвращения Молотова в Москву 25 ноября 1940 г. он изложил принципиальную позицию советского руководства немецкому послу графу Шуленбургу, которую Шуленбург на следующий день отправил телеграммой в Берлин Риббентропу. Впервые она была опубликована в 1948 г. департаментом США в сборнике «Национал-социалистская Германия и Советский Союз. 1939—1941. Документы из архива германского министерства иностранных дел». На русском языке они были изданы в 1991 г. издательством «Московский рабочий» под заголовком «ОГЛАШЕНИЮ ПОДЛЕЖИТ (СССР — ГЕРМАНИЯ, 1939—1941)». Причем текст многих документов первой половины 1941 года говорит о том, что актуальность «заявления от 25 ноября» оставалась вплоть до 22.06.41. (Замечание: в текст добавлены пояснительные слова в квадратных скобках — К. Закорецкий):

*Посол Шуленбург — Риббентропу
Москва, 26.11.1940 — 5,34
телеграмма № 2362 от 25 ноября*

*Срочно!
Совершенно секретно!*

Имперскому министру иностранных дел лично!

Молотов пригласил меня к себе сегодня вечером и в присутствии Деканозова [посол СССР в Берлине] заявил следующее:

Советское правительство изучило содержание заявления имперского министра иностранных дел [т.е. Риббентропа], сделанное имперским министром иностранных дел во время заключительной беседы 13 ноября [на переговорах в Берлине], и заняло следующую позицию:

Советское правительство готово принять проект пакта четырех держав [Германии, Италии, Японии (т.е. Оси) и СССР] о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, схематично изложенный имперским министром иностранных дел во время беседы 13 ноября 1940 г., на следующих условиях:

1. Предполагается, что германские войска немедленно покинут Финляндию, которая по [советско-германскому] договору 1939 г. входит в советскую зону влияния. В то же время Советский Союз гарантирует мирные отношения с Финляндией и защиту германских экономических интересов в Финляндии (экспорт леса и никеля).

2. Предполагается, что в течение ближайших месяцев безопасность Советского Союза со стороны [черноморских] Проливов гарантируется заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, которая географически находится внутри зоны безопасности черноморских границ Советского Союза, а также строительством базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

3. Предполагается, что зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений Советского Союза.

4. Предполагается, что Япония откажется от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине.

В соответствии с вышеупомянутым проект протокола о разграничении сфер интересов, схематично изложенный имперским министром иностранных дел, должен быть изменен таким образом, чтобы центр территориальных устремлений Советского Союза был перемещен южнее Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива.

Точно так же проект протокола или соглашения между Германией, Италией и Советским Союзом в отношении Турции должен быть дополнен таким образом, чтобы гарантировать базу для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды. Предлагается, что в случае заявления Турции о ее желании присоединиться к Пакту четырех держав три державы (Германия, Италия и СССР) гарантируют независимость и территориальную целостность Турции.

В протоколе должно быть указано, что в случае, если Турция откажется присоединиться к пакту четырех держав, Италия и СССР совместно выработают и практически применяют военные и дипломатические санкции. Относительно этого должно быть заключено отдельное соглашение.

Кроме того, необходимо согласовать:

а) третий секретный протокол между Германией и Советским Союзом относительно Финляндии (см. пункт 1);

б) четвертый секретный протокол между Японией и Советским Союзом об отказе Японии от нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине (в обмен на соответствующие компенсации);

в) пятый секретный протокол между Германией, Советским Союзом и Италией, с признанием того факта, что Болгария географически расположена внутри зоны безопасности черноморских границ СССР и что заключение советско-болгарского договора о взаимопомощи, который ни в коем случае не затронет внутреннего режима Болгарии, ее суверенитета и независимости, является политически необходимым.

В заключение Молотов заявил, что советское предложение предусматривает пять [секретных] протоколов вместо двух, намеченных имперским министром иностранных дел. Он (Молотов) будет очень признателен германской стороне за ответное заявление.

Шуленбург...»¹

Как видите, СССР ставил заведомо неприемлемые для Германии условия «вхождения СССР в Тройственный союз». Проще говоря, Сталин с Молотовым просто тянули время. Но, похоже, немцев убеждали (или они сами себя), что СССР готовится нападать первым. Особенно им хотелось в это «верить» в 1948 году, после войны. При этом сам Гитлер как раз считал иначе (см. слова Гитлера в письме к Муссолини), хотя, судя по всему, его убеждали постоянно в обратном.

Но можно и другое высказывание одного генерала привести насчет того, насколько СССР был, по оценкам немецких генералов, готов к войне с Германией. На самом деле немецкие генералы были уверены, что СССР не сможет в короткий срок увеличить свою армию на миллион за несколько месяцев осени 1940 года — весны-лета 1941-го. И записал это 3 сентября 1940 года в своем дневнике все тот же генерал Гальдер. Слова военного атташе в Москве, разведчика в посольстве Германии:

¹ «Киевские новости», № 21 за 15.05.1998 г.

«Кестринг представил оценку русской армии: Армия увеличивается, однако для достижения ею прежней численности потребуется четыре года. Трудности в получении данных об армии ввиду бдительного наблюдения органов ГПУ. Роль Баку (основной район нефтедобычи).

Я проинформировал его о наших планах. Состоялся разговор об условиях местности и путях снабжения в различных частях России. Кестринг подчеркнул трудность условий для передвижения моторизованных соединений».

То есть Гитлер и его окружение, имевшие в вермахте свыше 5,7 млн человек, уже планируя «31 июля 1940 года» нападать на Россию-СССР, в сентябре 1940 года рассчитывали, что СССР не сможет довести свою армию до численности в 4—5 миллионов в ближайшее время. Просто не успеет. Ведь к началу сентября 1940 года в РККА было всего около 3,5 млн человек. Но уже к маю-июню 1941 года РККА выросла до свыше 5 млн человек.

Ведь не только концентрация советских войск определяла готовность СССР воевать и тем более агрессивно. Но и общее количество войск и возможности экономики на самом деле немецкие генералы учитывали. Они, конечно, ошиблись в оценке возможностей Советской власти и Сталина, но на тот момент они как раз были уверены, что СССР не способен подготовиться к войне и тем более напасть сам за каких-то два года. Так что, похоже, Гальдер исполнял заказ в 1948 году, давая такие показания, которые нужны были скорее не ему, а новым хозяевам (Гальдер потом преподавал в США). Ведь в 41-м 24 июня он писал вполне уверенно:

«Однако наличие многочисленных запасов в пограничной полосе указывает на то, что русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения».

Иначе говоря, подготовки нападения и даже наступления Гальдер в отличие от «резунов» в расположении советских складов не видел. Так что, скорее всего, американцы готовили данные протоколы и показания на будущее, «на всякий случай». Вдруг понадобится начать обвинять СССР в развязывании войны.

Также Гальдер в 1948 году упорно называет наши танковые части «танковыми бригадами». Таковые были до созда-

ния мехкорпусов с тысячей танков по штату, массово появившихся зимой-весной 41-го, состоящих из двух танковых дивизий и 1-й механизированной. Реально большинство из 29 (!) новоявленных мк имели дай бог по несколько сотен танков к 22 июня, а к осени из-за нехватки танков снова вернулись к системе танковых бригад, по полсотни машин дай бог. Однако уже 29 июня 1941 года он записал в дневник: «*На стороне противника действует 8-й механизированный корпус*», а значит, уже в первые дни войны прекрасно разобрался, что воюют против немецких танковых групп советские мехкорпуса...(8-й мк Рябышева воевал на Украине).

Но бог с ними, разбитыми и оправдывающимися немецкими генералами с их показаниями после войны. Проще глянуть, что докладывала их разведка весной-летом 1941 года. Вот что выложил некто под «ником» «Раскольников» на сайте <http://militera.borda.ru/?1-10-0-00000003-000-0-0-1278501096> 03.07.10., 21:19. (перевод выполнен им самим, выделено мною. — О.К.):

«Документы немецкой разведки. Из сборника Г. Убершера «Немецкое нападение на СССР». Оценка концентрации советских войск немецким Генштабом. 15 марта до 13 июня — доклады обстановки и оценка противника отделом «зарубежные армии восток» немецкого Генштаба («Abteilung Fremde Heere Ost»). Отдел «зарубежные армии восток», он же 12-й отдел Генштаба. Это военная разведка вермахта, которая отвечала за восточное направление. За западным направлением следил другой отдел, 1-й. Март 1939 — 41. Март 1942 — этой организацией руководил Эберхард Кинцель, после него Райнхард Гелен. Доклады разведки отправлял и подписывал Кинцель, принимал начальник оперативного отдела ОКН Адольф Хойзингер:

Секретно

Верховное командование сухопутных войск

15.3.41

GenStdH O Qu 4 Abt Fr H Ost (2)

35 копий копия 9 доклад 1

Разведотдел Генштаба сухопутных войск отдел восток будет время от времени посылать доклады о положении в СССР.

Начиная с заметного усиления наших сил на востоке мы наблюдали и подтвердили следующие мероприятия русских:

1. Проведение частичной мобилизации, в ходе которой вероятно были призваны 4 года. Это мероприятие нельзя не заметить, так как РККА уже [в течение] 1,5 лет частично мобилизована. Невозможно распознать, наращивают ли советские уже войсковые части, которые уже есть, до штатов военного времени или развертывают новые.

2. Перемещения частей всех родов войск из московского военного округа в направлении Минск, Смоленск, а также передвижение маршем в Балтике по направлению к немецкой границе показывают, что русские войска в данное время продвигаются к западной границе.

3. В больших городах проводятся учебная воздушная тревога и учения по затемнению. Кроме того в некоторые города поступил приказ по полному затемнению.

4. Растет «военный психоз». Общественное мнение часто говорит о грядущей войне, иногда самоуверенно, иногда с тревогой. Семьи офицеров из приграничной полосы эвакуируются в глубь страны.

Оценка: частичная мобилизация и передвижения русских войск к границе являются оборонительными мероприятиями и служат только усилению безопасности границ.

подпись Кинцель BA-MA Freiburg RH 19 III/722.

Оценка противника

20.5.41

Подозреваемые планы в общем.

1. При нападении с запада отступление массы сил и более-менее «бегство» без боя в глубину территории, как это было в 1812 году, являются маловероятными.

Причины:

а. Сильная привязанность всего русского военного управления к флоту и аэродромам в Балтике и необходимость опоры южного фаса на Черное море.

б. Большая зависимость военной промышленности от Украины, Москвы и Ленинграда.

с. Если они намереваются сдавать территорию без боя, то тогда выдвижение, которое настолько сильно привязано

к границе, имеет только цель отвлекающего маневра и тем самым политического давления.

d. Если политическое давление останется без эффекта, то тогда отступление большинства сил в ограниченное время является невозможным, если принять во внимание положение с железными дорогами в СССР, медлительность военного руководства и дефицит организаторских способностей. Все это должно привести к полному провалу передвижений и сделать организованное оперативное управление невозможным. Если принять во внимание эти условия, то уже сейчас должны наблюдаться эти намерения в виде транспортов назад, так как проведение эвакуации опоздает. Однако подобное не наблюдается.

II — сегодняшнее расположение сил у границы (130—21—5—36) допускает следующие возможности их применения.

1. Превентивное наступление.

Это возможно с основой на военное выдвижение, а именно с сильным ударом из района Черновитц — Лемберг в Румынию, Венгрию или в восточную Галицию, с дальнейшей сильной наступательной группировкой из Белоруссии в направлении Варшавы или Восточной Пруссии. Но превентивное наступление является маловероятным по следующим причинам.

a. Военные причины.

Несмотря на частые надменные заявления русских и соответствующие высказывания о намеренном наступлении, можно предположить, что верховное военное командование знает, какой низкий уровень обучения господствует в РККА, и также знает внутреннюю слабость армии. К этому прибавляются сегодняшний переход к другим методам обучения, который вызывает неуверенность и который не создает подходящую основу для наступлений, а скорее слабость.

b. Политические причины.

Тот факт, что СССР не использовал гораздо более подходящие возможности для превентивного удара (слабые силы на востоке, война на Балканах), а также в последнее время СССР политически идет навстречу и старается избегать политических трений, заставляет выглядеть маловероятными намерения СССР к нападению.

2. Далее маловероятным выглядит применение русских сил в продолжительных боях.

Для этого необходимо своевременное отступление массы сил от границы и потом полная перегруппировка выдвижения, а также сдача важных территорий. Это затрудняется неповоротливостью верховного и среднего военного командования, плохой работой разведки, а также слабостью транспортной сети. Дальнейшим затруднением является напряженное внутрениполитическое положение в захваченных Россией территориях, особенно в Балтике.

3. Жесткая оборона у границы, с частичными наступлениями в начале войны и во время операций как контрнаступления против прорвавшегося противника. Эти планы выглядят самыми вероятными по причине политической обстановки и выдвижения, которое наблюдалось до сих пор.

Продолжительность границы (Черное море — Балт. море примерно 2000 км) вынуждает обороняющегося к созданию основных точек обороны и избеганию распыления его сил. Эти основные точки обороны определяются особенностями местности, путями сообщения.

а. Украина с обеих сторон от линии Лемберг — Бердичев — Киев.

б. Белоруссия с обеих сторон от линии Белосток — Минск — Москва.

с. Балтийский хребет.

Они будут обороняться, опираясь на УРы на глубине до 30 км от границы, но на основных точках обороны можно рассчитывать на наступательные удары с ограниченной целью (местная наступательно проводимая оборона) для срыва наступательных операций противника и переноса боевых действий на территорию противника, там, где русские чувствуют себя превосходящими. Далее нужно рассчитывать на наступления многочисленных подвижных тыловых частей против флангов прорвавшихся танковых клиньев. Похоже, что для этой цели у них эти группы систематически распределены за линией фронта (южная Бессарабия, Проскуров, Барановичи, Вильнюс, Псков).

Сомнительно, удастся ли им использовать для этой цели подвижные подразделения, которые заняты на фронте (кав. див. танковые и мот. мех. бригады, некоторые из них, возможно, будут использоваться для работ над укреплениями).

В случае нападения превосходящих сил противника [на СССР] нужно рассчитывать на то, что они будут отступать шаг за шагом до линии Днепр — Двина, но им нужно будет окончательно удерживать эту линию, так как в обратном случае они потеряют жизненно важные территории. В этом случае русские будут использовать тыловые УРы для создания новой линии обороны.

BA MA Freiburg RH 2/1983»

Как видно из анализа немецких разведчиков и военных, на май 1941 года они предполагали возможные единственно разумные действия РККА грамотно и верно — так и было примерно расписано в единственно утвержденных «Соображениях» Шапошникова—Мерецкова от августа-сентября 1940-го и «вариантов» Жукова от марта 1941 года. И так примерно расписывались действия РККА в Планах прикрытия и обороны госграницы, разрабатываемых на основе этих «Соображений». При этом никакой подготовки агрессии со стороны СССР в данных докладах на март и май 1941 года не отмечено. Но, может, они увидели подготовку агрессии со стороны СССР позже?

*«Секретно Верховное командование сухопутных войск
13.6.41*

GenStdH O Qu 4 Abt Fr H Ost (2)

40 копий 18-ая копия доклад 5

2. С 20.5 в основном имели место следующие изменения: общие силы красной армии в европейской части СССР повысились на 5 стрелковых дивизий, 2 танковые дивизии и 1 мот мех бригаду до в общем 150—25,5—7—38.

Внутри отдельных группировок сил имели место перегруппировки, а также обмен войсковыми частями. Сильные подвижные группы в южной Бессарабии и Черновице непосредственно на границе и доклады о дальнейшем выдвижении к нижнему Пруту и наличие переправочного материала заставляют выглядеть местные наступательные удары русских не невозможными. Имеет место дальнейшее уплотнение на границе в Литве. В остальном, общем, как и ранее, ожидается оборонительное поведение.

BA-MA Freiburg RH 19 III/722»

То есть немцы на 13 июня «вскрыли» некую подготовку некоего возможного наступления на Юге, в полосе Одесского ОВО. И на самом деле выдвижение дивизий 2-го эшелона в ОдВО началось уже с 8 июня. В КОВО свою директиву НКО и ГШ от 12 июня 13 июня еще не получали. Выдвижение также началось в ЗапОВО 11 июня, но его в этом донесении не показали — видимо, еще не вскрыли, а выдвижение войск в ПриБОВО и КОВО начнется только 15 июня. Кстати, разведсводка за 13 июня была последней перед 22 июня, а начавшийся вывод войск после 15 июня в ПриБОВО и КОВО немцы действительно не увидели.

А вот какие еще приказы отдавались в вермахте в июне для армии, стоящей «напротив» Бреста:

«RH 20 — 4/1182

Секретно, только для командования!

Штаб 4-й Армии, Оперативный отдел, 0355/41

Штаб-квартира армии

5 июня 1941

На Исх. Приказ Ia № 0160/41

Относительно операции «Ахтунг Берта»

Настоящий приказ (в новой редакции) отдан об окончательном порядке расположения войск в приграничном районе с 4.6.41 и относительно ранее отданного приказа [по армии] № 17 п. 1., с выходом настоящего приказа, утратившего силу.

1. Положение противника:

По совпадающим данным [разведки, других источников], русские и далее продолжают выдвигать свои войска в приграничную полосу. Несмотря на усиление находящихся вблизи границы русских соединений, нападение [русских] представляется маловероятным.

Если же оно и произойдет, то следует ожидать внезапной атаки русских с применением ВВС, парашютных десантов и десантов на планерах.

2. В связи с этим, по приказу Верховного командования сухопутных войск, должны быть предприняты все меры для безусловного прикрытия приграничной полосы и, прежде всего, армейских складов [обеспечения].

Следует избегать любого беспокойства (так в тексте. — М. Солонин) войск.

3. Задачи:

24-й танковый корпус (из состава 2-й ТГр Гудериана. — М.С.), а также 13-й, 43-й, 9-й, 7-й Армейские корпуса обороняются на немецко-русской границе и немедленной контратакой отбрасывают вторгшегося противника назад за р. Буг или за «сухопутную границу» (на левом фланге 4-й Армии вермахта, в междуречье Буга и Нарева граница проходила по суше. — М.С.). Границы участков [обороны, прикрытия] совпадают с окончательными границами [корпусных] районов дислокации.

Основная линия [центр сосредоточения усилий] обороны находится по обе стороны основных автомобильных и железных дорог, проходящих через р. Буг, и по сухопутной границе, а также в районах складов, находящихся вблизи границы. Боевой порядок частей — исходя из тактических соображений, однако таким образом, чтобы избежать любого ненужного скопления сил непосредственно на границе.

<...>

6. Время приведения в боевую готовность командование 4-й Армии не устанавливает. Полная готовность к обороне или готовность к выступлению — в случае атаки русских или, соответственно, по условному сигналу «Ахтунг Берта» — так быстро, насколько это возможно.

<....>

9. Земляные работы

а) Земляные работы повсюду продолжать вести следующим образом:

Сооружение простых (полевых) укреплений в близкорасположенных к границе местах [производить только] там, где ожидается наступление русских, в особенности вдоль проходящих [через границу] дорог и ж/д путей.

Основные оборонительные районы:

- севернее Кодень,
- от района южнее Тересполь до района севернее Янув Подляский,
- с обеих сторон железнодорожной линии Седльце, Бельск,
- с обеих сторон шоссе/шоссейной дороги Соколув, Дрохичин,
- южнее н.п. Нур,
- по обе стороны Острув Мазовецкий.

б) Исполнение:

оборудовать вспомогательными средствами стрелковые ячейки, оборудовать огневые позиции для тяжелого оружия [пехоты], наблюдательные пункты, блиндажи, ниши для боеприпасов, места для наблюдения с деревьев и т.д.

10. Доклады:

До 10.6.41 (к совещанию у командующего Армией) командующие корпусов докладывают по п. 3 настоящего приказа по карте 1:100000, а также о том, что еще не выполнено.

а) окончательное распределение участков.

б) пути отхода отступающих сражающихся войск.

в) положение главной линии обороны исходя из уже проведенных оборонительных мероприятий на основных дорогах, железнодорожных линиях и в районах складов обеспечения, расположенных в непосредственной близости к границе.

г) о предусмотренных планом «Берта» командных пунктах.

д) состояние и ход земляных работ.

За командование армии

Начальник штаба (генерал-майор Блюментритт)».

То есть в начале июня никаких опасений у немцев, что СССР собирается нападать первым, нет. Но по мере готовности своих войск к нападению, а именно в этот момент вермахт действительно был уязвим — находился в неустойчивом состоянии выдвижения своих дивизий к границе для вторжения, пошли совершенно обоснованные опасения, что СССР вполне может нанести превентивные авиаудары по концентрируемым войскам вермахта на границе и по складам снабжения, что в тот момент вообще были размещены прямо «на грунте». Кстати, Солонин пытается данными приказами показать, что в вермахте были «Планы прикрытия». Мол, вермахт опасался нападения СССР и имел на этот случай «Планы прикрытия», подобные тем, что были в приграничных округах СССР.

Чтобы опровергнуть «резунов», их оппоненты часто и говорят — у СССР были «Планы прикрытия» госграницы и, таким образом, СССР не готовил агрессию. А у вермахта, что готовился именно к агрессии, таких «Планов» не было.

Солонин же, найдя эти приказы, пытается «доказать», что наличие «Планов прикрытия» и обороны ничего не доказывает — мол, видите, у вермахта тоже были свои «Планы прикрытия», а Гитлер собирался именно нападать. То есть наличие «ПП» не доказывает подготовку только обороны.

Но приведя эти приказы, он опять показал не более чем свою безграмотность... Это не более чем предупредительные меры на случай, если СССР в последний момент вскроет намерения Германии и нанесет вполне «разумные» отдельные превентивные удары и в основном силами авиации и десанта.

Выдавать за «Планы прикрытия» подобные мероприятия — верх безграмотности. Это все равно, что сравнивать «овощ» с пальцем.

«NARA, T 314, R 1138, ff. 615—617
Командование 48-го Танкового корпуса
10.06.1941

5 экземпляров
4-й экземпляр

Вариант (план) «Берта»

Постоянно усиливающиеся приготовления по плану «Барбаросса» с течением времени не могут остаться незамеченными русскими. В связи с тем, что у русских есть обычай упреждать наступательные намерения противника, **следует считаться с возможностью внезапного русского нападения.**

В связи с этим 75 пд с 12 июня усиливает свою оборону следующими мероприятиями:

а) Оборону вдоль Буга необходимо уплотнить, особенно ночью. В тех местах, в которых внезапный переход русских наиболее вероятен, поставить часовых. Быстрое занятие всех предусмотренных для обороны позиций должно быть гарантировано. Для этого обеспечить быструю передачу донесений и приказов.

б) Две трети артиллерии, предусмотренной для варианта «Берта», поставить на предусмотренные позиции. Определить территории заградительного огня, если это еще не сделано, обеспечить открытие заградительного огня.

в) Резерв дивизии подвести как можно дальше вперед, чтобы в любое время было возможно нанести контрудар.

После смены частями 57-й дивизии она на своем участке должна провести такие же мероприятия.

Перечень рассылки...»

«Секретно, только для командования!

Штаб 4-й Армии, Оперативный отдел, 0450/41

Штаб-квартира армии

15 июня 1941

О мероприятиях против возможного наступления русских

Общее положение, наши собственные приготовления и возрастающая [в связи] с этим напряженность не позволяют считать невозможным, что русские, имея в первом эшелоне авиацию (а также парашютно-десантные войска), а отчасти наземными атаками и внезапными диверсиями смогут помешать нашим приготовлениям и сорвать развертывание.

В этом, все же возможном случае усилия противника в наступлении будут направлены, в первую очередь, против крупных мостов через Вислу, Буг, Нарев, а также против [армейских] складов обеспечения. Предполагаемые атаки могут быть проведены не только днем, но прежде всего ночью.

В связи с этим я приказываю:

I. Общая подготовка

2-я Танковая группа, 43-й, 9-й, 7-й и 13-й Армейские корпуса ориентируются на то, что при возможном, но маловероятном общем наступлении русских им предстоит перейти в контрнаступление всеми силами и отбросить противника назад за линию границы. В этом случае последуют дальнейшие приказы по армии.

II. Защита мостов через Вислу, Буг и Нарев

1. 2-я Танковая группа в своем районе является ответственной за оборону следующих мостов через Вислу:

<...>

2. [командование 4А] обратилось к коменданту Варшавы с просьбой взять под охрану автомобильные и железнодорожные мосты в Варшаве собственными силами.

<...>

III. Охранение складов обеспечения.

Ответственными в своих районах являются:

1. 2-я Танковая группа — за склады Deblin, Margarethe, Berta, Veronika, Marie, Vineta, Martha, Brigitte, Brunhild.

<...>

Исполнение:

1. В распоряжение ответственных комендантов складов должны быть [выделены] такие силы охранения смешанных родов войск, чтобы любые попытки воздушных и наземных атак (с частными целями), а также попытки диверсий были предотвращены.

Для этого склады должны охраняться не только внутри, но и вдоль ограды неподвижными постами...

<...>

V. Разрешение на открытие огня по русским самолетам.

1. Зенитной артиллерии разрешается открывать огонь по русским самолетам, если они однозначно находятся над немецкой территорией. Таким же образом, в этом особом случае, нашим истребителям разрешается атаковать русские самолеты. Зенитная артиллерия и люфтваффе получили на этот счет особые распоряжения.

2. Противовоздушная оборона сухопутных войск имеет право открывать огонь только в следующих исключительных случаях:

а) против воздушно-десантных частей, которые в районе [нашего] развертывания могут быть только русскими, а также

б) против самолетов, которые атакуют охраняемые мосты или склады, то есть сбрасывают бомбы или обстреливают пулеметами.

<...>

Перечень рассылки: (16 экз.)...

Подписано:

командующий [4-й Армии]

с подлинным верно

перевел

фон Клюге

полковник ГШ

Рихард Лехманн».

Также на случай наших возможных вполне ударов были и такие приказы:

«Секретно. Только для командования
Штаб 4 авиакорпуса
командный пункт, 18.6.41
Оперативный отдел штаба, № 475/41
20 экземпляров, экз. № 11

Приказ на контрудар

1) В случае, если русские вооруженные силы внезапно начнут боевые действия силами сухопутных войск или авиации, [бомбардировочная эскадра] KG-27 совместно с [истребительной эскадрой] JG-77 действуют по приказу «контрудар» наступательными действиями против русских ВВС...»

«Секретно. Только для командования
Штаб 4 авиакорпуса
командный пункт, 18.6.41
Оперативный отдел штаба, № 477/41
20 экземпляров, экз. № 11

Боевой приказ на День-Б

1) Предполагается, что воздушный противник силами истребительной и штурмовой авиации с отдаленных многочисленных аэродромов с севера и северо-востока внимательно разведывает район нахождения наших войск с тем, чтобы напасть на наши аэродромы и наземные войска...»

Эти приказы привел на своем сайте М. Солонин 3.08.2012 года в статье «План прикрытия по-немецки. NB!!!» в рубрике «Документы», а часть приказов он выложил в январе 2013 года. Надеюсь, читатель и сам сравнит данные мероприятия немцев с нашими «ПП», чтобы увидеть «две большие разницы». В конце концов, у нас войска выводились в районы по Плану прикрытия отдельными директивами НКО и ГШ от 11–12 июня, а немцы имели на случай нашего возможного внезапного превентивного удара (нашей авиацией прежде всего или десантом) отдельные приказы для своих войск. Опять же План прикрытия — это не только приказы для частей на случай нападения противника, но и огромные мероприятия — строительство укрепрай-

онов, установка ДОТов и ДЗОТов в больших количествах на границе. И ничего этого немцы в таких масштабах, как СССР, не строили. Ну и не было у вермахта самих «Планов прикрытия и обороны госграницы» как таковых — по крайней мере никто их еще не нашел из адвокатов Гитлера. То есть наличие в СССР таких «ПП» действительно лишний раз показывает, что СССР нападать первым не собирался. Тем более что «на сегодня» на сайте «Подвиг народа» совершенно случайно выложили карты от 17 мая 1941 года о строительстве УРов... под Москвой, подо Ржевом (все документы этого сайта датированы только с середины июня 1941 года, а эти карты от мая). С рассчитанной в деньгах сметой строительства и срока сдачи объектов.

Также можно привести слова Манштейна — ждали ли немцы именно нападения СССР первым — из его мемуаров «Утерянные победы» (есть в Интернете):

«Общее впечатление от противника было такое, что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но что советское командование не рассчитывало — или еще не рассчитывало — на него и поэтому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы.

Много спорили о том, носило ли развертывание сил Советской Армии оборонительный или наступательный характер. По числу сосредоточенных в западных областях Советского Союза сил и на основе сосредоточения больших масс танков как в районе Белостока, так и в районе Львова можно было вполне предполагать — во всяком случае, Гитлер так мотивировал принятие им решения о наступлении, что рано или поздно Советский Союз перейдет в наступление. С другой стороны, группировка советских сил на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление.

Группа армий Ворошилова, противостоявшая нашей группе армий «Север», имела на границе только 7 дивизий, хотя в ее составе действовали 29 сд, 2 тд и 6 мех. бригад (по фон Типпельскирху), расположенные в тылу, у Шауляя, Ковно (Каунас) и Вильно (Вильнюс), а частично даже в районе Псков — Опочка (следовательно, на линии Сталина). Обе другие со-

ветские группы армий (Тимошенко и Буденного) также были глубоко эшелонированы, хотя в них части, действовавшие в пограничной полосе, были значительно сильнее.

Более всего будет соответствовать правде утверждение о том, что развертывание советских войск, начавшееся уже с развертывания крупных сил еще в период занятия восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики, было «развертыванием на любой случай». 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны. Но картина могла в зависимости от развития политического и военного положения Германии быстро измениться. Красная Армия, по составу своих групп армий численно, но не в качественном отношении превосходившая немецкие войска, могла быть в течение короткого времени сосредоточена так, что она была бы способна начать наступление.

Развертывание советских войск, которое до 22 июня и могло быть подготовкой к обороне, представляло собой скрытую угрозу. Как только Советскому Союзу представился бы политический или военный шанс, он превратился бы в непосредственную угрозу для Германии.

Конечно, летом 1941 г. Сталин не стал бы еще воевать с Германией. Но если правительство Советского Союза, смотря по развитию обстановки, полагало перейти к политическому давлению на Германию или даже к угрозе военного вмешательства, то, безусловно, подготовка сил для обороны могла быть в короткое время превращена в подготовку к наступлению. Речь шла именно «о развертывании сил на любой случай»...

Но в любом случае на момент принятия решения Гитлером о нападении на СССР 22 июня, озвученного им 29 марта, и на момент подписания Гитлером 10 июня приказа о нападении «Дортмунд» на 22 июня реально никто в Германии всерьез не считал, что Сталин собирается нападать первым! Так что те, кто вслед за В. Резуном вопят, что Гитлер всего лишь «на самом деле» (как он сам и уверял в меморандумах 22 июня) защищался, нападая на СССР, который готовится сам напасть в ближайшие дни («6» или «15 июля»), останутся не более чем пошлыми «Адвокатами Гитлера»!

На тему «превентивного нападения» Сталина на Гитлера можно долго «растекаться мыслью по древу». Но нет никакого смысла дальше разбирать «оправдания» проигравших немецких генералов после войны. Хотя тот же Гудериан также после войны пытался нечто такое в адрес СССР и выдумывать — после тесного сотрудничества с американцами «быстроходный Гейнц» был в 1948 году выпущен на свободу... (В Интернете есть книга о Гудериане: *Владимов Г. Генерал и его армия*. М.: Книжная палата, 1997, в «Примечании» которой — неплохая статья о Гудериане от писателя В. Богомолова, автора книги «В августе сорок четвертого... («Момент истины»)». Почитайте, не пожалеете.)

На самом деле, для понимания того, почему случилась «трагедия 22 июня», важно разобрать то, что происходило непосредственно в последние предвоенные дни перед 22 июня, то, как выполнялись приказы Москвы на повышение боевой готовности, на вывод войск на рубежи обороны. Ведь Гальдер и написал 20 июня, что *«на отдельных участках замечена повышенная внимательность русских. (Перед фронтом 8-го армейского корпуса противник занимает позиции.)»*. 8-й армейский корпус вермахта наступал в полосе обороны ЗапОВО, и, выходит, там отдельные части 3-й армии 20 июня активно «пасли» немцев? Похоже, так. Судя по ответам генералов на вопросы Покровского, в 10-й армии действительно часть дивизий начала в эти дни выводиться на рубежи обороны.

Приказы НКО и ГШ о приведении в боевую готовность и на занятие рубежей обороны поступали в западные округа. Но эти вопросы уже разбирались в книгах «Кто проспал начало войны?», «Адвокаты Гитлера» и «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?». А ответы генералов Покровскому требуют вообще отдельного исследования... Но пока подведем некоторые итоги перед тем, как попробуем ответить на «простой» вопрос — почему Сталин вместе с павловыми не расстрелял и Жукова с Тимошенко?

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ,
или Кто планировал агрессию в СССР,
о «плане поражения» наследников Тухачевского
и что натворили наследники «гениального маршала»
к июню 41-го**

Итак, можно подвести некоторые итоги...

Сколько бы вы ни приводили фактов, документов, воспоминаний и прочих доказательств, «резуны» все равно вам скажут — «никто и никогда гипотезу В. Резуна не опроверг и не опровергнет». Любой «резун» (всегда анонимный — всегда скрывающий свое имя) на любом форумном споре в Интернете от вас обязательно потребует — подайте ему «План войны». Когда вы ему скажете, что такого документа, как «План войны», в принципе не существует, он приведет массу цитат от «Василевских», которые писали в мемуарах, что «план войны» с Германией в СССР существовал. И он либо был подписан, либо не был — зависит от мемуаристов. «Резунам» скажешь — ребята, угомонитесь — всякие всевозможные «планы» давно опубликованы в последние лет 25, и ничего другого просто уже нет. Однако вам, само собой, не поверят — ведь Резун провозгласил, что СССР-Сталин собирался нападать первым, и, значит, настоящий и подлинный «План войны», «План нападения на Германию первыми» где-то прячут до сих пор от «неангажированных и честных историков».

По логике «резунов» и с подачи, естественно, их самого, в общем, безграмотного «гуру», видимо, где-то в темных-темных подвалах самых тайных архивов, в черной-черной комнате, в старом ржавом сейфе и хранится тот самый «план

войны» — «План нападения Сталина на Гитлера первым». Но увы... Любой мало-мальски грамотный военный, стоит ему только вникнуть слегка в имеющиеся предвоенные документы и сопоставить их с тем, что делалось в армии и стране в предвоенные недели, вам скажет, что такое «план войны» и что готовилось в СССР с августа 1940 года. И это была именно подготовка отпора будущей агрессии Гитлера.

Были ли в СССР, а точнее, в руководстве РККА планы и идеи «превентивного нападения»? Однозначно были. И самые доказанные среди них — это идеи маршала М. Тухачевского, который в своем «Плане поражения» прописал, как должна начать войну РККА, чтобы «победить» польско-немецкие войска. В этом «Плане» Тухачевский показывает, какие меры принимали заговорщики-путчисты для организации поражения РККА в случае войны, а заодно уже вполне «патриотично» расписывает, как СССР и РККА могут победить в возможной войне с Германией (и Польшей, союзницей Гитлера на тот момент). А победить СССР, по мнению Тухачевского, может, только если первым начнет войну. Но «планы» и идеи Тухачевских, что были не более чем заместители наркома по вооружению, и утвержденные «планы» Генштаба, Правительства и Сталина — разные вещи.

В чем идеи «плана поражения» Тухачевского? Они, например, в том, что наш Генштаб планирует меньше дивизий по мобилизации против количества дивизий вероятного противника:

«Красная Армия может встретить перед собой на польской территории 61 германскую и 50 польских пехотных дивизий, а всего 111 пехотных дивизий».

А вот РККА выставит против этих дивизий дай бог около 90 дивизий:

«Рассмотрим теперь западные наши границы и западные театры войны исходя из политической задачи «бить противника на его территории». <...>

Каково же было то реальное число стрелковых дивизий, которое по нашему действующему оперативному плану двигалось в глубину территории Польши для того, чтобы бить противника на его территории. Точно я этого числа не

знаю, но приблизительно оно должно быть около 90 стрелковых дивизий, может быть, на несколько дивизий больше. Остальное число стрелковых дивизий из числа 150, развертываемых по мобилизации, идет на обеспечение Дальнего Востока, границ с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, на охрану границ Кавказа и Средней Азии.

Получается странная картина. Наши Белорусский и Украинский фронты должны втянуться в глубину территории Польши, втянуться в самых неблагоприятных обрисованных выше условиях и своими 90, пусть даже 100 стрелковыми дивизиями должны разбить 111 пехотных дивизий противника, на стороне которого остаются все преимущества маневра, использования авиации и организации тыла. К этому еще надо добавить, что поляки, как этому учит опыт 1920 г., дерутся у себя дома очень хорошо.

Клаузевиц считает, что для надежного поражения противника над ним надо иметь по крайней мере полуторакратное общее превосходство в силах. Этот коэффициент, во всяком случае, не преувеличен. Однако возьмем меньшее число потребных стрелковых дивизий, например 140, а не 166 (полуторакратное превосходство). В этом случае число дивизий в РККА (общее. — О.К.) должно быть значительно большим. Положим, что на Дальнем Востоке надо иметь не менее 35 стрелковых дивизий (во время войны), на границах с Финляндией — 7, на границах Эстонии и Латвии — 7, на границах с Румынией — 8, на Кавказе — 3, в Средней Азии — 2, в резерве Главного командования — 5 стрелковых дивизий. Тогда общее число потребных для РККА стрелковых дивизий поднимется до 207. На самом деле эта потребность значительно выше. Германия во время войны 1914—1918 гг. подняла число своих пехотных дивизий до 248. Борьба на два фронта требует большого числа войск и для нас значительно большего, чем для Германии, так как наши расстояния и железнодорожные условия не позволяют нам производить те переброски сил с востока на запад и обратно, которые с таким успехом проводили немцы в прошлую империалистическую войну.

Мы же разворачиваем всего только 150 стрелковых дивизий.

<...>

зационного периода, что наносит ощутимый удар по польской мобилизации; наконец, операции вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение».

Тухачевский никогда не был достаточно грамотным военачальником и тем более стратегом. И тот же Уборевич назвал уже в своих, видимо, показаниях на следствии подобные «операции вторжения «армиями вторжения» не более чем преступной авантюрой...

«Уборевич указывает на то, что вредительством являются операции вторжения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное, ошибочное заключение. Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным вторжением. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания. Однако же если такое удержание за собой территории противника армиям вторжения и не удастся, то их задачу следует считать выполненной, если они расстроят и оттеснят назад сосредоточение противника и тем самым обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения.

Само собой понятно, что армии вторжения, выполняя свои операции, неизбежно понесут потери. Конница будет быстро таять от воздействия авиации и химии. <...> Механизированные соединения будут напряженно расходовать свои моторесурсы. Поэтому ответственной задачей фронтового и Главного Командования будет определение того предела использования армий вторжения, который диктуется как интересами окончания сосредоточения, так и состояния войск армии вторжения, то есть их моральными и физическими силами и материальными ресурсами. Безусловно, неправильный пример использования успеха армии вторжения имел место на стратегической военной игре в январе месяце с. г., когда Белорусский фронт пачками вводил в наступление эшелоны главных сил до окончательно-

го их сосредоточения только для того, чтобы развить частный успех армии вторжения.

Что касается указаний Уборевича на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооруженными механизированными бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения.

В результате операций вторжения в соответствии с нашим оперативным планом мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет оттеснена на рубеж Гродно — Слоним — Лунинец — Львов. Вряд ли полякам удастся отстоять Виленский укрепленный район. Строительство Виленского и Барановичского укрепленных районов поляками относится к тому времени, когда у нас не было армий вторжения.

Наше стратегическое развертывание, может быть, с некоторым опозданием, но примерно к тому же сроку закончится вдоль государственной границы. Поэтому первые крупные сражения произойдут на польской территории».

Вот так вот красиво и собирался побеждать Тухачевский в случае начала или даже угрозы начала войны. Нанося превентивные удары по врагу «армиями вторжения», проводя «операции вторжения» с целью упредить противника в отмотилизовании и развертывании его войск. И дать возможность своим главным силам провести отмотилизование и развертывание на рубежах обороны или в районах сосредоточения. Но при этом Тухачевский собирался нападать первым силами приграничных округов до того, как главные силы РККА в тылах будут готовы к войне. То есть дай волю тухачевским — они бы точно развязали агрессию первыми, точно развязали бы мировую войну, но при этом привели бы СССР к поражению после первых же сражений.

Надеюсь, читатель внимательно прочитал красивые планы побед «великого полководца». Ведь поняв, что он предлагал, не забывая, как им восторгался всегда тот же Г.К. Жуков, думаю, получится понять, что же произошло в реальности

в июне 41-го и что надумали повернуть уже другие «великие стратеги» — Тимошенко—Мерецков и Жуков. Но...

Это Тухачевский собирался наносить «превентивные удары» армиями приграничных округов — «операции вторжения». Проведя заранее подготовку к этим ударам, в подготовке агрессии СССР против Польши и Германии. Однако на смену ему и его подельникам в 1937 году в Генштаб пришел маршал, который был просто умнее и грамотнее бывшего подпоручика и несостоявшегося «Бонапарта» — маршал Б.М. Шапошников, выпускник академии еще царского Генштаба и подполковник еще царской армии, который авантюры Тухачевского как еще начальника Штаба РККА в конце 1920-х высмеивал не раз. И маршал Б.М. Шапошников к августу 1940 года разработал последние утвержденные предвоенные «Планы войны» — «Соображения о стратегическом развертывании РККА» на случай войны с Германией, которая к этому времени прихватила территории бывшего союзника Польши, но при этом потеряла контроль над фашиствующей Прибалтикой, а СССР вышел на свою примерно старую имперскую границу — к Бресту.

«Соображения о стратегическом развертывании» армии — это и есть реально тот самый «План войны». И Шапошников как начГШ указал в нем, что ждать надо Главного удара немцев на Москву, севернее «припятских болот», через Белоруссию и Прибалтику и соответственно размещать свои главные силы против этих группировок вермахта. С последующим возможным ответным ударом на этом же направлении. При этом Шапошников допустил, что также возможен некий главный удар немцев и по Украине для захвата сырьевой и промышленной базы СССР, но все равно указал, что удар на Москву будет все же наиболее вероятным и главным в ударе Гитлера. А все потому, что, ввязавшись в войну «за Украину», Гитлер ввяжется именно в затяжную войну, которой он как раз боялся «как черт лапана». А для быстрой победы над СССР ему была только одна дорога — «на Москву», по «старой смоленской дороге». А для этого надо наносить главный удар через Белоруссию на Минск, Смоленск и дальше к Москве. Что сам «великий стратег» Тухачевский считал «фантастикой», уве-

ря, что Гитлера интересует только захват «сырья» (видимо, украинского сала и пампушек?):

«Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками — это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической».

Каков «великий стратег» маршал Тухачевский — Гитлеру нужно «сырье», и он поперет за ним на Украину! Правда, при этом получит затяжную войну с СССР. Но если двинет сразу на Москву и уничтожит СССР (и, видимо, сырье не получит в этом случае) — для Тухачевского это «фантастика».

Такое ощущение, что Тухачевский умудрился или пытался нагадить стране и армии напоследок — пытался уверить будущих маршалов, руководителей РККА, что Гитлер не поперет на Москву, а полезет на Украину за «сырьем»...

Какое мнение было Сталина по этому поводу — Украина или Белоруссия будет приоритетом в выборе главного удара Гитлера? Жуковы и прочие в мемуарах уверяли, что «тиран заставил их считать украинское направление главным» в будущем ударе немцев. А вот В.М. Молотов очень психовал, когда Сталину стали это приписывать. Хотя «мнение» Сталина (и самих военных) об этом вполне документально можно выяснить — надо только глянуть на карты-схемы в сборнике «1941 год — уроки и выводы» в приложениях 15 и 16. Это схемы с предполагаемыми возможными ударами Гитлера по размещению наших войск в западных округах. На которых показано, откуда ожидалось нападение главными силами Германии — это центр и север — по Белоруссии и Прибалтике. С последующим захватом Москвы. Ожидались две основные группировки вермахта — точно так, как планировали и сами немцы в своих «Барбароссах». И никаких «главных» сил против Украины.

Шапошников, подготовив и утвердив у Сталина и Молотова «Соображения» о развертывании РККА на случай войны с Германией, подготовив «План войны», «по состоянию здоровья» ушел («ушли») с поста начальника Генштаба. А Сталин, скорее всего, уже в сентябре-октябре дал команду военным разработать ДВА частных варианта «Соображений» развертывания РККА на ДВА варианта нападения Германии. А точнее, два варианта отражения агрессии. Судя по имеющимся и опубликованным, но не подписанным наркомом и начГШ и не завизированным Сталиным «запискам» от «5 октября», получается, что вроде как:

— Германия нападает из южной Польши по КОВО, и там, соответственно, собираются наши главные силы, и ответное наступление надо вести из КОВО, и

— Германия нападает главными силами из В. Пруссии и северной Польши по ПриБОВО и ЗапОВО, и, соответственно, там надо держать свои главные силы и ответный удар планировать по Пруссии.

По этой «записке» наркома Тимошенко Сталин якобы и «заставляет» военных ждать главный удар по Украине, там концентрировать свои главные силы и из КОВО наносить свой ответный и главный удар. Однако это брехня — в реальности произошло несколько другое. Сталин мог дать команду разработать два варианта отражения агрессии и один из них — ответный лобовой удар из ПриБОВО и ЗапОВО и второй — ответный фланговый удар из КОВО. И это более вероятно. В конце концов, если «тиран», как утверждали потом жуковы, ставил задачу ждать главный удар по Украине и там надо было размещать свои главные силы, то почему же тогда в имеющихся и утверждаемых им же «Соображениях», которые после указаний «тирана» изготовили в Генштабе, немецкие силы ожидаются только в «центре», против ПриБОВО и ЗапОВО, а не против КОВО?!

Так что Сталин действительно поставил задачу подготовить ДВА варианта отражения агрессии, два варианта «Соображений», в которых главный удар немцев надо ожидать только по Белоруссии и Прибалтике. А по КОВО стоит ожидать более слабые удары только союзников Гит-

лера при некоторой авиационной поддержке Германии. Но при этом дал команду разработать два варианта отражения и ответного наступления — из ПриБОВО-ЗапОВО и из КОВО. В конце концов возможность ударить по слабому южному участку фронта (по союзникам Гитлера), пока враг завязнет в боях в центре, очень даже заманчива.

Мерецков, сменивший Шапошникова в сентябре 1940 года, за пять месяцев такие «варианты» не подготовил. Точнее, он подготовил сразу же вариант ответного удара из КОВО (по утверждению авторов сборника «1941 год — уроки и выводы») уже 14 сентября 1940 года. После чего Генштабу была поставлена задача доработать этот вариант и готовить и «северный» вариант, как основной по замыслу Шапошникова. Но Мерецков его не подготовил.

Этим с февраля 1941 года занялся уже Г.К. Жуков, и к марту 41-го ГШ подготовил на утверждение Молотова (главы правительства) и Сталина (главы партии) «южный» вариант «Соображений» на случай агрессии Германии. В этом варианте «Соображений» главные силы вермахта бьют по ПриБОВО и ЗапОВО, и пока армии этих округов сдерживают врага и отвлекают на себя вермахт частными ответными контрударами, КОВО наносит мощный фланговый удар «на Люблин» и далее чуть не до Балтики, и отрезает до 100 дивизий Германии от балканской нефти и даже от самой Германии. Также ГШ должен был разработать и, скорее всего, разработал к марту 41-го вариант «Соображений» по отражению агрессии Гитлера, но с размещением наших главных сил в ПриБОВО и ЗапОВО и ответным ударом по Восточной Пруссии и на Варшаву... до Берлина в перспективе — «северный» вариант «Соображений». Но он так, похоже, и остался «запасным» в планах военных.

Но еще раз: в обоих вариантах предполагается, что Гитлер свои главные силы выставит против Прибалтики (под 120 дивизий) и Белоруссии (под 60 дивизий), севернее лесов и болот Припяти и там будет наносить свой главный удар. С приличным, но все же второстепенным ударом по Украине силами прежде всего Румынии и Венгрии. Чтобы достаточно быстро разгромить РККА и выйти к Москве для уничтожения СССР в коротком «Блицкриге» (а «сы-

рье» Украины в этом случае и так достанется Гитлеру). При этом наш ответный удар в любом случае предполагался не ранее чем через пару недель оборонительных боев — пока не закончат развертывание главные силы РККА:

«Первые оперативные эшелоны войск приграничных военных округов, опираясь на существующие укрепления, при поддержке основной массы боевой авиации, в течение 10–15 дней должны были вести боевые действия с тем, чтобы прикрыть мобилизацию, перевозки главных сил, их сосредоточение и развертывание»¹.

Однако в мае Генштаб подготовил для западных округов директивы на разработку новых Планов прикрытия, по которым именно к немедленному ответному удару и должны быть готовы западные округа! Что, по словам авторов сборника «1941 год — уроки и выводы», шло в противоречие с утвержденными планами на случай войны — «Соображениями» по развертыванию войск на случай нападения Германии!

Увы, практически никто из историков и исследователей до сего дня так и не додумался глянуть на эти карты-схемы в сборнике «1941 год — уроки и выводы», внимательно почитать это исследование и увидеть, что еще в 1992 году коллектив военных историков, опираясь на оригинальные и утвержденные «Соображения», показал в тех приложениях, что же произошло на самом деле. Что натворили наши военные в лице наркома обороны и его начальников Генштаба. Что и подтвердил маршал Захаров, мнению которого стоит доверять, мнению маршала, начальника Генштаба СА СССР в течение 10 лет в 1960-е годы, который в своей книге в 1968—1971 годах указал, что (придется его слова об этом привести еще раз полностью):

«главным направлением для действий противника против нас на западе будет смоленско-московское направление, севернее рек Припять и Сан (т.е. со стороны Бреста, через

¹ № 655. Из неопубликованных воспоминаний маршала Советского Союза Г. К. Жукова [не позднее 1965 г.]. РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа. Международный фонд «Демократия». «Документы 1941. В 2-х книгах», М., 1998 г.

Белоруссию. — О.К.). Так оно оценивалось и в записках Генерального штаба РККА за подписью Б.М. Шапошникова. При этом предлагалось против основных сил врага выставить и наши главные силы.

Но с приходом на должность Наркома обороны тов. СК. Тимошенко и начальника Генерального штаба тов. К.А. Мерецкова взгляды на стратегическое сосредоточение и развертывание резко меняются, хотя в оценке возможных действий противника расхождений не было.

Главная группировка советских войск создается южнее Припяти для выполнения следующей стратегической задачи: «Мощным ударом в направлении Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне» (Архив ГОУ ГШ, оп. 240—48 г., д. 528-V).

Захаров привел и архивные реквизиты этих самых оригинальных мартовских «Соображений» («южный» вариант), тогда хранящихся в архиве Генерального штаба. И думаю, эти «Соображения» и есть подлинные и утвержденные, в отличие от тех, что на сегодня опубликованы в «малиновках». И Захаров четко показал, чем мотивировали нарком и начГШ свои идеи:

«В плане стратегического развертывания указывалось: «Удар наших сил в направлении Краков, Бреслау, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительно политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши». (Там же.)

По этому варианту и была развернута Красная Армия к началу Великой Отечественной войны»¹.

То есть маршал М.В. Захаров прямо заявил, по какому «плану» была развернута РККА к июню 41-го — Главные силы немцев ожидаются против ПриОВО и ЗапОВО, но ответное наступление и, соответственно, более мощные силы планиру-

¹ Захаров М. Накануне великих испытаний (М., 1968), Генеральный штаб в предвоенные годы. (М., 2005, с. 421).

ются в КОВО. Для ответного наступления-удара. И верить Захарову в этом можно именно еще и потому, что даже при том, что он буквально «вчера» был начальником Генштаба, ему не разрешили опубликовать его книгу с этими словами в те годы, при его жизни... Однако даже по этому варианту ответное наступление предполагалось спустя те самые пару недель после нападения врага, а нарком и его начГШ решили, что неча ждать и можно начать наступление немедленно.

Это вот размещение войск западных округов, с упором на КОВО, с планированием ответного наступления не по истечении времени, необходимого для развертывания и готовности Главных сил РККА, а немедленно, и привело к разгрому РККА в первые недели войны. Ведь кроме авантюры «с операцией вторжения» («а-ля Тухачевский») из КОВО, уже в «центре», в ЗапОВО. Павловы и коробковы «забыли» привести в боевую готовность до 21 июня и просто разбудить в ночь на 22 июня свои войска. А в ПриБОВО хоть и привели армии в б/г и даже окопы заняли на границе, уже умельцы из ГШ «забыли» прислать в Прибалтику приписных из центральных округов, и армии ПриБОВО начали воевать против двукратно большего по численности вермахта дивизиями в штатах мирного времени, половинного состава.

Тухачевский, в общем, здраво рассуждал, что «операции вторжения», проведенные превентивно армиями приграничных округов по неотмобилизованным и неразвернутым войскам противника, вполне предоставят главным силам РККА время на отмобилизование и развертывание в районах сосредоточения для последующего добивания врага. И, в общем, победы СССР. Однако проведение «операций вторжения» силами западных округов против уже отмобилизованных и развернутых на границе дивизий вермахта, да при неготовности своих главных сил — однозначно приводит и привело к погрому.

Почитайте внимательно «План поражения» Тухачевского и сравните с тем, что натворили с планированием уже Тимошенко и его начальники Генштаба. А теперь вспомним, что там, на следствии и суде, говорил о военном планировании весны 41-го тот же генерал Павлов:

«Председательствующий. На предварительном следствии (лд. 88, т. 1) вы дали такие показания:

«Для того чтобы обмануть партию и правительство, мне известно точно, что Генеральным штабом план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в 10. Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже... Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей».

Эти показания вы подтверждаете?

Подсудимый. В основном да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства¹.

Вот что указали по поводу планирования будущей войны в сборнике «1941 год — уроки и выводы»:

«С учетом задач войск, наличия сил и средств, а также условий местности предписывалось подготовить глубоко эшелонированную, многополосную, способную наращивать сопротивление в глубине оборону».

Выходит, что по имеющимся и утвержденным «планам обороны» войска приграничных округов, приграничные дивизии должны были «подготовить глубоко эшелонированную, многополосную, способную наращивать сопротивление в глубине оборону». Однако в реальности:

«В отличие от обычных условий армиям первого эшелона, имевшим в своем составе 1–2 стрелковых корпуса (3–6 дивизий), механизированный корпус (кроме 14-й и 7-й армий ЛенВО), 1–2 УР, 1–2 смешанные авиационные дивизии, а с началом боевых действий — и пограничные отряды, назначались не полосы обороны, а районы прикрытия шириной

¹ «№ 5. Протокол закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР Москва 22 июля 1941 г.», ЦА ФСБ России. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг.». Сост. В.П. Ямпольский М., 2008.

110—170 км и глубиной 60—100 км. Стрелковым корпусам выделялись участки прикрытия, а дивизиям — подучастки шириной 30—50 км на главных и 120—150 км — на второстепенных направлениях или труднодоступных участках местности».

То есть в реальности вместо подготовки обороны приграничным дивизиям ставилась задача готовить некое «прикрытие».

«В первом эшелоне армий прикрытия на фронте 4520 км планировалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Им предстояло оборудовать с учетом укрепленных районов главную полосу обороны. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия. Фортификационным оборудованием назначенных им оборонительных полос они должны были заниматься с началом боевых действий. Остальные 45 дивизий составляли резервы или вторые эшелоны округов».

Главная оборонительная полоса должна была строиться дивизиями второго эшелона, но дай бог после того, как враг нападет. А до этого они бы заранее выводились дай бог бы только в районы сосредоточения, где стояли бы лагерем в ожидании начала войны.

«На 15 — 20-е сутки мобилизации при помощи местного населения должно быть оборудовано на глубине 100—150 км от границы до 4 фронтовых рубежей. Рекогносцировка этих рубежей в ряде округов и составление плана работ к началу войны не были завершены.

В случае вынужденного отхода предусматривалось создание системы заграждений, разрушение дорог, мостов, железнодорожных систем, уничтожение промышленных и других важных объектов.

Планируемое построение обороны соединений и объединений имело ряд существенных недостатков. Первым недостатком являлось то, что передний край обороны большинства дивизий проходил по государственной границе и полоса обеспечения здесь отсутствовала. К тому же создаваемая оборона не была рассчитана на отражение главных сил про-

тивника. На расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий».

То есть, если враг нападет, негоже нам закапываться и обороняться, мы сами в ответ врежем лихо.

«Второй недостаток состоял в том, что из-за недооценки боевых действий по прикрытию госграницы наиболее сильные группировки советских войск создавались в Белостокском и Львовском выступах, в то время как противник планировал свои главные удары под основания этих выступов. Здесь проходили стыки между военными округами и районами прикрытия (армиями) и оборона была слабой».

Вот интересно — игнорирование возможных действий врага и элементарных правил военной науки и тупое планирование своих лихих наступлений — это что — недомыслие и скудоумие НКО и ГШ или сознательное вредительство «а-ля» «план поражения» Тухачевского?!

«Еще один недостаток заключался в том, что при определении состава группировок войск слабо учитывалась реальная дислокация входивших в эти группировки соединений».

Большинство дивизий Западного и Киевского особых военных округов, прежде чем занять оборону, должны были совершить перегруппировку на расстояние до 60 км, зачастую вдоль фронта в непосредственной близости от госграницы. Какого-либо альтернативного варианта занятия обороны, например, в глубине полосы или в районе дислокации не предусматривалось. Сложный порядок переподчинения ряда соединений, особенно в ЗапОВО, не обеспечивал устойчивого управления ими при внезапном нападении противника. В ряде случаев исходные районы частей и соединений для занятия обороны находились в зоне видимости противника и могли поражаться огнем его артиллерии.

Таким образом, уже в самом планировании закладывались предпосылки для будущих неудач советских войск¹.

¹ 1941 год — уроки и выводы. С. 66—67.

Как видите, планирование было ну очень «странным» на случай нападения врага. А теперь вспоминаем еще и саботаж, что творился в самих округах в последние дни перед войной. Так примерно это и расписывается у путчистов 37-го — как мероприятия по подготовке поражения РККА в случае войны с Гитлером. Для того чтобы на мутной волне поражений свалить вину на «тирана Сталина», свергнуть его, захватить власть в стране и потом пойти на мир с Гитлером на его условиях. Ведь Сталин имел огромную поддержку в СССР среди народа, свалить его примитивным дворцовым переворотом было в принципе нереально. А вот свалить «тирана» на мутной волне поражений, за которые Сталин будет «нести ответственность» как глава СССР, вполне можно. Ведь наши военные вполне «здорово» рассуждали, что справиться с Гитлером, за которым стоит ВСЯ Европа и та же Англия и США, в принципе, невозможно.

Хочешь не хочешь, а приходится признавать, что именно предательство «на брестском направлении» (как тот же Павлов и пытался сказать на следствии), а точнее в ЗапОВО и ПриБОВО (в которых не провели отмотилизование под видом учебных сборов), также стало причиной поражения Красной армии в июне 41-го. Ни «разгильдяйство» (что, конечно же, присутствовало), ни «объективные» причины в виде «поголовного умственного недоразвития павловых, назначенных тираном на западные округа» (на что потом пытались свалить те же Сандаловы—Жуковы) не нанесли бы столько урона стране и армии, как именно предательство отдельных генералов. Наложённое на авантюру с планированием лихих грандиозных ответных наступлений вместо обороны, как прописано было у Шапошникова, наследников и поклонников Тухачевского. Таким образом, даже если кому и не нравится идея с «заговором» среди военных как причина разгрома Красной Армии в лето 41-го, но приходится признавать, что без этого не обошлось точно.

Зачем еще Тухачевскому, а потом и его «ученикам» и сторонникам надо было сдавать страну и армию таким образом?! Так все просто — никто из высших военных в окружении того же Тимошенко не был уверен, что СССР и РККА, в которой только в сентябре 1939 года была создана

регулярная армия по всеобщей воинской обязанности, в которой только с этого времени и начались реальные реформы по перевооружению, способна противостоять Гитлеру и всей Европе! Как говорится — куды уж нам лапотным тягаться с Германией!!! И если Гитлер нападет и победит, то кому будут нужны наши маршалы в поверженной стране?!

А вот если война закончится «ожидаемым» поражением СССР, но все же не полным разгромом, а по неким договоренностям с Гитлером, то глядишь, как говорил по пьяни Мерецков Павлову, «нам от этого ничего не будет»:

«Председательствующий. На лд. 86 тех же показаний от 21 июля 1941 г. вы говорите:

«Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, доказывал неизбежность поражения Красной армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет».

Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Подсудимый. Да, такой разговор у меня с ним был. Этот разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Председательствующий. Кому это «нам хуже не будет»?

Подсудимый. Я понял его, что мне и ему.

Председательствующий. Вы соглашались с ним?

Подсудимый. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват.

Председательствующий. Об этом вы докладывали кому-либо?

Подсудимый. Нет, и в этом я также виноват»¹.

То, что многие военные не верили, что можно выстоять против Гитлера и его союзников, и что они готовы были драпать при первых же неудачах, показывает в своих воспоминаниях тот же маршал С.М. Буденный — в тех кусочках,

¹ Ямпольский В.П. Указ. соч. М., 2008, с. 500.

что проскакивают иногда из его «дневников», или в пересказах его дочери (можно при желании найти в Интернете ее интервью). Например, он описывает, как маршал Тимошенко под Смоленском в июле 41-го впадал периодически в истерику и вопил: «Все прос.. али, надо драпать до Урала или Аляски» и т.п. То же самое за ним записывали уже особы под тем же Сталинградом в июле 42-го...

Так что из неверия в собственную армию и страну вполне возникало желание сдать врагу и страну, и армию в надежде в перспективе оказаться не в канаве или камере, а на «приличной» должности в новой власти.... каким-то-нибудь «гаулейтером». В конце концов, новым властям также нужны будут холуи управлять оккупированными землями и «быдлом», их населяющим. Это к вопросу — какой мотив мог быть у некоторых генералов-предателей. В конце концов, а что могли малодушные ожидать от неизбежной войны с Гитлером, под которого Франция, что вполне успешно сражалась с Германией в Первую мировую, легла в июне 1940 года за месяц. Правда, виной оказалось еще и полное нежелание самих французов, их армии и маршалов, героев Первой мировой, в принципе, сражаться за свою «свободу» (хотя, с другой стороны, не особо немцы и притесняли в итоге оккупированную Францию). Точно так же еще меньше оптимизма у наших малодушных могли вызвать итоги военной кампании СССР с Финляндией. Когда не получилось «на ура» разгромить достаточно немногочисленные войска соседа на его, в общем, не самых мощных в мире укреплениях на границе. А ведь наши генералы также «понимали», что наша армия «милицейского» типа, которая до сентября 1939 года была еще дай бог в пару миллионов, увеличенная до 5,5 миллиона к июню 41-го, за такой короткий срок ну никак не могла стать достаточно боеспособной, чтобы выстоять против армии Германии и ее союзников общей численностью больше 7 миллионов.

Однако чтобы не признавать факт предательства отдельных (именно отдельных, а не всех) генералов что в округах, что в Москве, некоторые «исследователи», называя предательство как причину «смешной версией», которую и рассматривать «не стоит», предлагают свои «объяснения» того,

что творилось в западных округах. Мол, факты разоружения истребительных и не только полков, изъятие прицелов в артополках, боеприпасов из техники и казарм в последние предвоенные дни и т.п. если и было, то исключительно по указке чуть не Сталина! Готовился красивый удар немедленного наступления из КОВО по союзникам Германии — Румынии и Венгрии, но в «центре», чтобы командиры в грустной «обреченности» (понимая и зная, что по ним наносится главный удар Гитлера) не начали бы сами ни с того ни с сего стрельбу и даже нападение на Германию, их и разоружали приказами Москвы. Ведь Павлов не стал бы это делать по своей воле! А так как предательства «по определению» (видимо) быть не могло, то значит, это такая хитрая задумка была у «тирана» — умышленная «демобилизация» собственных войск.

То есть КОВО готовят к ответному вторжению после нападения Гитлера — из «Львовского выступа» силами самого мощного мехкорпуса КОВО (4-го) под командованием Власова с приданным мехкопусом того же Рябышева (8-м). «Центр» (ПриБОВО и ЗапОВО) должен держать удар и продержаться, пока КОВО громит союзников Германии и отрезает ее от нефти Румынии и вообще от Балкан, а также наносит свой вспомогательный удар силами «конно-механизированной группы Болдина» (самый мощный мехкорпус ЗапОВО и вообще РККА — 6-й, Хацкилевича, и приданные ему в помощь войска) «на Сувалки», из «Белостокского выступа»! Но при этом Сталин еще и разоружает собственные войска, приводя их в небоеспособное состояние в Белоруссии и Прибалтике!

Вот такие вот бредовые идеи возникают в головах «исследователей», пытающихся опровергнуть возможную измену среди отдельных генералов (см. книгу Е. Резонтова «Расшифрованный Сталин». М., 2012. Серия «Запрещенная история. От вас это скрывают!»). В чем бредовость? Только в «объяснении» фактов саботажа и разоружения со срывом отмобилизования в ЗапОВО и ПриБОВО. В остальном — именно так и планировалось Тимошенко и Жуковым начало войны — в ПриБОВО и ЗапОВО готовится оборона с частными контрударами, а из КОВО наносится главный ответный удар...

Но это, как говорится, «планы поражения» возможных вполне заговорщиков. А что же было с «планами нападения» на лето 41-го, которые так ищут и никак не могут найти «резуны»? Увы — никак.

«Соображения от 11 марта» (и тем более оригинальные) при всей своей авантюристичности были все же оборонительными планами с ответными наступлениями на напавшего врага. По ним в начале мая для западных округов ГШ отработал новые Планы прикрытия. Эти ПП к концу мая, как и предписывалось, отработали на уровне округов, но не отработали на уровне корпус — дивизия минимум. Эти ПП при этом и предусматривали нанесение ответного удара силами КОВО «на Люблин» при активной поддержке соседних округов. И никакой «превентивной» дури.

Резуны обожают размахивать «планом от 15 мая»? Их проблемы. Мозги надо иметь и хоть немного ими думать. Ведь что написал-предлагал Василевский по указке Жукова в мае 41-го (в скобках — то, что вписывалось в этом неутвержденном черновике вместо зачеркнутых слов или цифр):

«Вероятнее всего главные силы немецкой армии в составе 75[6] пехотных, 10[1] танковых,» 10 8 моторизованных, [2 кавалерийских] и 5 воздушных, а всего до 100 дивизий будут развернуты к югу [от линии Брест—] Демблин для нанесения [главного] удара в направлении — Ковель, Ровно, Киев.

Этот удар, по видимому, будет сопровождаться ударом [Одновременно надо ожидать удара] на севере из Восточной Пруссии на Вильно, [Витебск] и Ригу, а также короткими[х], концентрическими ударами[ов] со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи.

На юге — возможно [Надо] ожидать [ударов] одновременного с германской армией — перехода в наступление в общем направлении на Жмеринку — Румынской армии, поддержанной германскими дивизиями : (а) в направлении Жмеринка румынской армии, поддержанной германскими дивизиями б) в направлении Мункач, Львов и в) Санок, Львов.]

Не исключена также возможность вспомогательного удара немцев из-за р. Сан в направлении на Львов.

Вероятные союзники Германии могут выставить против СССР: Финляндия до 20 пехотных дивизий, Венгрия — 15 пд, Румыния до 25 пд.

Всего Германия с союзниками может развернуть против СССР до 2490 дивизий».

Так делается расчет сил Германии, которые готовятся нападать на СССР, что вполне разумно. А затем предлагается вроде как гениальное (подчеркнуто и зачеркнуто было в тексте черновика):

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар.

Чтобы предотвратить это, и ~~разгромить немецкую армию~~, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому Командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск

<...>

*Народный Комиссар Обороны СССР
Маршал Советского Союза (С. Тимошенко)
Начальник Генерального Штаба К.А.
Генерал-армии (Г. Жуков)*

Рукопись, подписи отсутствуют. ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 237, лл. 1–15»¹.

В чем «гениальность»? В том, что к 15 мая 41-го действительно вермахт был отобилизован и имел развернутые тылы, но не разворачивался еще для нанесения удара по СССР — не начал выдвижение к границам на исходные рубежи для атаки, то есть находился на «зимних кварти-

¹ Выложен на форуме сайта «Милитера» 20.09.2009 года Чекуновым С.Л. («Сергей ст.») — <http://militera.borda.ru/?1-3-0-00001192-000-0-0-1264010477>.

рах», в казармах. И Василевский (по указке начГШ Жукова) предлагает нанести упреждающий удар в тот момент, когда вермахт начнет двигаться к этим рубежам на границе. И теоретически это вполне разумно — именно в таком состоянии и громили немцы уже наши войска в июне-июле 41-го — в момент развертывания, то есть в движении, не занявших рубежи обороны.

Вспомнили «План» Тухачевского с его «армиями вторжения»? Правильно — сходство «плана от 15 мая» с «планами» Тухачевского есть. И оно в предложении ударить первыми. Однако Тухачевский предлагал нанести удар по войскам противника, которые не только не развернуты, но и не отобилизованы. А тут предлагается нанести упреждающий удар по отобилизованным, но пока не начавшим движение войскам. Реализовывался ли этот «гениальный план» Жукова—Василевского? Нет.

Тот же Тухачевский предлагал нанести превентивный удар своими «армиями вторжения», которые к моменту удара будут и отобилизованы, и развернуты для удара, то есть выдвинуты на исходные для такого удара к границе и быть в штатах, близких к штатам военного времени. А Жуковы хотели напасть первыми своими армиями по уже, в принципе, готовому к войне вермахту. Поймав момент, когда вермахт начнет выводиться на исходные рубежи к границе.

Могли ли армии запокругов, а именно КОВО, в короткие сроки быть и отобилизованы, и выдвинуты к границе для такого удара? В принципе, могли бы. Вот только в реальности ничего этого не делалось. И тот же М. Солонин, наиболее фанатичный сторонник идей В. Резуна и наиболее ненавидящий СССР, Советскую власть и лично «товарища Сталина» (так что «даже кушать не могу»), начав рыться в архивах по предвоенным дням, так и не нашел следов реальной подготовки такого удара по «плану от 15 мая». Он «нашел» не более чем фальшивые «Соображения» и такие же фальшивые карты к ним, состряпанные лет 50 назад только для того, чтобы «доказать» рассказы маршалов о том, что «тиран заставлял их считать Украину главным в ударе Гитлера».

Вот что пишут об этом «плане от 15 мая» в сборнике «1941 год — уроки и выводы» профессиональные историки:

«На основе указаний начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин составил «План разработки оперативных планов», в соответствии с которым в феврале был разработан ряд важнейших оперативных документов».

После этого и были к марту разработаны два «крайних» варианта отражения агрессии — «южные» и «северные Соображения».

«В марте — мае 1941 г. Н.Ф. Ватутин совместно с генерал-майором Л.М. Василевским на основе указания начальника Генерального штаба и новых разведывательных данных вносили существенные уточнения в план стратегического развертывания Вооруженных Сил.

По оценке Генерального штаба, на наших западных границах в марте 1941 г. противник сосредоточил до 76 дивизий (в том числе 6 танковых и 7 моторизованных), в мае — до 120 дивизий (в том числе 13 танковых и 12 моторизованных). (85. ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 237, л. 3)¹.

Данные сведения позволили руководству Генерального штаба прийти к выводу о том, что против Советского Союза противник на данном театре сможет иметь до 284 дивизий.

15 мая руководство Генерального штаба отмечало, что главный противник — фашистская Германия содержит свою армию полностью отмобилизованной, имея развернутые тылы. Был сделан вывод, что «в этих условиях она имеет возможность предупредить советские войска в развертывании и нанесении внезапного удара» (85. ЦАМО, ф. 16А, оп. 2951, д. 237, л. 3—4).

Именно эти реквизиты показывает и С. Чекунов по черновику «плана от 15 мая»².

А далее авторы сборника показывают, почему СССР в принципе не мог по этому плану что-то предпринять — он не успевал в любом случае.

¹ Исходная нумерация примечаний здесь и далее сохранена.

² ЦАМО, ф. 16а, оп. 2951, д. 237, лл. 1—15.

«Данный вывод Генерального штаба следует признать не совсем правильным. Обстановка указывала, что развертывание немецко-фашистской армии для нападения на Советский Союз в основном уже завершалось и противник упредил Советские Вооруженные Силы в развертывании своих войск. Таким образом, наступил критический момент в определении характера действий советских войск.

Руководство Генерального штаба считало, что ни в коем случае нельзя отдавать инициативу действий германскому командованию. В рабочих вариантах «Соображений» предлагалось «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» (87 — ЦАМО, ф. 16А. оп. 2951, д. 236, л. 63—69).

Однако в тот момент для осуществления такого замысла время было упущено. Следовало предпринимать кардинальные меры по отражению готовящегося удара противника и обеспечению в этих условиях стратегического развертывания Красной Армии. Однако этого сделано не было. В расчетах по-прежнему определялись решительные цели и глубокие задачи войскам (*наступательные.* — О.К.). Прорабатывались действия войск по нанесению двух ударов: одного, главного — на Краков, Катовице и другого — на Варшаву, Дембшин с выходом к 30-му дню операции на рубеж Лодзь, Оппельн.

Для решения этих задач намечался вариант развертывания на Западе 258 дивизий (в том числе 58 танковых, 30 моторизованных, 7 кавалерийских), 53 артиллерийских полков РГК, 165 авиационных полков. Главные силы в составе 122 дивизий и 91 авиационного полка выделялись Юго-Западному фронту, а Западный фронт получал 45 дивизий, 21 авиационный полк.

Что касается противника, то для достижения ближайших целей войны он намечал в соответствии с планом «Барбаросса» развернуть свои главные силы (190 дивизий) в целях уничтожения основных сил «русских сухопутных войск, находящихся в Западной России».

То есть Гитлер размещал главные силы против Прибалтики и Белоруссии!

«Таким образом, каждая сторона, исходя из содержания своих оперативных планов, стремилась в короткие сроки достичь ближайших стратегических целей войны наступлением развернутых к определенному сроку ударных группировок. Это и должно было явиться основным содержанием начального периода войны.

Чтобы обеспечить Вооруженные Силы от возможного внезапного удара противника, руководство Генерального штаба предлагало заблаговременно провести ряд мероприятий по скрытному отмотилизованию войск, особенно армий резерва Главного Командования. Подтверждением служат рабочие материалы, разработанные 15 мая 1941 г. по оперативному использованию Вооруженных Сил. В них кроме всего прочего предлагалось нанести по противнику упреждающий удар.

Однако рекомендации по нанесению упреждающего удара, даже в условиях непосредственной подготовки противника к агрессии, противоречили характеру советской военной доктрины и той политике, которую проводил Советский Союз непосредственно накануне войны. Кроме того, Советские Вооруженные Силы не были готовы к столь решительным действиям...»

При этом «резуны» пытаются «доказать», что по этому «плану» Сталин все же собирался нападать примерно к середине июля (немецкие генералы умнее были и это нападение «ожидали» на август), но это все дурость. Нападать можно было с неким шансом на успех только в тот момент, когда свои войска уже на границе в полной боевой готовности и ждут «три зеленых свистка». А немцы находятся в движении — в маршевых колоннах и в эшелонах. А вот этого уже никак произойти не могло после «15 мая». К концу мая, если бы РККА была бы в более высокой степени боеготовности, отмотилизованности и развернутости на границе, еще могли рассчитывать на некий успех с «превентивным» ударом по вермахту. Однако немцы-то раньше начали выдвигать свои дивизии к границе, а РККА по-любому отставала от вермахта в развертывании на конец мая. Когда этот «план от 15 мая» (а писали его все же не 15 мая, а несколько позже) могли бы рассматривать?

Например, на совещании у Сталина командующих западными округами с командующими ВВС этих округов 24 мая 1941 года. После чего о нем забыли, и этот черновик провалялся в сейфе Василевского до конца 1940-х годов, когда его достали оттуда и сдали в архив на общих основаниях. Как и прочие подобные разработки ГШ.

С учетом реализации, с учетом пропускной способности войск СССР в любом случае отставал от Германии в развертывании, и вся надежда была только на Планы прикрытия, по которым приграничные дивизии, пока не погибнут, дадут время на развертывание в районах сосредоточения и на отмотилизование сначала дивизиям 2-го эшелона. Потом те дадут время на сосредоточение и развертывание дивизиям прибывающих из внутренних округов армий главных сил РККА («10–15 дней» по Жукову), и в итоге у СССР есть шанс выдержать удар Гитлера и не быть разгромленным...

Так что напасть первыми СССР-Сталин ну никак не мог, даже если бы и очень (очень-очень) захотел. Немцы начали раньше выводить свои войска, и поэтому нанести превентивный удар СССР просто не успевал с гарантией успеха.

Ну а как было в реальности — мы уже рассматривали...

Жуков и Тимошенко начали готовить войска приграничных округов к немедленному ответному наступлению, начали реализовывать в первую очередь «южный» вариант «Соображений» от марта 1941 года. С немедленным ответным наступлением из Украины силами КОВО. По развернутым и отмотилизованным войскам Гитлера своими не отмотилизованными и не развернутыми уже по вине павловых-кирпоносов дивизиями. Надеюсь, что павловы сдержат врага в «центре».

22 июня Жуков подготовил «Директиву № 3» и вечером помчался в Киев, чтобы лихо, по-молодецки рвануть «на Люблин». А потом, чтобы скрыть свой позор и вину за трагедию «22 июня», начал сочинять (врать), что «тиран заставлял» считать его с Тимошенко, что немцы главный свой удар будут наносить по Украине (и для этого там надо нагнать побольше дивизий) и что «тиран заставил» поста-

вить Жукова его подпись под «Директивой № 3», которой Жуков и пытался реализовать свои дурные идеи:

«Н.Ф. Ватутин сказал, что И.В. Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить мою подпись.

— Что это за директива? — спросил я.

— Директива предусматривает переход наших войск к контрнаступательным действиям с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары, — возразил я. — Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо, — сказал я, — ставьте мою подпись.

Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М.А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь».

Жуков врет, что это была директива «наркома», врет, что он по самодурскому приказу «тирана» чуть не в 14.00 уже летел в Киев:

«Примерно в 13 часов мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И.В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе.

Видимо для «достоверности», Жуков добавил «подробностей»:

«Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили летчики, угостившие меня крепким чаем и бутербродами.

К исходу дня я был в Киеве в ЦК КП(б)У, где меня ждал Н.С. Хрущев. Он сказал, что дальше лететь опасно. Немецкие летчики гоняются за транспортными самолетами. Надо ехать на машинах. Получив от Н.Ф. Ватутина по ВЧ последние данные обстановки, мы выехали в Тернополь, где в это время был командный пункт командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса.

На командный пункт прибыли поздно вечером, и я тут же переговорил по ВЧ с Н.Ф. Ватутиным».

Тот и «рассказал» Жукову, что подписана «Директива № 3» и Сталин заставляет Жукова поставить его подпись¹.

Но согласно «Журналам посещения Кремля» Жуков 22 июня сначала был у Сталина утром: «5. Жуков НГШ КА 5.45–8.30», после чего в западные округа ушла «Директива № 2». А затем он с Тимошенко и Ватутиным были у «тирана», «заставлявшего Жукова ставить его подпись» под «Директивой № 3», вечером 22 июня: «23. Шапошников зам. НКО по УР 13.15–16.00; 24. Тимошенко 14.00–16.00; 25. Жуков 14.00–16.00; 26. Ватутин 14.00–16.00; 27. Кузнецов 15.20–15.45; 28. Кулик зам. НКО 15.30–16.00; 29. Берия 16.25–16.45; Последние вышли 16.45».

В том, что Жуков врал, сваливая на Сталина ответственность за подготовку наступления по «Директиве № 3» и провал этой авантюры, его изобличал еще генерал армии Покровский в 1968 году... еще до выхода в свет мемуаров маршала Победы:

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969, С. 250–251.

«...на Юго-Западном фронте побывал Жуков, в самые первые дни, организовал там наступление с лозунгом: «Бить под корень!» На Люблин. Из этого наступления ничего не получилось. Погибло много войск, мы потерпели неудачу. Жуков уехал в Москву. Правда, потом он говорил, что это наступление было организовано по приказанию Сталина...»¹ Впрочем, ловили Жукова на вранье и тот же Голованов, и многие другие маршалы.

У кого-то еще есть «версии» о том, что же произошло «22 июня»? Думаю, «резунов», как и положено, я не убедил ни в чем. Но так это и не было целью данной книги. Ну а теперь перейдем, наконец, к самому непростому — ответу на «простой» вопрос: «Почему, если Жуков виновен в трагедии 22 июня, то его, как павловых, не расстреляли летом 1941 года?!»

¹ Беседа К.М. Симонова с бывшим начальником штаба Западного и Третьего Белорусского фронтов генерал-полковником Покровским Александром Петровичем. Записана 26 мая 1968 г. Запись беседы печатается по оригиналу, находящемуся в архиве К.М. Симонова, в его семье, с сохранением всех особенностей речи Александра Петровича. Источник: <http://rkka.ru/memory/pokrovskiy/main.htm>.

ПОЧЕМУ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ ЖУКОВА,
или Что подтверждает подготовку немедленного
ответного наступления из Киевского ОВО
в ответ на агрессию Гитлера

Разбираясь в событиях 41-го, в предательстве Д.Г. Павлова, а точнее сомневаясь в том, что предательство могло быть среди отдельных высших генералов, некоторые задают, как им кажется, «каверзный» вопрос: «Почему же вместе с Павловым Сталин не поставил к стенке и его старшего начальника Г.К. Жукова, если тот так же виновен в разгроме РККА в Белоруссии?» Ведь Сталин был «тиран-деспот»! Одним генералом больше, одним меньше, поставить к стенке. Просыпался Сталин утром не с той ноги и мочил пару миллионов. Вставал с другой — отправлял другие миллионы в Сибирь. Палач он и есть палач советского народа! Мол, и до этого расстреливали генералов «за измену» и после.

Самый простой ответ — воевать некому было. Но если поподробней, то все несколько сложнее будет. Сталин на самом деле несет ответственность перед своим народом за все, как любой глава государства. Но. И.В. Сталин действительно был высокопрофессиональным руководителем, но в сентябре 1940-го Сталин профессионал пока еще только в гражданских областях — в экономике, политике. В военных же вопросах ему приходится доверять мнению генералов (не мог же он разорваться и еще и за военных думать?). Тем более основная часть из них проявили себя и в Испании, и в Монголии, и в Финляндии. Получили Героев Советского Союза. Юго-Западным (Киевским) Особым до января 41-го командовал герой СССР Г.К. Жуков

Западным (Белорусским) Особым — Герой СССР Павлов Д.Г. Другие генералы-маршалы также после проведенных чисток армии от заговорщиков по «Делу Тухачевского» вроде как считались преданными Родине, прежде всего (не все из них при этом даже в партии состояли) командирами, и имели вполне приличное военное образование для того, чтобы принимать решения на будущую возможную и ожидаемую агрессию Германии. Какие основания были у Сталина (кроме того, что он был «патологически подозрителен») не доверять этим генералам-героям?

Как политик и хозяйственник, Сталин при рассмотрении «плана на отражение агрессии» Шапошникова в сентябре-ноябре 40-го действительно мог (и должен был) высказать предположение, что Украина однозначно будет интересовать Гитлера, прежде всего как промышленно-сырьевая территория, особенно марганец Никополя и уголь Донецка с металлургией Днепропетровска. Кстати, Никополь немцы в 44-м обороняли не хуже, чем мы Брест (крепость) в 41-м. И естественно, Сталин должен был дать распоряжение «профессионалам» учесть это в своих расчетах и планах на отражение агрессии. В Белоруссии особо не разбежишься. Можно наступать только на узких направлениях, ограниченных лесами и болотами (в 44-м немцы чувствовали себя вполне комфортно в Белоруссии и не ждали серьезного наступления Советской армии). А вот Украина в этом плане уязвимее. Вполне может быть, что усиление группировки на Украине убедило Сталина в том, что, с одной стороны, это надежней прикрывает важный регион, а с другой — даже если в Белоруссии и произойдет некоторый прорыв в «глубь» болот войск Германии, то ударом с юга и севера (из Прибалтики) прорвавшиеся немцы будут окружены и разбиты. Вполне убедительная картина для невоенного человека, каким был Сталин тогда? Особенно если ее рисуют генералы, которым нет особых причин не доверять. Войск у Павлова в Белоруссии поменьше, чем на Украине. Но могли ведь убедить Сталина генералы, что этих войск вполне достаточно для успешного отражения нападения? Хватит войск у Павлова, чтоб надежно прикрыть направления возможного наступления в Белоруссии. Убедили....!

Под видом усиления (вполне разумного) Украины нагнали войска для подготовки «красивого» наступления из КОВО в случае нападения Гитлера на СССР. А потом, когда авантюра не удалась и наступление из КОВО, начатое «Директивой № 3», провалилось из-за того, что павловы в «центре» открыли фронт врагу, свалили все на Сталина, мол, он нас заставил так войска разместить вдоль границы! «Тиран заставил» их считать Украину главной в ударе Гитлера!

Вот эти вполне правильные и возможные рекомендации Сталина по усилению Юго-Западного округа (не в ущерб, конечно же, остальным округам) «мемуаристы» и превратили в якобы «переработку плана отражения от сентября 40-го» и пр. бред. В сказки о том, что «Сталин приказал» считать Юго-Западное направление главным при нападении Германии. Так что размещение войск вдоль границы вполне могло происходить с «ведома Сталина». Но Сталин хоть и был «Великий и всемогущий», но не настолько, чтобы каждую роту лично размещать на «ротном опорном пункте» на границе. Так что в сентябре 40-го ему приходилось доверять своим генералам. По крайней мере, «не доверять» причин у него не было. И «согласившись» с мнением Генштаба на это размещение войск вдоль границы, что сохранилось к июню 41-го, у Сталина не было особых «причин» ставить лично Жукова к стенке. В конце концов, даже маршал М.В. Захаров, будучи в личных «контрах» с маршалом Победы, в своей книге указал на тех, кто персонально виновен в том размещении войск — с усилением Юго-Западной группировки, в КОВО — Тимошенко—Мерецкова. Тех, кто стал протаскивать идею нанесения ответного удара по напавшему врагу из Украины, по союзникам Гитлера. А Жуков только продолжил реализацию этой авантюры, став начальником Генштаба в феврале 1941 года.

Может, позже сам Сталин чувствовал личную «вину» за то, что слишком доверял генералам, их «профессионализму»? В конце концов, чтоб не ломать себе голову, он просто взял все в свои руки к августу 41-го от греха подальше. Взял на себя ВСЮ ответственность по руководству войной, стал Верховным Главнокомандующим. Знал, что потом, один черт, обвинят во всех смертных (и бессмертных) «грехах».

Но в любом случае фактов, подтверждающих преступный умысел со стороны начальника ГШ генерала армии и Героя Советского Союза Г.К. Жукова и даже наркома обороны маршала С.К. Тимошенко, у Сталина наверняка не было летом 41-го. Так чего ж их расстреливать? Воевать надо. А с виновными потом как-нибудь разберемся, после Победы. Даже Павлова Д.Г., который три дивизии (больше 40 тысяч человек!) не вывел (как положено) хотя бы в летние лагеря, а оставил в казармах в Бресте, в которых их и расстреливали немцы из полевых пушек утром 22 июня, обвинили не в предательстве, а в преступной халатности. Что, впрочем, в его случае все равно тянуло на расстрел. Но, кстати. Вопрос о расстреле Д. Г. Павлова решался не в трибунале, а как было принято в те годы, в Политбюро (что и сегодня вполне бывает). И там не все голосовали за высшую меру. Предлагали отправить командовать танковой дивизией. Но именно Г.К. Жуков и настаивал на расстреле своего подчиненного (в армии всегда есть возможность выскребстись самому, проявив «принципиальность» в наказании подчиненного).

Военные предложили два варианта отражения агрессии — ответный основной удар по Гитлеру по его же войскам в В. Пруссии и северной Польше из Прибалтики и Белоруссии. И второй — ответный удар из Украины. С отсечением Гитлера от нефти Румынии и прочих союзников Гитлера на Балканах — «на Люблин». С окружением и уничтожением до 100 немецких дивизий в Пруссии и Польше. Сталин дал добро на разработку обоих вариантов, но при этом предпочтительным должен был считаться удар из ПриОВО и ЗапОВО с размещением там главных и более крупных сил РККА. Не исключалась и возможность нашего ответного удара из КОВО, однако только при условии, если против КОВО будут обнаружены именно главные силы немцев.

Так же Сталин, дав согласие на то размещение войск вдоль границы, в Западных округах, должен был учитывать опыт военных конфликтов предвоенных лет:

- немцы во Франции и Чехии сначала прихватывали промышленные районы, а уж затем все остальное;
- поляки в Чехии тоже не болота оттапали;

— японцы в Китае в первую очередь более развитую Маньчжурию захватили. И только потом остальной Китай.

Войны ведутся все же в первую очередь из-за ресурсов, а уж потом «идеологии». И в неизбежном нападении Германии, даже имея данные о «минском направлении» удара, Сталину приходилось учитывать вероятность «интереса» Гитлера к Украине. Так что дело не только в «неудачном расположении» войск. И скорее всего, именно с «ведома» Сталина был усилен Юго-Западный округ большим количеством войск, чем Западный. В конце концов, эти округа и по размеру разные, и по условиям их обороны. Другое дело, вряд ли Сталин мог предполагать, что ГШ и генералы настолько «начудят» в подготовке отражения — тот же Павлов откровенно сдаст округ на избиение, сорвав его мобилизационную готовность, а в ПриОВО «забудут» привезти приписных.

Павлов потом выкручивался на следствии, то заявляя о заговоре и предательстве «на Брестском направлении», то отказываясь от своих показаний. Видимо, надеялся, что сможет легко отделаться, и не рассчитывал, что на расстреле будет настаивать именно его старый друг и начальник Г.К. Жуков. Не зря же Павлов (по к/ф о Жукове «Битва за Москву» Ю. Озерова) пытался «прикрываться» тем, что все распоряжения из ГШ говорят якобы только о том, чтобы «не поддаваться на провокации». Мол, до 22 июня в официальных документах ГШ не было ни слова о том, чтобы приводить войска Западных округов в «полную» или хотя бы в «повышенную» (частичную) боевую готовность. Только указания «не поддаваться на провокации»! При этом этот «диалог» показан без свидетелей и мог быть написан только со слов Г.К. Жукова. Кто ж посмеет уличить Г.К. Жукова в том, что этого разговора просто не было? Вот только не все документы, в которых говорится о приведении приграничных округов в боевую готовность, после войны смогли уничтожить. Да и офицеры этих округов, свидетели предвоенных дней, оставили свои воспоминания.

Так что не предательский умысел был у того же Жукова, который только претворял идеи Тимошенко—Мерецкова в жизнь — нагонял войска в КОВО и готовил его к немедленному ответному удару по Германии и ее союзникам.

Когда вместо основного варианта отражения агрессии — «северного» варианта «Соображений» Шапошникова, начал реализовываться «южный» вариант, запасной, да еще и под него тот же начальник РУ ГШ генерал Голиков, игнорируя сообщения той же «Альты» (Ильза Штёбе), подавал руководству страны и Армии сообщения чуть не анонимных агентов-источников о том, что якобы против КОВО немцы концентрируют свои главные силы и собираются в первую очередь захватить Украину!

На сегодня можно сказать примерно так — это было не преступление, это было хуже — это было ошибкой. Преступлением было начинать ответный удар-контрнаступление немедленно, на «следующий» день после нападения врага. Вот за что Жуков должен как командир нести ответственность. Но и тут Жуков додумался свалить ответственность за это на «тирана». Мол, Сталин вечером 22 июня заставил его поставить подпись по телефону (?) под директивой именно наркома (а не Жукова) «№ 3».

Но до тех пор, пока не рассекречены следственные дела на генералов, пока не рассекретят оригинальные мартовские «Соображения» (утвержденные и подлинные «южный» и «северный» варианты) и все исходящие шифровки ГШ за предвоенные дни, говорить о преступном умысле лично Жукова в тех событиях по подготовке отражения нападения Гитлера на СССР рановато будет. Впрочем, выяснить что-то по исходящим директивам и приказам ГШ можно «окольным» путем — перелопатив директивы и приказы штабов округов за те предвоенные дни. Ведь при получении директивного указания НКО и ГШ штаб округа обязан был выдать свое указание армиям «во исполнение» такой-то директивы Москвы. В конце концов именно так и начали мухины выяснять, что же произошло в те дни — смотрели на директивы и приказы, что сохранились и были опубликованы по округам, и, понимая, что те приказы не были «инициативой» местного командования, сделали вывод, что же исходило из НКО и ГШ. Ведь «без приказа в армии ничего не делается». И точно так же можно выяснить и по предвоенному планированию — смотри, что сочиняли в округах, и поймешь, что готовили в ГШ на

случай нападения Гитлера. А это мы уже рассматривали не раз — по последним, майским Планам прикрытия западных округов видно, что ПрибОВО и ЗапОВО (как и тот же ЛенВО) должны готовиться к активной и упорной обороне с частными контрударами по напавшему врагу. А КОВО в «Задачах обороны» должен был быть готов именно к ответному мощному удару силами всего округа.

КОВО:

«I. Задачи обороны

Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа.

Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск округа.

Противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск округа. Всеми видами разведки своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника.

Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным группировкам войск, железнодорожным узлам и мостам нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника.

Не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника. При благоприятных условиях всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»¹.

Если глянете в ПП соседних округов, там такой фразы — «всем обороняющимся и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника» — нет. При том, что ПП этих округов (ПрибОВО и ЗапОВО) выполнены почти под копиру.

¹ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 262, лл. 2—49.

ПрибОВО:

«I. Задачи обороны:

1) не допустить вторжения как наземного, так и воздушно-го противника на территорию округа;

2) упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания войск округа;

3) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

4) всеми видами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

5) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

6) не допустить сбрасывания и высадки на территорию округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

II. Оборону государственной границы организовать, руководствуясь следующими основными указаниями:

1) в основу обороны положить упорную оборону укрепленных районов и созданных по линии госграницы новых укреплений с использованием всех сил и возможностей для дальнейшего их развития. Обороне придать характер активных действий. Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидировать контратаками корпусных и армейских резервов;

2) особое внимание уделить противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьбу с ними и ликвидацию прорыва осуществить непосредственным распоряжением командования округа, для чего массированно использовать большую часть противотанковых артиллерийских бригад, механизированных корпусов и авиацию.

Задача противотанковых бригад — на подготовленных рубежах встретить танки мощным артиллерийским огнем

и совместно с авиацией задержать их продвижение до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов.

Задача мехкорпусов — разворачиваясь под прикрытием противотанковых бригад, мощными фланговыми и концентрическими ударами совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв;

3) предусмотреть нанесение контрударов механизированными корпусами и авиацией во взаимодействии со стрелковыми корпусами и противотанковыми бригадами...»¹.

ЗапОВО:

«2. Общие задачи войск округа по обороне госграницы:

а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов: не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; прочно прикрыть отомобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа;

б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

г) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника.

3. Оборона государственной границы организуется на следующих основаниях:

а) в основу обороны войск положена упорная оборона укрепленных районов и созданных по линии госграницы полевых укреплений с использованием всех сил и возможностей, начиная с мирного времени, для дальнейшего их развития. Оборона

¹ ЦАМО РФ, ф.16, оп. 2951, д. 242, лл. 1—35.

строится на активных действиях с развитием в глубину. Всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно ликвидируются контратаками войсковых и армейских резервов;

б) особое внимание уделяется противотанковой обороне. В случае прорыва фронта обороны крупными мотомехчастями противника борьба с ними и их уничтожение будут осуществляться непосредственно командованием округа, для чего часть противотанковых артиллерийских бригад, авиации и механизированных корпусов остается в распоряжении командования округа.

Задачей армий в этом случае будет — закрыть прорыв на фронте и не допустить вхождения в него мотопехоты и полевых войск противника.

Задача противотанковых артиллерийских бригад сведется к тому, чтобы на подготовленных рубежах встретить танки противника мощным артогнем и совместно с авиацией задержать их продвижение до подхода и контрудара наших мотомехкорпусов.

Задачей мехкорпусов будет — развертываясь под прикрытием противотанковых артиллерийских бригад и средств ПТО частей, мощными фланговыми и концентрическими ударами совместно с авиацией нанести окончательное поражение мехчастям противника и ликвидировать прорыв»¹.

По Планам прикрытия видно, что на самом деле готовили для округов — для одних активную и упорную оборону, а КОВО — ответный удар. Но! КОВО должен был начать ответное наступление с целью «разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей» всеми силами округа-фронта «по указанию Главного Командования» только «при благоприятных условиях». То есть спустя какое-то время на подготовку такого ответного удара. И тот же Жуков писал, что время это определялось как примерно 10—15 суток. А в реальности такое указание — немедленный ответный удар — пошло от Жукова и Тимошенко уже вечером 22 июня — «Директивой № 3». И при этом Жуков обвинил наркома и Сталина в появлении этой директивы. Мол, он к вечеру

¹ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 2951, д. 243 лл. 4—44.

22 июня уже улетел в Киев, и его заставили «подписать» эту директиву по телефону, хотя он с ней вроде как и не был согласен. Но сегодня точно известно, что Жуков по журналам посещения Кремля (Сталина) в момент создания этой директивы был именно в кабинете Сталина. Так что создание директивы о немедленном ответном наступлении по напавшему врагу и прежде всего силами всего КОВО целиком на совести Тимошенко и Жукова. Жукова на подобном вранье ловили потом многие — и Штеменко, и Голованов, и тот же Покровский. Мол, там, где были успехи — Жуков себе это приписывает, а где неудачи или провалы — вешал то на наркома со Сталиным, то на подчиненных.

Штеменко: «О книгах Рокоссовского и Жукова. Книга Рокоссовского мне нравится. Хорошая книга. О книге Жукова не могу сказать плохого, но рецензию на эту книгу я писать отказался. В книге Жукова есть не совсем объективные места. Там, где на фронте дела хорошо, это как будто заслуга Жукова и его предложение. Там, где мы терпели поражение и допускали ошибки, якобы виноват Сталин.

В Варшаве произошло восстание. На улицах этого города лилась кровь польских патриотов. О начале и намерении этого восстания мы не знали. Оно было спровоцировано Миколайчиком с той целью, чтобы до прихода советских войск в Варшаву сформировать правительство и тем самым поставить Советский Союз перед фактом. После того, как мы узнали о восстании в Варшаве, была спланирована операция. Операция оказалась неудачной. Жуков в своей книге пишет об этой операции, что к ней не имел отношения, что она проводилась по предложению Сталина. Прочитав книгу Жукова, я в Генштабе поднял материалы. Оказалось, что Жуков грешит искажением истины: там стоит его подпись»¹.

Кстати говоря, исследователь и профессиональный военный Ю.Г. Веремеев, изучая ПП ЗапОВО, заметил: «Обратите внимание на раздел «XI организация связи». Штаб округа (фронта) вынужден организовывать свою связь с армиями по

¹ Из стенограммы встречи генерала армии С.М. Штеменко с читателями. Источник: Ф. Чуев. «Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева». М.: ТЕРРА, 1991, с. 56–57.

гражданским телефонным линиям! Армии фронта со своими дивизиями держат связь тоже по гражданским линиям связи. С соседними фронтами тоже! Но ведь гражданские узлы связи не подчинены армии, и работают там гражданские люди, которые в случае бомбежек и иных военных опасностей могут просто-напросто растеряться и покинуть свои рабочие места. Дислокация этих узлов связи наверняка известна противнику, и он первым делом постарается нарушить эту связь, что и произошло 22 июня. В результате Павлов несколько дней не знал, что делается в армиях, и управлять сражением не смог.

Точно такое же управление по гражданским линиям связи шло и по другим округам. И это было забито в «планах» — связь будет работать по гражданским линиям связи и при этом переходит на военный режим только после начала войны. Но если переход на военный режим (штаты и т.п.) военной связи еще можно как-то «объяснить», то осуществление изначально связи даже после нападения врага по гражданским проводным линиям — уж больно пахнет «планом поражения» а-ля Тухачевский. При том что радиосвязь в РККА вполне имелась, ее развитие и внедрение среди командиров просто тормозилось. А ведь при отступлении (да и при наступлении и тем более по территории противника, как фантазировалось по предвоенным планам победного быстрого ответного наступления) держать связь по проводным каналам, да еще и через гражданские линии — бред полный.

В общем, подводя итог, можно сделать заключение — готовили армию к отражению агрессии, но не через подготовку обороны, а через подготовку ответного наступления из Украины. И под это наступление даже разведсводки РУ ГШ подгонялись такие, какие нужно — якобы именно против КОВО немцы и собирают свои Главные силы. Что сегодня те же «резуны» и пытаются выдать за подготовку агрессии СССР.

При этом «на бумаге» ответное наступление планировалось и предусматривалось не ранее чем через пару недель после начала войны, но его начали осуществлять уже «23 июня». И в этом однозначно есть и «заслуга» Жукова. При этом подготовка как обороны в ЗапОВО и ПриОВО,

так и наступления в КОВО (с ОдВО) всячески срывалась. Но читая документы предвоенного планирования, приказы и директивы тех дней, говорить сегодня, что СССР-Сталин готовили агрессию против Гитлера («святое дело») — можно только «с большого бодуна».

Сами немцы в захваченных штабных документах РККА (в «планах», приказах и т.п.) так и не нашли ничего «агрессивного», что можно было бы предъявить «цивилизованному миру» для оправдания своего нападения, для подтверждения своего заявления от 22 июня, после нападения на СССР. В этом плане Сталин Гитлера «переиграл», не оставив ни одного прямого письменного документа, где говорилось бы о том же приведении Западных округов в полную или хотя бы повышенную боевую готовность перед 22 июня. Про «мобилизацию» до 22 июня, про ввод в действие Планов прикрытия до нападения Германии. Вроде бы в журналах посещений Кремля 24 мая 1941 г. отмечено «совещание» почти всех высших командиров РККА у Сталина. Протоколов этого «совещания» нет, но историки типа соколовых-солониных однозначно заявляют, что на том совещании обсуждалось исключительно будущее нападение на Германию «23 июня».

Увы. Отсутствие прямых письменных указаний к подготовке отражения агрессии обеспечило историков работой на долгие годы. Но прямых приказов и нельзя было давать в округа в те дни — все делалось под видом плановой учебной подготовки войск, либо распоряжения отдавались устно. И любой грамотный военный сегодня, читая те документы, «Планы» и директивы предвоенные, вам скажет, что именно это и выполнялось — должно было выполняться и приведение в боевую готовность, и ввод по факту Планов прикрытия госграницы, и отмобилизование. И многочисленные мемуары командиров Великой Отечественной войны это подтверждают — это все делалось. И тот же Г.К. Жуков в своих черновиках «Воспоминаний и размышлений» это подтверждает:

«Командующим приграничных военных округов было приказано вывести войска округов — назначенных в состав войск прикрытия, ближе к государственной границе и тем рубе-

жам, которые они должны были занять при чрезвычайном обстоятельстве, по особому распоряжению. При этом передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей. Проводились и другие не менее важные мероприятия.

Все это обязывало командующих округами и армиями повысить боевую готовность и общую боевую бдительность»¹.

Далее Жуков понес ахинею, которую сегодня повторяют многие «историки» и исследователи, и для точности цитаты ее надо привести: *«Но тут Советское правительство в лице Сталина и Молотова вновь допустило ошибку, объявив 14 июня в печати и по радио заявление ТАСС о том, что нам нет никаких оснований опасаться вооруженного нападения Германии, с которой у нас имеется пакт о ненападении.*

Такое безапелляционное заявление Советского правительства успокоило войска приграничных округов, и все пошло по обычаям и порядкам мирного времени».

Повторить стоит для того, чтобы сопоставить в словах Жукова даты. Дату приказов на выдвижение войск приграничных округов, *«назначенных в состав войск прикрытия, ближе к государственной границе и тем рубежам, которые они должны были занять при чрезвычайном обстоятельстве, по особому распоряжению»* (при том, что по Жукову — по крайней мере, от него самого! — выходит, что и *«передовые части было приказано выдвинуть в зону пограничных частей»*) и дату появления «Сообщения ТАСС». По Жукову получается, что вывод войск (и фактический ввод в действие Планов прикрытия) с приведением войск в боевую готовность начали проводить до 13–14 июня.

Однако повторять сегодня вслед за Жуковым, что «Сообщение ТАСС» от 13–14 июня кого-то «успокаивало» или «расхолаживало», тоже можно только от большого недомыслия (подробно эти черновики рассматривались в книге «Сталин. Кто предал вождя накануне войны?»).

¹ «№ 655. Из неопубликованных воспоминаний маршала Советского Союза Г. К. Жукова [не позднее 1965 г.]» РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–58. Рукопись, автограф. Сохранены стиль и орфография документа». Международный фонд «Демократия». «Документы. 1941. В 2-х книгах. Книга вторая». М., 1998. — Размещено на сайте «Милитера».)

Но самое главное. Никто еще не написал, что Сталин с детства «любил мучить животных и отрывать лапки тараканам». То есть «кровожадным» деспотом он все же не был. И не просыпался каждое утро с мыслью — кого бы «замочить»! Не было у него точных данных о преступном умысле Жукова, вот и не поставил того к стенке. Ограничился тем, что через неделю после суда над Павловым, 29 июля 41-го, снял генерала армии Г.К. Жукова с должности начальника ГШ за «слабый контроль за подчиненными» и отправил командовать Резервным фронтом, готовить «Ельню». А наркома в звании маршала вместо этого Павлова отправил на Западный фронт устранять «недостатки». Потом этот маршал все норовил слинять с фронта, а Жуков норовил сдать столицу осенью 41-го, перенести штаб своего, к этому времени, Западного фронта, за Москву. При этом Г.К. Жуков целый год не получал никаких наград и званий, что говорит о том, что он был, в общем, в опале у Сталина за трагедию лета 41-го!

Но формально действительно Сталин «виноват» в том, что общее размещение войск вдоль границы, которое «привело» к прорыву немцами всей обороны, было осуществлено с его «ведома». Сталин «несет ответственность» за лето 41-го как официальный руководитель государства. Но черти прячутся в деталях: там не подвезли, там не исполнили, там не туда отправили и т.д. и т.п. Но «виноват» во всем т. Сталин! И когда виноватили все эти 50 лет его одного, что-то не каялись конкретные исполнители своих конкретных обязанностей. А вся проблема в размере «ГРЕХА» — чуть не погибшая страна и почти 28 млн жизней. Но, впрочем, Г.К. Жуков в конце жизни как-то признал, мол, да, я несу ответственность за 41-й год, но тут же добавил, «а кто ответит за 42-й?». А в ответ тишина. Желających покаяться больше не было. Хотя Сталин еще в 45-м «предлагал» это сделать — покаяться. Так что нет ничего странного в том, что Сталин не поставил начальника ГШ и наркома обороны к стенке за 41-й год летом 41-го вместе с Павловым Д.Г. Нас приучили, что тогда расстреливали «просто так». Вот и удивляемся «странный» гуманности вождя. В наши дни этих «героев» если и не награждают, то уж точно не отдадут под суд.

Есть еще причина, по которой Сталин, даже если и хотел, не мог так просто отдать Жукова и того же Тимошенко под суд в те дни. Отдавать летом 41-го бывшего наркома обороны СССР и бывшего начальника Генерального штаба в условиях начавшейся войны нельзя было еще и по политическим соображениям. В то время, когда не было никаких письменных Договоров о союзничестве с Англией и США, доверять устным «заявлениям» политиков Запада (заявлениям того же Черчилля, которым так любят размахивать «резуны», мол, Черчилль и Англия стали «союзниками» СССР уже 22 июня) можно было только с большого недомыслия — слова к делу не пришьешь. Тем более таких, как Черчилли. И Сталин скудоумием как раз не страдал. А расстреляв бывшего наркома и начГШ (или даже просто посадив их по приговору трибунала лет на 10), вполне можно было получить от Англии и США «подлянки» в виде отказа подписывать союзнические соглашения и тем более военные против Гитлера. И неважно было бы для Запада, по какой «статье» расстреляны нарком и начальник Генштаба — «измена» Родине в пользу Германии или хотя бы «халатность». В конце концов, прошло всего 4 года с тех пор, как осуждение в СССР тухачевских за попытку военного переворота привело к тому, что Франция и Чехия, имевшие прямые военные договоры с СССР на случай нападения Германии, отказались от помощи Сталина под предлогом недоверия к СССР и РККА, в которой генералы и маршалы на уровне заместителей министра обороны и начальника Генштаба участвуют в антигосударственных преступлениях в пользу Германии.

Есть еще важная причина, по которой Жукова с Тимошенко под суд не отдали «за измену», а Павлову поменяли статью «измена» на «халатность». В те дни разговоров среди солдат о том, что «команиры нас предали», было слишком много, и если бы еще и наркома обороны с начальником Генштаба отдать под суд «за измену», то армия просто начнет разваливаться — солдаты перестанут выполнять приказы и даже поднимать командиров на штыки под крики «измена». Что уже было в феврале 17-го в царской армии.

Так что отдавать под суд бывшего наркома Тимошенко и начальника ГШ Жукова, возможно, и надо было летом 41-го, но нельзя было. Увы...

Фантазий о Сталине гуляет много. Множество «версий» выдвигается и на данную тему — то хотел напасть «23 июня», то спустя полгода, год. То не просто «хотел», а «должен» был напасть, под давлением «обстоятельств», через полгода, год, превентивно. То лично виноват в «невыгодном» размещении войск вдоль границы, что и привело к поражению летом 41-го, то по его личному распоряжению (и, наверное, по просьбе Гитлера) топливо слили у танков и самолетов и разоружали самолеты как раз на 21–22 июня! А правда о нем только одна. И она очень неудобная, что для «комуняк», что для любителей и защитников Запада, что и развязал Вторую мировую войну, что для современных телепатриотов.

Ну а закончим данную книгу словами непосредственного очевидца и участника событий — В.М. Молотова. О войне, о Сталине, о Жукове, о «превентивных» нападениях и прочем...

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ О СТАЛИНЕ И ВОЙНЕ В.М. МОЛОТОВ

**(События начала войны словами очевидца
и участника событий)**

Говоря о предвоенных и первых днях войны, напоследок стоит рассмотреть слова наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова, его «воспоминания» о войне и Сталине, записанные на его даче писателем Ф. Чуевым на бобинный магнитофон, который он приносил с собой в «дипломате» в течение более 15 лет общения с Молотовым. Это стоит привести тем более, потому что данная книга Ф. Чуева выходила аж в 1991 году, и не факт, что ее скоро переиздадут вообще...

Никаких моих особых комментариев здесь не будет. Если только «по мелочам»... Конечно, Молотов много недоговаривает, некоторые вещи вообще не показывает, но это слова человека — непосредственного участника событий...

«— Вам передавал привет Грабин Василий Гаврилович, конструктор пушек. Я с ним недавно познакомился. Он мне подарил журнал с его книгой «Оружие победы» и написал: «Вот как ковалось оружие победы в эпоху И.В. Сталина». Я у него спросил: «Как, по вашему мнению, Сталин умный был человек?» — «Умный — не то слово. Умных много у нас. Он душевный был человек, он заботился о людях, Сталин. Хрущев сказал, что мы не готовились к войне. А я все свои пушки сделал до войны. Но если б послушали Тухачевского, то их бы не было».

— Он хорошо очень написал. Молодец, — соглашается Молотов.

— Он говорит: «Я попросил Тухачевского выставить на смотре нашу пушку. Тот наотрез отказался. Тогда я сказал, что заявлю в Политбюро. Эта пушка оказалась самой лучшей в войну. Сталин сказал 1 января 1942 года: «Ваша пушка спасла Россию...» О Тухачевском написали: «Бонапарт. Он мог стать изменником».

— Какой он Бонапарт? Он не мог стать, он был изменником, гнуснейшим изменником, опаснейшим.

21.05.1974».

Это Молотов насчет тухачевских высказался. А дальше — о том, кто там считал украинское направление «главным в ударе Гитлера»...

«— Вот говорят, Сталин не послушал Жукова, приказал не сдавать Киев, — замечает Молотов, — и говорят: Жуков прав. Но Сталин не послушал Жукова, предлагавшего фактически сдать Москву, но об этом не говорят. То, что пишут о Сталине, — самая большая ложь за последнее время.

— Жуков упрекает Сталина, — говорит Молотов. — Я не думаю, чтобы Сталин считал так, как Жуков пишет, что главное направление будто бы на Украину. Я этого не думаю. И не думаю, чтобы ссылка на Сталина у Жукова была правильная. Я ведь не меньше Жукова знал о том, что Сталин говорит, а об этом я не помню. Я этого не помню. Я это не могу подтвердить. А факты говорят о том, что немцы шли, действительно, прежде всего, на Москву. Они споткнулись около Смоленска, и, хочешь не хочешь, пришлось поворачивать на Украину...

Главное — Москва, а не Украина, но Сталин при этом, конечно, считался и с тем, чтобы не дать им возможности толкнуться к Донбассу и к Днепропетровску.

— Жуков пишет, что Донбасс и Киев на три месяца отодвинули Московскую битву.

— Потому что немцы уперлись в Москву. Не сумели. С этим надо считаться... Поэтому тем более на Жукова надо осторожно ссылаться... Вы сейчас можете что угодно говорить, я немножко ближе к этому делу стоял, чем вы, но вы считаете, что я забыл все...

14.01.1975, 04.10.1985».

Как видите, Жуков пытался показать, что именно бои на Украине заставили Гитлера остановиться перед Москвой и повернуть на юг. Но на самом деле это Резервная армия маршала С.М. Буденного под Смоленском заставила Гитлера поворачивать на Украину. И Сталин никогда не считал и тем более не «заставлял» военных считать, что Гитлер главный свой удар наносить будет по Украине и поэтому там, мол, надо размещать главные силы РККА для ответного удара.

Далее Молотов высказывается насчет баек о том, что Сталин «раздумывал» — выезжать ли ему из Москвы осенью 41-го или надо остаться. Ведь потом якобы он даже с Жуковым «советовался», мол, «скажите мне как коммунист коммунисту — отстоим Москву или нет»?

«...Я спросил, были ли у Сталина колебания в октябре 1941 года — уехать из Москвы или остаться?»

— Это чушь, никаких колебаний не было. Он не собирался уезжать из Москвы. Я выезжал всего на два-три дня в Куйбышев и оставил там старшим Вознесенского. Сталин сказал мне: «Посмотри, как там устроились, и сразу возвращайся»...»

А затем Молотов даже при том, что не советовал верить Жукову на слово в описании событий, дает ему как военному все же приличную характеристику.

«Молотов дал высокую оценку Жукову как военному:

— Рокоссовский менее тверд и настойчив, правда, Жуков — горлопан. Но я убедился в его способностях, когда, уже в конце войны, Сталин пригласил Василевского и спросил, сколько потребуется времени для взятия Кенигсберга?

«Две-три недели», — ответил Василевский.

Потом был вызван Жуков, который дал реальную картину предстоящего штурма и сказал, что это очень непростое дело, которое потребует два-три месяца. Так и вышло.

07.05.1975, 16.07.1978

— Маршал Шапошников — хороший человек. Сталин хорошо к нему относился. Он из царских офицеров. Но только благодаря ленинскому пониманию момента истории мы заняли такие позиции в настоящее время, которые

никому, никаким Шапошниковым были не под силу. Но он к политике и не рвался. В своем деле был силен.

И у Жукова в политике ничего бы не вышло, хоть он и рвался. Василевского я очень хорошо знаю. Очень хороший военный генштабист. А как командующий — Жуков в первой тройке. Жуков, безусловно, Рокоссовский войдет. Кто третий — надо подумать. Рокоссовский — очень приятный человек. Прав Голованов, что личные качества Рокоссовского даже заслоняли для многих его выдающиеся полководческие данные.

02.04.1978».

Ну а совсем напоследок еще слова Молотова о войне и не только...

В.М. Молотов: «У нас в стране были более тяжелые моменты, чем в дни войны. Были такие дни, когда все висело на волоске — в 20-е годы было труднее! А к войне мы готовились и были готовы!

...Молотову 95-й год. Давление 120/80.

09.05.1984».

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА (окончание главы)

Вечный огонь.

— Я считаю, это неправильно — Вечный огонь. Почему неправильно? Мы пошли по буржуазному пути, повторяем. Не могилу Неизвестного солдата нам нужно было дать, а могилу Антифашиста, — говорит Молотов.

— Мы — единственная в мире страна, где есть не только могила Неизвестного солдата, но и могила Неизвестного Верховного главнокомандующего. Наверно, надо было построить в Москве монумент советскому солдату...

— Это да, — соглашается Молотов. — Чтоб об этом помнили...

13.04.1972

<...>

Мы у союзников войска просили, предлагали, чтоб они свои войска дали на наш Западный фронт, но они не дали, они говорили: вы возьмите свои войска с Кавказа, а мы обеспечим охрану нефтяных промыслов. Мурманск хотели тоже охранять.

А Рузвельт — на Дальнем Востоке. С разных сторон. Занять определенные районы Советского Союза. Вместо того чтобы воевать. Оттуда было бы не просто их потом выгнать...

Я их всех знал, капиталистов, но Черчилль — самый сильный из них, самый умный. Конечно, он стопроцентный империалист. Перед Сталиным он преклонялся... Хитрый. Говорит: «Давайте мы установим нашу авиабазу в Мурманске, — вам ведь трудно». — «Да, нам трудно, так давайте вы эти войска отправьте на фронт, а мы уж сами будем охранять». Тут он назад попятился.

06.12.1969, 04.10.1972».

То, как Сталин и Молотов требовали от «союзников» открытия «второго фронта» в начале войны и выставляли США и Англию в глазах их собственного народа «подлецами», показывает, насколько рузвельты и черчилли в те годы зависели от своего «общественного мнения», с которым им тогда еще приходилось считаться, и как этим пользовался Сталин. В этом рассказе Молотова видно, насколько «общественное мнение» Запада, в глазах которого СССР был жертвой агрессии, в одиночку сражающейся с нацизмом Гитлера, не позволяло потом черчиллям попытаться пойти на сговор с немцами и тем более уже после войны напасть на СССР.

«— Когда Гитлер стал громить союзников в Арденнах, мы не допустили, чтоб немцы громили их. Это нам было невыгодно. А в 1942-м я был участником всех переговоров по второму фронту, и я первый не верил, что они это могут сделать. Я был спокоен и понимал, что это совершенно для них невозможная вещь. Но, во-первых, такое требование нам было политически необходимо, а во-вторых, из них надо было выжимать все. И Сталин тоже не верил, я в этом не сомневаюсь. А требовать надо было! И для своего же народа надо. Люди же ждут, какая-нибудь помощь еще будет или нет? Для нас их бумажка имела громадное политическое значение. Ободряла, а это тогда много значило.

Черчилль приехал и стал говорить, что вот они не могут, а я вижу, что Сталин очень спокойно к этому отнесся. Понимал, что это невозможно. Но ему была нужна эта самая

бумажка. Она имела громадное значение — для народа, для политики и для нажима на них дальнейшего.

— Стронуть их с места, заставить?

— Конечно. Так не можешь помочь нам, тогда давай помогай вооружением, помогай нам авиацией... Вот именно. Но если б они начали второй фронт не в 1944-м, а в 42-м или в 43-м, им тоже было бы очень трудно, но колоссально бы нам помогли!

— 1943-й уже приемлемый был?..

— Приемлем — но они ж не пошли на это! На приемлемое. Они в Италии начали. Но нам и такая помощь была помощью. В конце-то концов, мы защищали не Англию, а социализм, вот дело в чем. А от них ждать помощи в деле защиты социализма? Большевики были бы такие идиоты! А вот, чтобы их прижать: вот вы какие подлецы, говорите одно, а делаете другое, это и перед их народом ставит их в трудное положение, народ-то все-таки чувствует, что русские воюют, а они — нет. Потом, не только не воюют, но пишут, говорят одно, а делают другое, это их разоблачает перед народом: что же вы жульничаете? Веру подрывает в империалистов. Все это нам очень важно.

Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и ее результаты, потому что мы ведь знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать. Сталин давал еще указания, чтобы мы требовали от них оттянуть 30—40 дивизий на себя. И когда я к Рузвельту приехал и сказал, в душе подивился тому, что он ответил: «Законное, правильное требование». А сам видел только доллары и думал, наверное: «И все равно вы к нам придете кланяться. Конечно, мы вам должны помогать, но надо, чтоб вы подольше воевали, и поэтому мы готовы поддерживать вас». Он без всяких поправок согласился с моим коммюнике, что второй фронт будет открыт в 1942 году. Но это в глазах своего народа тоже позор, ведь большинство-то в народе честные люди, и, когда от имени государства обещают открыть второй фронт, а потом явно делают другое, люди видят, что таким руководителям верить нельзя. А нам это разочарование в империалистах выгодно. Это все нужно учесть. Я, например, не сомневался, а тем более Сталин никакого доверия к ним не имел. Да, конечно. Но мы их упрекали! И правильно.

А Рузвельт верил в доллары. Не то, что больше ни во что, но он считал, что они настолько богаты, а мы настолько бедны и настолько будем ослаблены, что мы к ним придем. «Тогда мы им и пропишем, а теперь надо помогать, чтоб их тянуть».

Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении. С моей точки зрения, Черчилль наиболее умный из них как империалист. Он чувствовал, что если мы разгромим немцев, то и от Англии понемногу полетят перья. Он чувствовал. А Рузвельт все-таки думал: они к нам придут поклониться. Бедная страна, промышленности нет, хлеба нет, — придут и будут кланяться. Некуда им деться.

А мы совсем иначе смотрели на это. Потому что в этом отношении весь народ был подготовлен и к жертвам, и к борьбе, и к беспощадным разоблачениям всяких внешних антуражей. Конечно, мы не верили в такой второй фронт, но должны были его добиваться. Мы втягивали их: не можешь, а обещал... Вот такими путями.

У нас других путей не было помочь нашей армии и нашей победе. И терпение надо было колоссальное иметь. А то, что мы до войны в очень сложных, суровых условиях тянули народ вперед, это только представить себе, как только люди выдержали! Были колоссальные трудности.

Во время гражданской войны я слышал рассказы, что на Урале около вокзалов штабеля трупов были сложены. Штабеля трупов! У нас всегда шло все с такими жертвами колоссальными, а народ-то поверил большевикам! И большевики оказались правы, как выразители подлинных чувств народа, чего, конечно, не всегда можно было ожидать. Потому что лопнет терпение, не хватит сил, не хватит просто...

Вот Ленин так и говорил в 1919-м или 1920-м году: если даже нас разгромят, то мы столько сделали, что все это окупится. Не сегодня, так завтра.

09.06.1976».

Эти слова Ленина очень интересны. Ведь Ленин говорил их в то время, когда и СССР-то еще не было, и похвастать перед потомками им еще нечем было. Ленин понимал, что

даже за несколько месяцев новой, народной власти они столько уже показали и своим современникам, и даже потомкам на будущее, что это так просто уже не исчезнет, даже если их разгромят на том, первом этапе. Но Советская власть продержалась не год-другой, а более 70 лет. И даже то, что ее уничтожили сами же наследники большевиков в лице «Горби» и «ЕБН», уже ничего не изменит. Ведь эти «реформаторы» предложить ничего, кроме гнилого мироустройства по типу Запада, да еще наделив Россию ролью сырьевого придатка Запада, не смогли. И придется России снова возвращаться к «старой» Советской власти...

А теперь о том, как англичане хотели угробить Молотова, когда он в 1942-м летал в Лондон, а потом в США на переговоры о военном Союзе СССР с Англией и США, о «втором фронте»... Англичане под видом ознакомления просто убили нашего летчика Асямова, а потом, когда оказалось, что второй пилот Пусэп также может быть командиром корабля и лететь в США, утвердили маршрут, и аэродром в США, где в то время года точно Молотов разбился бы.

Спрашивается — на кой черт надо было бы нашему летчику лететь в английском самолете из «любопытства»? Вариантов несколько — личная глупость или неосторожность летчика и недосмотр его начальников — в данном случае тех, кто инструктировал летчиков в Москве. И только благодаря этому неизвестному американскому полковнику Молотов благополучно долетел до США, заключил военный договор с Рузвельтом, после чего и Черчиллю пришлось подписать этот договор об открытии второго фронта в Европе...

«— Прежде чем поехать в Америку в 1942 году, — говорит Молотов, — я подписал договор в Лондоне в присутствии Черчилля — подписывали Иден и я — о союзе, об организации союза стран для подготовки мира в будущем, о том, чтобы совместно кончить войну и совместно организовывать мир... Жили в Чекерсе. Километров пятьдесят — шестьдесят от Лондона. И там я устроил обед в первый день приезда. Черчилль и Иден были, я и мои. Какой-то небольшой сад.

Небогатое старинное здание. Подарил, значит, какой-то старый дворянин правительству — пользуйтесь! Резиденция премьер-министра. Ванная есть, а душа нет. Вот я у Рузвельта был, я же ночевал в Белом доме. У Рузвельта устроено все по-настоящему, у него и ванна с душем.

15.08.1975».

«— Мне рассказывал Пусэп, летчик, — говорю я. — Он переживал, чтоб у вас не перегнулась трубочка кислородного прибора, когда вы уснете. А еще он говорил, англичане дали вам такой маршрут, что вы бы там не сели. Но один американский полковник отметил Пусэпу на карте аэродром Кусбэй (или Гус-Бей) — секретную американскую базу: «Я знаю, кого вы везете, — сказал он, хотя полет держали в глубокой тайне. — Не летите на Ньюфаундленд, куда вам предлагают англичане, там всегда туман, и вы разобьетесь. А в Кусбэе микроклимат, вы нормально сядете».

«Я, конечно, — рассказывал Пусэп, — летел по трассе, утвержденной командованием, на Ньюфаундленд, но летел осторожно и убедился, что американец прав. Отвернул от туманов и сел в солнечном Кусбэе, что было полной неожиданностью для союзников».

— Вот этого я не знал. Да, нам посадили американского штурмана.

— Маршал Голованов рассказывал мне, как готовился этот полет. Сначала вас должен был везти майор Асямов. Он прилетел в Лондон, и англичане решили показать ему свою технику в полете. Самолет разбился. Асямов погиб.

Англичане решили, что полет Молотова не состоится. Но второй пилот Асямова Пусэп тоже был командиром корабля и осуществил полет.

«Ну и союзнички у нас!» — сказал тогда Сталин.

— Да, англичане очень не хотели, чтоб я летел к Рузвельту. А Рузвельт мне все подписал, и я решил с этими документами снова лететь к Черчиллю. Тут он удивился не на шутку... (и подписал этот договор о втором фронте. — О.К.).

— Черчилль пишет о вашей встрече в Лондоне: «Лишь однажды я как будто добился от него естественной человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных

Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе».

15.08.1975».

Читать Черчилля одно удовольствие — лживость и мелкая подлость этого человека видны за версту...

Сначала попытался убить министра наркома (министра) иностранных дел СССР Молотова, чтобы не подписывать письменных обязательств перед СССР о военном сотрудничестве в войне против Гитлера, а потом начал в глазах Молотова на прощанье искать «человеческие реакции»... Интересно, а если бы Сталин сам полетел, как планировалось, Черчилль тоже попытался бы убить его, сначала убив нашего летчика, а потом и самого Сталина, отправив его в полет в США на аэродром, на котором он должен был разбиться?

«— Черчилль сказал еще в 1918 году, что Советскую власть надо удушить. А на банкетах наших небольших с Рузвельтом в Тегеране и Ялте: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир!» Уверенный в том, что именно Сталин играет ту исключительную роль, которую он в войне имеет. Слезы текли по щекам — то ли великий актер был, то ли искренне говорил. *(Скорее лживый актер, до смерти ненавидящий не столько СССР, сколько Россию вообще, как и положено англичанину. — О.К.)*

Недаром англичане при наших 20 миллионах жертв потеряли всего немногим более 200 тысяч. Вот для чего им это надо. *(Именно для этого Вторая мировая война и затевалась — для уничтожения СССР-России, прежде всего. — О.К.)* И вот такой человек был и нашим ненавистником, и сознавал, и старался использовать. Но и мы его использовали. Заставили в одной упряжке бежать. Иначе нам было бы тяжело.

16.06.1977

<...>

В комментарии зарубежного издателя мемуаров Хрущева есть такие слова: «К сожалению, здесь, как и во всей книге (за исключением некоторых мест, где об этом сказано мимоходом), нет глубокого анализа тех качеств Сталина, которые позволяли ему твердо стоять на своем, аргументированно и со знанием дела вести переговоры с Черчиллем и Рузвельтом. Вероятно, лишь Молотов мог бы авторитетно рассказать об этом».

— Трудная история, — говорит Молотов, — но одно то, что Сталин заставил капиталистов Рузвельта и Черчилля воевать против Гитлера, о многом говорит. Вспомните Черчилля...

...Читаю короткую речь английского премьера в палате общин 21 декабря 1959 года, в день 80-летия Сталина — перевод из Британской энциклопедии:

— «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин. Он был самой выдающейся личностью, импонирующей нашему изменчивому и жестокому времени того периода, в котором проходила вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии и негибаемой силы воли, резким, жестоким, беспощадным в беседе, которому даже я, воспитанный здесь, в Британском парламенте, не мог ничего противопоставить. Сталин прежде всего обладал большим чувством юмора и сарказма и способностью точно воспринимать мысли. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времен и народов.

Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логически осмысленной мудростью. Он был непобедимым мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безвыходного положения. Кроме того, Сталин в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю.

Это был человек, который своего врага уничтожал своим же врагом. Сталин был величайшим, не имеющим себе рав-

ного в мире, диктатором, который принял Россию с сохой и оставил ее с атомным вооружением.

Что ж, история, народ таких людей не забывают».

— А ведь это говорит «враг № 1», по выражению того же Черчилля, — продолжает Молотов. — Я считаю Ленина выше Сталина, но если б тогда не было Сталина, не знаю, что с нами и было бы. Роль Сталина исключительна. Сталин руководил не только армией, но и воюющей страной. Ленин и Сталин останутся на века.

09.05.1985».

В тех же беседах с Молотовым маршал Голованов так отозвался о вранье Жукова:

«Беседа с маршалом Головановым

...Сегодня поехали к Молотову в Ильинское с Шотой Ивановичем Кванталиани и Главным маршалом авиации Александром Евгеньевичем Головановым.

День выдался теплый. Голованов, высоченный, в темной полиэтиленовой куртке, без шапки, Шота, среднего роста, широкий, тоже без шапки.

Мы сели в усовскую электричку. Я достал «свежий» номер «Комсомолки» — интервью с Г.К. Жуковым. Корреспондент В. Песков задает вопрос: «Не было ли опасным держать управление решающим сражением так близко от фронта?» Речь идет о штабе Западного фронта в деревне Перхушково во время Московской битвы. Жуков отвечает: «Риск был. Ставка мне говорила об этом. Да и сам я разве не понимал? Но я хорошо понимал и другое: оттяни штаб фронта — вслед за ним оттянутся штабы армейские, дивизионные. А этого допустить было нельзя...»

— Врет! — резко сказал Голованов и отбросил газету на скамейку электрички. — [Это] Он ставил перед Сталиным вопрос о том, чтобы перенести штаб Западного фронта из Перхушково за восточную окраину Москвы, в район Арзамаса. Это означало сдачу Москвы противнику. Я был свидетелем телефонного разговора Сталина с членом Военного совета ВВС Западного фронта генералом Степановым — тот поставил этот вопрос перед Сталиным по поручению коман-

дования фронтом. (То есть Жукова. — О.К.) Сталин ответил: «Возьмите лопаты и копайте себе могилы. Штаб Западного фронта останется в Перхушково, а я останусь в Москве. До свидания». Кроме Степанова об этом знают Василевский и Штеменко. Жуков есть Жуков, но факт есть факт. А при встрече скажет, что либо такого не было, либо корреспондент не так написал, — усмехнулся Голованов» (с. 430—431).

Как видите, на самом деле особо комментировать слова Молотова нечего...

Но раз уж мы о «байках» говорили, то стоит закончить книгу в защиту маршала Жукова разговором об одной очень интересной байке — о Жукове.

Есть такая растиражированная байка от Микояна о том, как «тиран» накричал 29 июня 1941 года в Наркомате обороны, куда Сталин с членами Политбюро и правительства пришел лично разобраться в обстановке, на начальника Генштаба генерала армии Г.К. Жукова и тот «разрыдался как баба». Байка эта тиражируется из книги в книгу, из телефильма в телефильм. При всем «неоднозначном» моем отношении к Жукову эта байка, как говорится, «достала». Как будто Микоян там был единственным очевидцем... Тем более Микоян именно мелким, а иногда и подленьким враньем и знаменит в мемуарной литературе.

В книге Ф. Чуева «140 бесед с Молотовым» посмотрим, что об этом рассказывал другой очевидец событий — В.М. Молотов:

«Когда началась война, рассказывает Молотов, он со Сталиным ездил в Наркомат обороны. С ними был Маленков и еще кто-то. Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым.

— Он редко выходил из себя, — говорит Молотов» (с. 50).

Как видите, никаких «слез» Молотов не упомянул, но, с другой стороны, тут вроде как непонятно — что за разговор вообще там произошел. Но вот что пишет в своем исследовании «Великая оболганная война» И. Пыхалов, приводя сначала историю в пересказе от Микояна:

«29 июня, судя по тетради записи посетителей, Сталин в своем кабинете приема не вел. Однако в этот день он «отметился» в другом месте. Как свидетельствует Г. К. Жуков:

«29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления... Т. 1. С. 287–288).

А вот что сказано в воспоминаниях Микояна:

«29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. (Тетрадь записи посетителей сталинского кабинета это не подтверждает. — И.П.) Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет.

Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог.

Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь.

Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить ее не могли.

Потом Сталин другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д.

Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорби-

тельным. И этот мужественный человек разрыдался как баба и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5—10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него еще были мокрые». (1941 год: В 2 кн. Книга 2, с. 497).

Писатель Иван Стаднюк со слов Молотова излагает этот эпизод следующим образом:

«Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским армиям на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооруженных Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжелыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как все происходило, я, работая над второй книгой «Войны», написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж в очень грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах велся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения» (Стаднюк И.Ф. Исповедь сталиниста. М., 1993, с. 363—364).

Наконец, как утверждает Н. Зенькович, Иван Стаднюк рассказал ему со слов Молотова следующую версию данного события:

«Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутину, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что

побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения. Изумленный такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу». (Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века. Власть. Распри. Подоплека. М., 2004, с.131)¹.

При всех «неточностях» «Воспоминаний» маршала Победы (а это звание он все же заслужил вполне) его «мемуары» остаются историческим документом свидетеля Эпохи. По ним можно развенчивать дурацкие мифы и о Сталине. Ведь Георгий Константинович пишет, что *«29 июня И.В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза он крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом(!) направлении». А «30 июня мне в Генштаб позвонил И.В. Сталин и приказал вызвать командующего Западным фронтом генерала армии Д.Г. Павлова. На следующий день генерал Д.Г. Павлов прибыл»*².

Это как раз к вопросу о Сталине, «впавшем в прострацию» на пару дней, 29 и 30 июня. Человек, впавший в «прострацию», не посещает (обычно) Генштаб и Наркомат (видимо, сначала днем заехал, а потом вечером еще раз) и не устраивает там разнос генералам, обзывая их «ротными писаришками» и «портяночниками» за невозможность за весь день доложить обстановку на фронте. И не дает указания вызвать в Москву командующего Западным фронтом Павлова, допустившего сдачу Минска на седьмой день войны. Если уж человек «впал в прострацию», то он тупо сидит на «даче» и медитирует...

Кому верить в описании реакции Жукова — Микояну или Молотову — читатель, надеюсь, сам и решит. Но уж больно оскорбительно для Жукова Микоян высказался. Унизить, что ли, хотел?

¹ Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005, с. 294—296.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления... М., 1969, с. 271.

А вот что Молотов, достаточно сдержанный во многих оценках, сказал уже о самом А.И. Микояне:

«— Говорят, идею развенчать Сталина подал Хрущеву Микоян.

— Я не исключаю этого, — согласился Молотов. — Хрущевцы могут этим гордиться. А коммунистам не подходит... Партию разделить на сельскую и промышленную — нелепо, безусловно.

— Считают, что это было по тем временам прогрессивно, новое слово.

— Какое новое! Гнилое! И сам-то Анастас был гнилой. Микоян очень связан с Хрущевым. Я думаю, что он и настраивал Хрущева на самые крайние меры... Хрущев и Микоян в свое время дошли до того, что пытались доказать, будто бы Сталин был агентом царской охраны. Но документов таких сфабриковать им не удалось. Возможно, они и на меня что-то пытались такое соорудить.

— Один писатель мне говорил, что Молотов ни в каких тюрьмах не сидел, а все было придумано после революции.

— Придумано? Это же все опубликовано. Таких критиков много. Что вы хотите, если нашлись люди из бывших репрессированных, которые пытались доказать, что Сталин — агент международного империализма? Вот какая ненависть, на все готовы...

16.07.1977

— Микоян подлую роль сыграл. Приспособленец. Приспособлялся, приспособлялся, до того неловко... Сталин тоже его недолюбливал. Сталин иногда его крепко прижимал. Но он конечно, очень способный работник. В практических делах — хозяйство, торговля, пищевая промышленность. Он там как раз и приспособился, делал хорошие обороты, работал упорно, человек он очень трудолюбивый. Это у армян вообще неплохое, хорошее качество.

28.08.1981»¹.

Вот такие люди руководили Россией в те годы...

¹ Чувев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым... с. 366—367.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Если мы действительно хотим разобраться в причинах трагедии 22 июня, в роли или вине Г.К. Жукова в тех днях, то потребуются, конечно же, более тщательные исследования архивов и подлинных документов, по которым и станет видна роль или вина маршала Г.К. Жукова за лето 41-го. Данная же книга-исследование написана по вполне доступным материалам.

Одним из способов разобраться в трагедии 22 июня и в определении степени ответственности Жукова за эту трагедию также может стать изучение полных ответов командиров на «расследовании Покровского», проводившемся сразу после Великой Отечественной войны. Часть этих ответов некоторых генералов публиковал еще Военно-исторический журнал в 1989 году. Но полные ответы генералов на те самые «пять вопросов Покровского» никто с момента окончания расследования еще не публиковал и не разбирал. Об этом придется делать отдельную большую книгу-исследование, а пока, для «затравки», приведем воспоминания одного очевидца.

Работая над книгой по ответам генералов, 26.01.2012 г. я получил письмо от военного исследователя Ю.Г. Веремева, подполковника в отставке:

«Хочу дать тебе еще одну иллюстрацию.

Мой отец, Веремеев Г.Н., в июне 1941 был командиром эскадрона в 152 Ростовском Терском казачьем полку 6 кавалерийской дивизии 6 кавалерийского корпуса 10 армии Западного округа. Правда, он называет полк несколько

иначе «152 кавалерийский полк Терского красного казачества».

Отец никогда не писал мемуаров и не вел дневников. На Рождество я ездил к сестре в Омск. У нее хранятся, так сказать, семейные реликвии. И я отыскал среди них несколько рабочих тетрадей отца. Это трофейные рабочие блокноты немецких солдат, в которых они должны были писать свои ежедневные «впечатления». Видимо, по задумке конторы Геббельса, потом писались бы победные истории после Победы Германии над СССР. Сами тетради — меньше современных, для карманной носки, в твердой обложке.

В одной из них я обнаружил интересные записи. Они обрывочные. Скорее, наброски. Да еще и почерк... Плюс карандаш... Написаны, судя по всему, похоже, в конце 40-х.

Эти записи очень похожи на показания. Сдается мне, что после войны органы стали разбирать события войны, особенно начального периода, с тем, чтобы оценить реальный вклад генералов в дело войны. Должно быть, ряд генералов подвергся послевоенным репрессиям, именно когда картинка их боевой деятельности была составлена как мозаика.

Я думаю, что в этих целях производился опрос младших офицеров, переживших войну. (Опрос по «расследованию Покровского» проводился вплоть до полков, и в данном случае могли опрашивать тех, кто остался в живых в тех полках из командиров. Из офицеров всего полка дожили до Победы именно Г.Н. Веремеев и командир другого эскадрона Линьков. — *О.К.*)

152 полк к 22 июня стоял в г. Ломжа, то есть был самым западным полком в Белостокском выступе.

Вот эти записи. Быть может, это будет тебе интересно:

«Примерно с **начала июня** командирскому составу были указаны на картах рубежи, которые должны были быть занимаемы подразделениями по тревоге. Мой рубеж был...

Запрещалось посещать рубежи в военной форме и пользоваться биноклями, компасами, картами.

Провел осмотр примерно 6 июня под видом знакомства с местным населением в связи с предстоящей коллективизацией, выступил с докладом о преимуществах колхозного строя на хуторах....

21.6 вечером в клубе полка проходил смотр художественной самодеятельности с участием местного населения. После просмотра фильма и товарищеский ужин. После ужина комполков были вызваны на совещание к комдиву Константинову. Командир полка перед убытием велел командирам не расходиться и **удерживать в клубе разговорами хозяев хуторов**. Тогда же я отметил, что многие из них нервничают... добиваются разрешения вернуться домой.

Комполка вернулся вскоре после полуночи, но в клуб не пришел. Всем были объявлены воскресные мероприятия (спортивные состязания, помощь хуторянам в ремонте дорог и т.п.).

Я пошел в штаб, это уже было около часа ночи, где комполка командирам эскадронов поставил **боевые задачи** и разрешил убыть по квартирам, подготовиться к походу. **Велел предупредить жен быть к готовности к эвакуации**. При мне комполка отдал распоряжение парторгу полка вытянуть на товарную станцию оба эшелона для эвакуированных к 3.00.

Еще до 3 часов ко мне прибыл мой вестовой, доложил, что **объявлена тревога**. Когда я скакал с вестовым, то видел в городе на перекрестках конные разъезды от нашего полка. Насколько помню, это были бойцы разведвзвода. Когда мы доскакали до околицы, то со стороны еврейского местечка по нам было несколько винтовочных выстрелов.

Возле хутора Развидова нас встретил замкомвзвод моего эскадрона и доложил, что эскадрон на марше, и мы стали догонять эскадрон. В это время я уже слышал редкую артиллерийскую стрельбу, а со стороны военного городка был виден дым и зарево.

Видел около десяти спиленных телеграфных столбов. Эскадрон я догнал, когда бойцы уже начали окапываться на намеченном рубеже. Это было уже после 3.00. Немецкие самолеты я увидел, когда они летели в западном направлении в это же время. Доклад о занятии рубежа. Вестовым от комполка (через вестового) поступил приказ отвести лошадей в галенковский лес и оставить их там с коноводами.

Пограничников я не видел, и контакта у меня с ними не было, телефон взвод связи ко мне не протягивал, вся связь была только вестовыми.

Слева от меня в 300 метрах занимал оборону эскадрон Линькова, справа никого не было, там болото. Первая немецкая атака силами до взвода была около 6.00. Отбили легко винтовочным огнем. Эскадрон потерь не имел. Были ли потери у немцев, точно сказать не могу.

Приказа или запрещения вести огонь по немцам я ни от кого не получал. Еще до начала войны мне как командиру эскадрона была боевая задача удерживать намеченный рубеж обороны всеми средствами.

В течение дня 22.6 мы отбили еще 3 или 4 атаки. Немцы сразу откатывались назад, как только эскадрон открывал огонь. Танков не было. По нам стреляли из минометов, но очень неточно. Из пушек немцы не стреляли.

Потери (6 бойцов) эскадрон понес от огня сзади. Кто стрелял, не знаю. После прочесывания рощи позади полка было задержано несколько польских хуторян с оружием. Я не знаю, что с ними сделали. Эти сведения мне сообщил нач. продфуражной службы полка уже спустя несколько дней под Белостоком.

Около 19 часов вестовой привез устный приказ комполка оставить позиции и отходить в галенковский лес. Двигались по дороге. Немецкие самолеты летали, но нас не бомбили. Немцы нас не преследовали, и оставлять заслоны не было нужно.

Приказов поджигать хутора никто не давал, и мы этого не делали. Лошадей и коноводов там не было, и что стало с ними, я не знаю.

Оружие хранилось в казарме в открытых пирамидах. Патроны по 60 штук на карабин были выданы красноармейцам еще 18–19 июня. Эскадронный запас по 300 патронов на карабин был загружен во вьюки на заводных лошадей в эти же сроки. Гранат и ручных пулеметов в эскадроне не было».

Данные записи похожи именно на ответы на вопросы Покровского — «1. Был ли доведен до войск в части, их касающейся, план обороны государственной границы; когда и что было сделано командованием и штабами по обеспечению выполнения этого плана?», «2. С какого времени и на основании какого распоряжения войска прикрытия начали

выход на государственную границу, и какое количество из них было развернуто до начала боевых действий?» и «3. Когда было получено распоряжение о приведении войск в боевую готовность в связи с ожидавшимся нападением фашистской Германии с утра 22 июня; какие и когда были отданы указания по выполнению этого распоряжения и что было сделано войсками?»

Также, похоже, офицеров спрашивали, был ли запрет вести огонь по врагу. И, видимо, о том, где и как хранилось оружие и боеприпасы в этом приграничном полку ЗапОВО. Ведь в Бресте прошла команда от штаба 4-й Армии Коробкова и Сандалова изъять патроны из казарм и сдать их на склады. Выдача же патронов на руки бойцам 18–19 июня подтверждает, что в эти дни приграничные дивизии западных округов получили приказ Москвы на приведение в повышенную боевую готовность. И его даже Павлов доводил до подчиненных.

Судя же по тому, что поляков с хуторов удерживали в клубе до позднего вечера 21 июня и что готовили семьи командиров к эвакуации на 3 часа утра 22 июня, дату и время возможного нападения комполка точно знал. Эти поляки потом и стреляли в спину нашим бойцам, более того — со стороны еврейского села, в целях провокации ответного огня по нему.

Вот такие вот воспоминания очевидца. Ну а полные ответы генералов — комдивов и комкоров разберем в отдельной книге-исследовании...

11.06.2012 — 03.08.2012 — 11.12.2012.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
В.Б. РЕЗУН О ПРИВЕДЕНИИ ВОЙСК В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ПЕРЕД 22 ИЮНЯ И О «ДИРЕКТИВЕ № 1» (В защиту маршала Жукова, «немного» о предвоенных «планах войны» в СССР, или В чем на самом деле вина Г.К. Жукова в трагедии 22 июня. А также о том, как Резуну подкузьмил М. Солонин)	15
ТРОЙСТВЕННЫЙ (БЕРЛИНСКИЙ) ПАКТ ОСИ БЕРЛИН — РИМ — ТОКИО, или Почему Сталин не мог напасть на Гитлера «превентивно» и зачем Гитлер объявил войну США в декабре 41-го	171
ГАЛЬДЕРЫ И ГОТЫ О «ПЛАНАХ» СТАЛИНА (Из протоколов допроса немецких генералов американцами после войны, или Почему Гитлер не напал на СССР 15 мая и были ли у вермахта «Планы прикрытия»)	186
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ, или Кто планировал агрессию в СССР, о «плане поражения» наследников Тухачевского и что натворили наследники «гениального маршала» к июню 41-го	249
ПОЧЕМУ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ ЖУКОВА, или Что подтверждает подготовку немедленного ответного наступления из Киевского ОВО в ответ на агрессию Гитлера	280
ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ О СТАЛИНЕ И ВОЙНЕ В.М. МОЛОТОВ (События начала войны словами очевидца и участника событий)	297
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	314

Научно-популярное издание

ВОЙНА И МЫ

Козинкин Олег Юрьевич

ПОЧЕМУ НЕ РАССТРЕЛЯЛИ ЖУКОВА?

В защиту Маршала Победы

Ответственный редактор *С. Соколова*
Художественный редактор *Ю. Щербаков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б літері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б літері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 22.03.2013.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Зак. № 6657.

Отпечатано в филиале «Тульская типография»
ОАО «Издательство «Высшая школа».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-63430-9

9 785699 634309 >

С нелегкой руки «Виктора Суворова», возглавившего «наезд» на Г. К. Жукова, у «либералов» вошло в моду поливать Маршала Победы помоями: он-де и «грубиян», и «мясник», и солдатских жизней не щадил, «заваливая врага трупами» и посылая бойцов «разминировать ногами». Мало того – теперь Жукова пытаются назначить еще и главным виновником катастрофы 1941 года! Есть ли в этих обвинениях хотя бы доля правды? Почему вражеское нападение застало Красную Армию врасплох и можно ли было остановить Вермахт «малой кровью, могучим ударом»? **ЕСЛИ ЖУКОВ НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГРОМ РККА В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ – ПОЧЕМУ ЕГО НЕ РАССТРЕЛЯЛИ, КАК ГЕНЕРАЛА ПАВЛОВА?** О чем Георгий Константинович умолчал в своих мемуарах? Запрещал ли Сталин приводить войска в боевую готовность? И кто на самом деле повинен в трагедии 1941 года?

